

УДК 930.2
ББК 63.3(2)622.78
Г 11

Редакционная коллегия сборника

- | | |
|-------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------|
| Александр ЛОГИНОВ | – начальник управления культуры администрации города Магнитогорска |
| Александр ИВАНОВ | – директор МКУК «Магнитогорский историко-краеведческий музей» |
| Анатолий ЗАХАРОВ | – член президиума Совета ветеранов города Магнитогорска |
| Вадим ЧУПРИН | – заместитель главы города Магнитогорска |
| Виктор КОТЛОВ | – ученый секретарь МКУК «Магнитогорский историко-краеведческий музей» |
| Леонид ЭСЛИНГЕР | – директор МБУК «Детская художественная школа» города Магнитогорска |
| Михаил САФРОНОВ | – Советник главы города Магнитогорска |
| Сергей КИМАЙКИН | – заместитель главы города Магнитогорска |
| Юлия ВЛАСОВА | – главный специалист управления культуры администрации города Магнитогорска |
| Юрий ТРУТНЕВ | – общественный координатор проекта по реконструкции мемориального комплекса «Тыл – фронту» |

Редактор проекта

Елена КОЗИНОВА – корреспондент газеты «Аргументы недели»

Финансовая поддержка выпуска книги

Управление культуры администрации города Магнитогорска

Г 11 ГОВОРЯТ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ.
МАГНИТКА – ПОДВИГ ТЫЛА. М.: ЗАО «СВР-Медиапроекты»,
2013. – 288 с., илл.

Книга распространяется бесплатно.

УДК 930.2
ББК 63.3(2)622.78

© ЗАО «СВР-Медиапроекты», 2013

Уважаемый читатель!

Перед вами уникальное издание – «Говорят герои великой Победы. Диалог поколений. Магнитка – подвиг тыла». Еженедельник «Аргументы недели» стал инициатором выпуска четырех книг данной серии. На мой взгляд, авторским коллективом очень удачно выбран формат издания – интервью и воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. Разговор с ними ведут их наследники – юноши и девушки, которым важно знать правду о событиях второй мировой войны.

Эта книга особенно близка жителям Магнитогорска, потому что содержит воспоминания героев военных лет, многие из которых ковали победу именно в этом городе. Среди них и легендарные личности, такие, как «Стальной король России» – директор ММК Григорий Носов, управляющий треста «Магнитострой» Вениамин Дымшиц, и рядовые труженики военного тыла. Их искренние, проникновенные слова о событиях военной поры никого не оставят равнодушными.

Хочу поблагодарить за неподдельный интерес к судьбам тружеников тыла всех, кто причастен к созданию книги. Особенно приятно, что среди них – студенты Магнитогорского государственного университета, молодые рабочие ОАО «ММК-Метиз». Надеюсь, что подготовка материалов для издания стала для них бесценным опытом и серьезным уроком. Думаю, что читатели книги смогут узнать еще больше о легендарной Магнитке, ее людях и их подвиге в годы Великой Отечественной войны.



A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke.

**Евгений
ТЕФТЕЛЕВ,**
глава города Магнитогорска

Дорогие читатели!

Великая Отечественная война занимает особое место в летописи Магнитогорска. Магнитогорцы внесли весомый вклад в разгром гитлеровской армии. Не случайно монумент «Тыл — фронту» установлен именно в нашем городе — там, где билось стальное сердце исторической Победы. Магнитка стала примером стойкости, мужества и упорства на трудовом фронте.

Тема той уже далекой войны продолжает оставаться актуальной и сегодня. Она неисчерпаема и многолика. Уверен, что воспоминания тех, кто жил в те трагические и одновременно героические годы, необходимы нам, живущим в мирное время. Они позволяют услышать из первых уст, какими невероятными усилиями, ценой каких испытаний и потерь приближалась долгожданная победная весна 45-го года.

Открыв эту книгу, вы, дорогие читатели, станете заочными свидетелями трудовых будней военного времени. Ее героями являются труженики тыла, ветераны войны. Среди них — и наши земляки. Пережитое нельзя предавать забвению. В памяти о минувшем — уважение к истории, преклонение перед подвигом тех, кто своим самоотверженным трудом в тяжелейших условиях военного времени ковал Победу.



A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several fluid, overlapping loops and strokes.

**Виктор
РАШНИКОВ,**
Председатель Совета
директоров ОАО «ММК»

*Я – Память.
Мне время подвластно.
От самого светлого дня
До самого темного часа
Я – Память.
Вглядитесь в меня.
Я в каждом ростками проклюнусь
И выйду на край тишины.
Морщины – как выстрелы в юность,
Седины – как залпы войны.
Магнитка – святая былина.
Твой сын превращался в металл,
Во Львове и в центре Берлина,
Взойдя на живой пьедестал.
Магнитка – военные тропы
И тыл, и такие бои,
Что встали над всею Европой
Бессмертные танки твои.
Я – Память.
От самого светлого дня
До самого горького часа.
Я – Память.
Вглядитесь в меня!*

Александр ПАВЛОВ



**МАГНИТКА -
КУЗНИЦА ПОБЕДЫ**

С НАЧАЛОМ Великой Отечественной войны Урал стал опорным краем державы, а Магнитка – стальным сердцем Родины. Магнитогорский металлургический комбинат (ММК), выпускавший «мирные» марки стали, в невероятно короткие сроки перестроил производство для выполнения оборонных заказов. Благодаря таланту ученых и инженеров-металлургов уже **23 июля 1941 года** впервые в мировой практике была получена броневая сталь по новой технологии, а **28 июля 1941 года**, опять же впервые в мировой практике, началась прокатка броневых листов на блюминге. Подвигом, иначе не назовешь, совместную работу строителей и металлургов, создававших в неимоверно кратчайшие сроки жизненно важные объекты для производства металла. Темпы строительства многократно

превышали мировые нормы. Так были построены: броневой стан «4500» (эвакуирован из Мариуполя), на котором уже **1 ноября 1941 года** был прокатан первый броневой лист; среднелистовой стан «2350» эвакуированного завода «Запорожсталь»; мартеновские печи; крупнейшие в СССР и Европе доменные печи; коксовые батареи; 5 заводов; жилье; социальные объекты и многое другое.

Невероятно, но к концу 1941 года производство броневых листов на ММК превысило объем его довоенного выпуска всеми предприятиями Наркомчермета!

Магнитка стала не только броневым щитом, но и боевым арсеналом Родины. Налаживалось производство снарядов, мин, авиабомб, ручных гранат. За годы войны было отлито **3 млн.** корпусов мин, **1,5 млн.** корпусов деталей №26 для «Катюш».

Индустриальная мощь Магнитки росла не по дням, а по часам, что вызывало недоумение врагов и восхищение в мире. Не забывайте, что **70%** рабочей силы здесь составляли женщины, подростки — учащиеся ФЗО, юноши и девушки. **25 июня 1941 года** сталевар мартеновской печи №3 Мариам Зикеева обратилась к женщинам Магнитки с призывом встать к станкам и машинам на смену мужьям и братьям. В военное время более **10 тысяч** женщин освоили «мужские» профессии: машинистов крана, экскаватора, паровоза; вырубщиков металла; операторов поста управления прокатных станков; подручных сталевара; взрывника... и многие другие. Среди них было немало стахановцев.

В январе 1942 года комсомольско-молодежные бригады С. Погорелова и Б. Буйвида выступили с предложением организовать соревнование за звание фронтовых бригад под девизом «Одну норму за себя, вторую — за товарища, ушедшего на фронт». В начале 1944 года на ММК было **108 бригад, 38 смен, 4 цеха** полностью молодежных.

Магнитогорцы, взрослые и дети, активно участвовали в создании фонда обороны. В ноябре 1941 года на подмосковный аэродром прибыла авиаэскадрилья «Магнитогорский металлург», построенная на сред-

ства трудящихся ММК. Для оснащения Уральского добровольческого танкового корпуса жители собрали **6,5 млн рублей**. Перечислялись средства на строительство бронепоезда, танков, самолетов, поездов-бань и т.п. Тысячи посылок с подарками и теплыми вещами были отправлены воинам и жителям освобожденных районов страны.

Школьники города собрали **150 тысяч** рублей на строительство танка «Магнитогорский пионер». В освобожденные районы было отправлено **10870 тетрадей, 21605 учебников** и **590** посылок. Школьники и учителя области передали в фонд обороны более **10 млн рублей**, а молодежь ММК собрала **200 тысяч** рублей на строительство корабля «Челябинский комсомолец». В течение всей войны активно поддерживалась живая связь между магнитогорцами и фронтовиками — в переписке, в направлении делегаций с подарками для воинов.

Магнитогорцы, трудились не только на производстве, но и в госпиталях. В городе было девять эвакуационных госпиталей (около **5000** коек), размещенных в помещениях школ, Дворца культуры металлургов, педагогического училища и центральной городской больницы. Здесь прошли лечение более **31 тыс.** человек. **70%** раненых возвра-

щались в строй. Была необходимость в лекарственных препаратах. Практическую помощь здесь оказали специалисты ММК. В центральной заводской лаборатории были разработаны технологии и налажен выпуск сульфидина, стрептоцида, норсульфазола.

Тимуровские команды школьников помогали ухаживать за ранеными, собирали для них ягоды и лекарственные растения, а учащиеся ремесленных училищ и воспитанники детских садов проводили концерты в госпиталях.

В годы войны труженики Магнитки проявили массовый героизм, их руками в тылу ковался меч Победы. Если бы отлить их фамилии в металле даже мелким шрифтом, то возник бы Пантеон Трудовой Славы не менее грандиозный, чем знаменитый Георгиевский зал. Более **2 тысяч** человек были награждены орденами и медалями СССР, более **60 тысяч** – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», **12** человек удостоены Государственной премии.

За образцовое выполнение заданий Государственного Комитета Оборона (ГКО) СССР Магнитогорский металлургический комбинат награжден орденом Ленина (1943 г.) и орденом Трудового Красного Знамени (1945 г.), трест «Маг-

нитострой» – орденом Ленина (1945 г.), ремесленное училище № 13 – орденом Трудового Красного Знамени (1943 г.). Знамя Государственного Комитета Оборона вручено на вечное хранение коллективам рудника горы Магнитной, мартеновского цеха №2 и сортопрокатного цеха ММК, а также треста «Магнитострой», завода металлоизделий и ремесленного училища №13.

В лихую годину руководителями Магнитогорского металлургического комбината и треста «Магнитострой» оказались талантливые высококлассные специалисты, блестящие организаторы, настоящие патриоты Родины: Г.И. Носов, директор ММК, стальной король России (как его назвал Д. Нельсон, руководитель военной промышленности США в 1944 г.) и В.Э. Дымшиц, управляющий трестом «Магнитострой», строитель эпохи. Под их руководством в Магнитке совершались по-настоящему революционные преобразования в металлургии и строительстве.

За годы Великой Отечественной войны ММК освоил **100** новых марок стали. Каждый второй танк и каждый третий снаряд изготовлен из магнитогорского металла. Фронт получил от Магнитки более **16 млн** единиц различных элементов боеприпасов. Все танки ИС-2

(самые мощные во Второй мировой войне) и САУ-152 изготовлены из брони Магнитки.

За всеми этими событиями — судьбы, подвиги, радости, страдания, жизнь и смерть десятков тысяч людей. Магнитогорцы, как и вся страна, были объединены одной целью — победить. И не случайно именно в Магнитке в первые дни войны родился девиз «Все для фронта, все — для Победы!», которому магнитогорцы свято следовали в течение всей войны.

Для современной молодежи Великая Отечественная война далека и во многом неизвестна. Историческая память — это лакмусовая бумага жизнеспособности народа и государства,

основа связи поколений. Все меньше остается участников тех великих событий. Героические мальчишки и девчонки военного времени сегодня — пожилые люди.

Наша задача — окружить их заботой и вниманием, в каждой семье, городе, селе и в стране в целом сохранить память для будущих поколений о трудовом и нравственном подвиге поколения Победителей.

В.Э. Дымшиц в своей книге «Магнитка в солдатской шинели» писал: «Магнитка — один из решающих фронтов Великой Отечественной войны, где ковалась наша грядущая Победа. Верю, что придет день, когда на знамени города будут написаны слова «Город-герой Магнитогорск».



Григорий Носов



Г.И. НОСОВ

**На стеллаже
лежал первый
в мире броневой
лист, прокатанный
на блюминге**

Вспоминает Григорий Носов (1905–1951 гг.) – легендарный «народный директор» Магнитогорского металлургического комбината в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления, дважды лауреат Государственной премии СССР, «стальной король России»...

Разгар дискуссии

Первая военная задача нашего завода сводилась к следующему: в кратчайший срок смонтировать эвакуируемый с юга броневой стан (толстолистовой стан «4500» с Мариупольского завода имени Ильича) и начать катать броню. *(ММК не имел станков, предназначенных для проката броневой стали – ред.)*. Весь технический персонал был мобилизован. Возник ряд проектов, где установить стан. Оказалось, что он всюду будет мешать нормальному производству. В моем кабинете разгорелся горячий спор, на каком варианте остановиться.

В разгар дискуссии появляется озабоченный замести-

тель главного механика комбината Николай Андреевич Рыженко. Он, один из наших старых кадровиков, знает каждый уголок завода, каждый кран и стан. Рыженко всегда там, где более всего нужен. Он всегда находит самые неожиданные выходы из трудных положений.

– А ваше мнение каково, где мы поставим стан? – спрашиваю я Рыженко. Он будто собирается с духом и говорит:

– Где бы мы ни поставили его, он будет не на месте. При этом на монтаж стана уйдет слишком много времени, а его у нас нет... Вы слышали сводку.

Этого я от Рыженко не ожидал. Не думал я, что он

впадет в панику; мне хочется его оборвать, даже накричать на него. Еще не хватало, чтобы наши работники пытались ревизировать решения Москвы! Но на какой-то миг я сдержал накипевшую во мне ярость и хорошо сделал. Рыженко продолжает излагать свои мысли:

— Я уверен, что мы можем гораздо скорее в больших количествах получать броневой лист.

— Каким образом? — почти кричу я.

— Будем броневые листы катать на блюминге.

Все буквально поражены.

Ни одной идеей нельзя пренебрегать прежде, чем ее всесторонне не изучишь, не проверишь. Тем более идеей Рыженко. Он имеет право на внимание. Завод ему многим обязан: многие сложные механизмы переделаны по его проектам. В этом человеке сочетаются тонкий конструктор и отличный организатор.

— Вы хорошо продумали этот вопрос? — спрашиваю я его.

Рыженко не привык бросать слова на ветер. Он понимал, какое впечатление должно произвести его предложение, и на совещание он пришел, вооруженный техническими доводами и расчетами.

Первое, что натолкнуло его на эту мысль, — габариты

блюминга, они допускают прокат листа. Второй вопрос: хватит ли у блюминга мощности на обжатие столь твердой стали? На него Рыженко также ответил утвердительно. Наконец, как кантовать (переворачивать) заготовку и убирать готовый лист? У Рыженко для этой цели были наготове простые, остроумные приспособления. Он тут же излагает все свои доводы и предложения, демонстрирует эскизы. Все убедительно!

Прошло совсем немного времени с тех пор, как третий блюминг был пущен. Мы долго не могли налюбоваться им. Такой красавец! Он сделан на нашем Уральском заводе тяжелого машиностроения и даже внешне кажется солиднее, мощнее ранее установленного немецкого блюминга. Рыженко подчеркивает и это.

— На том блюминге, — говорит он, — я бы не решился предложить катать броню, а на уральском можно, вполне можно.

— Теперь все взоры обращены на начальника блюминга Царакова. Но он даже не дает себе труда, как следует подумать. Не дожидаясь моего вопроса, он вскакивает и, страшно возбужденный, заявляет:

— Это немыслимо! Это нелепость! Блюминг полетит ко всем чертям! Листы на блюминге — это фантазия, которая плохо кончится!

— Почему же это все-таки немислимо? — как можно мягче спрашиваю я.

— Да потому что ничего похожего никогда нигде не делали! Потому что нажимные винты не выдержат! Потому что двигатель недостаточно мощен для этого! Блюминг не для этого предназначен. Вы ведь не спрашиваете, почему нельзя подняться в воздух на автомобиле!

Обе стороны выслушаны. Сразу принять решение, конечно, нельзя, но мысленно я уже представляю себе, как из-под валков блюминга выходит броневой лист. Какое это облегчение для завода! Какое

облегчение для страны! Какой вклад в дело разгрома Гитлера!

Для обоснования своих предложений Рыженко просит 24 часа. Я обязываю его, начальника блюминга Царакова и главного калибровщика Бахтинова в течение 24 часов представить исчерпывающие соображения по этому вопросу.

Они уходят, а мы продолжаем обсуждать варианты размещения стана, который идет к нам с юга.

Прошли сутки. Рыженко, Цараков, Бахтинов, почти все прокатчики и механики завода снова собрались за столом. У Рыженко готовые эскизы

приспособлений, которые превратят блюминг в стан для прокатки брони. Мы сможем тогда прокатывать столько брони, сколько у нас будет стали. Рыженко доказывает, что его план простой, реальный, осуществимый, что мы получим броню через несколько дней, задолго до прибытия и установки прокатного стана. План Рыженко разрубает весь узел трудностей, с которыми мы встретились в

Обе стороны выслушаны. Сразу принять решение, конечно, нельзя, но мысленно я уже представляю себе, как из-под валков блюминга выходит броневой лист. Какой это вклад в дело разгрома Гитлера!

первые же дни войны. Бахтинов и Бояршинов поддерживают этот план, Цараков за эти 24 часа своей позиции не изменил. Наоборот, он пришел «дать бой» и «вооружился» расчетами и толстыми томами учебников по прокатному делу. Цараков произносит обвинительную речь против Рыженко.

— Вы хотите в столь ответственный момент вывести из строя блюминг! Ваш план — авантюра! — восклицает он.

В разгар спора раздается звонок. Нас вызывает Москва. У аппарата народный комиссар черной металлургии И.Ф. Тевосян.

— Что же вы решили, где поставить стан? — спрашивает нарком.

Я отвечаю ему, что у нас возник новый вариант. Но на слове «вариант» Тевосян обрывает и горячо отчитывает:

— Вы доиграетесь с вашими вариантами. Вы, вероятно, не отдаете себе отчета в серьезности момента.

Я хорошо понимаю наркома. Точно так же мне хотелось вчера отчитать Рыженко, когда он впервые явился сюда со своим вариантом. Я не выдержал и, сколько есть мочи, стал кричать в трубку:

— Мы будем катать броню на блюминге!

И тотчас услышал взволнованный голос:

— То есть как на блюминге? А может это выйти?

Вкратце излагаю сообщения Рыженко и его сторонников. В душе я уже был с ними. Но в то же время меня очень тревожила возможность поломки блюминга. В разговоре с наркомом я подчеркнул, что это — пока только предположение, что сейчас у меня в кабинете происходит горячее обсуждение проекта Рыженко. Имеются серьезные возражения, риск большой. Начальник блюминга расчетами доказывает, что поломается станина, что из строя выйдут нажимные устройства, что возможны вся-

кие другие беды. Словом, мы рискуем блюмингом.

Но товарищ Тевосян меня уже не слушает:

— Без риска ни одно дело не делается. Бросайте все и займитесь только этим делом. Поймите, от того, как мы дадим броню, в значительной мере зависит ход войны.

Я положил телефонную трубку. На какое-то время воцарилось молчание, как будто ждали приговора.

— Что сказал нарком?

— Нарком верит, что мы настоящие советские инженеры и сумеем решить трудную задачу, раз этого требуют интересы Родины. Кроме нас, этого никто не сделает.

Я говорю это и смотрю на Царакова. Он весь съеживается, чувствую, что ему неприятны мои слова, но от своей позиции он не отступает. Времени на размышления больше нет. Перевожу разговор на практические рельсы: надо начинать готовиться к опытной прокатке.

— Николай Андреевич, когда могут быть готовы приспособления? — обращаюсь я к Рыженко.

— Их можно сделать за восемь-десять дней.

— Итак, восемь дней. Начинать подготовку. Ответственность возлагаю на вас, Царакова и Бахтинова.

Горячая работа

Пока мы обсуждаем практическую сторону дела, снова звонит Москва. У аппарата товарищ Тевосян.

— Ваш план, — сообщает мне нарком, — принят. Если вы организуете прокатку броневых листов на блюминге и таким образом выиграте два-три месяца, Родина скажет вам спасибо.

Теперь я начинаю жалеть о том, что раньше времени рассказал наркому о нашем плане: вдруг прав Цараков! Я говорю об этом товарищу Тевосяну:

— Зачем вы рассказали об этом товарищу Сталину? Рано еще.

— Ничего, ничего, — успокаивает меня товарищ Тевосян, — будете горячее работать!

Дни и ночи проходят в подготовке. Несколько раз звонил народный комиссар, осведомлялся о ходе дел. Мы старались предусмотреть всякие случайности, но разве можно все предусмотреть. Решено было первые испытания провести не с броневой, а с более мягкой сталью. В фасонно-литейном цехе отлили слитки точно такого же размера и формы, что и броневой стали. Наступил час испытания. У перил моста управления блюминга собрались почти все, кто, так или иначе, причастен к этому делу. Здесь и секретарь

городского комитета партии и парторг ЦК ВКП(б) на заводе. Рыженко в последний раз проверяет механизм, за ним неотступно следует Цараков. Команда отдана. Кран поднял раскаленную болванку и перенес ее на рольганги. Старший оператор блюминга Спиридонов взялся за рукоятку. Вот уже болванку захватили валки. Оператор действует своими рычагами. Слиток идет вперед-назад, вперед-назад. Вдруг треск... Блюминг встал. Рыженко, Цараков, главный энергетик бросаются вниз, в зал, где установлены моторы. Через несколько минут докладывают:

— Авария мотора.

Это было чистой случайностью. Прямого отношения к прокату листа авария не имела. Но с испытаний все ушли, как с похорон. Двадцать восемь часов ремонтировали мотор. За это время много было передумано. Поломка мотора была плохим предзнаменованием. Может, отступить? Рисуем ведь блюмингом! Но нет! Как только мотор был отремонтирован и вся электрическая часть проверена, мы снова собрались на мостике.

На этот раз решено провести эксперимент до конца. В нагревательные колодцы, как и в прошлый раз, были загружены два слитка мягкой стали и несколько слитков брони.

Слитки мягкой брони прошли отлично, приспособления Рыженко работали безотказно. На стеллаже лежал первый в мире стальной лист, прокатанный на блюминге. Первая часть возражений Царакова развеяна. Тем сильнее теперь напряжение. Команда. Слиток броневой стали идет к валкам. Теперь его не остановишь. На карте блюминг, на карте честь завода!

Оператор работает тонко, осторожно. Первый пропуск через валки, миллиметр обжатия. Второй, третий..., двадцатый, тридцатый, сорок третий, сорок четвертый, сорок пятый. Последние проходы, лист убран с блюминга. Затем пошел второй слиток и третий. Блюминг выдержал. Винты целы, мощности хватило. Наши советские люди выдержали тягчайший экзамен.

Мы стоим у броневом листе, прокатанного на блюминге в Магнитогорске. Этого листа ждет от нас вся страна. Его ждет товарищ Сталин. Рядом со мной оказывается Цараков. Я вижу только его, хотя здесь и Рыженко, и все прокатчики, и не только они. Я смотрю на Царакова, и он на меня смотрит. У него какие-то пустые глаза. Я вспоминаю его речь, — почему он так резко выступил против Рыженко? Что это: техническая трусость, консерватизм или обида, что не он пришел к этой

мысли? Мне сейчас некогда разбираться в этом. Ясно одно: Цараков не выдержал испытания войной. Он и впредь будет цепляться за трудности, он для завода будет обузой. И я говорю ему твердо, даже жестко:

— С этого часа вы освобождены от должности начальника блюминга, передайте дела Савельеву.

Наперекор теории

Мы дали стране броневой лист значительно раньше срока. Мы могли теперь давать неограниченное количество брони. Если будет сталь... *(При действующей в то время технологии выплавки специальных сталей дуплекс-процессом из-за его длительности и малого объема выпуска блюминг испытывал броневой голод. Впервые в мировой практике Г.И. Носовым была поставлена и решена задача по разработке технологии выплавки таких сталей в обычных многотоннажных печах с основным подом — ред.)*

Мы начали ломать устоявшиеся традиции и законы выплавки качественных марок стали. Но от марок стали, которые мы варили в большегрузных печах, до броневой — дистанция огромного размера. И никогда даже в мыслях у нас не было, что Магнитогорскому заводу придется плавить такую сталь.



Директор комбината Г.И. Носов (в центре) с рабочими мартеновского цеха. 1943 г.

Нигде в мире никто не пытался этого делать. Но постановление было подписано товарищем Сталиным. Стало быть, невозможное должно стать возможным. Труднейшую задачу надо было решать быстро, так же быстро, как молниеносно разворачиваются события на фронтах.

Против этого восстали старые каноны и авторитеты... Хранители металлургической мудрости пресекали всякую попытку сделать шаг в новом направлении. Они воздвигали целое здание доказательств того, что структура стали необходимой плотности и однородности может быть достигнута только при кислом процессе. Что только такая сталь обладает высоки-

ми механическими свойствами. Что она лучше «работает на сжатие и на разрыв». Что у нее более высокий предел упругости, что... Бесконечный ряд всяких «что», подкреплённых формулами и теоретическими рассуждениями.

И вот большая печь загружена по новому рецепту. Процесс ведут сталевар Абраменко и мастер Хилько. Первая плавка не удалась. Вторая плавка удалась. Третья пошла в брак и четвертая тоже...

Не хватает феррохрома — основного элемента легирования брони. Даем задание разработать новую марку броневой стали, имеющую резко сниженное содержание хрома.

Удивительное дело: как только берешься за какое-нибудь смелое и новое дело, тут как тут появляются разного рода «теоретики», которые начинают нашептывать: «Нельзя». И вот так случилось и в тот, острый момент. Начальник мартеновского цеха безапелляционно заявил: «В металлургии есть свои законы, и через них не перепрыгнешь». И на этом участке пришлось менять руководителя, чтобы не погубить дело. Такого человека мы нашли — металлурга волевого, с твердым характером, большим опытом. Им оказался инженер Феодосий Дионисьевич Воронов (*впоследствии директор ММК в 1954-1960 г.г., 1961-1968 г.г. — ред.*). Перед ним и возглавляемым им коллективом была поставлена задача — наладить процесс плавки броневой стали в «основных» печах, минуя «кислый» процесс.

Пятая, шестая, седьмая, восьмая плавки удались. По

химическому анализу броневой металл ничуть не отличался от сваренного в «кислых» печах. Броню прокатали и отправили на полигон для испытаний. Незачем говорить о том, с каким волнением ждали мы заключения. «Металл годен», — сообщили нам через несколько дней. Большой мартен вошел на вооружение качественной металлургии.

В процессе перестройки завода на военный лад перед нами встал целый ряд труднейших технических проблем. Мы их успешно решали, потому что техническая смелость стала типичной чертой нашего коллектива. За предвоенные годы в Магнитогорске не только были построены блюминги, домы и мартены, но, может быть, большее значение имело то, что завод стал великолепной школой кадров. В годы войны эти кадры развернули свою недюжинную инициативу и свои таланты.

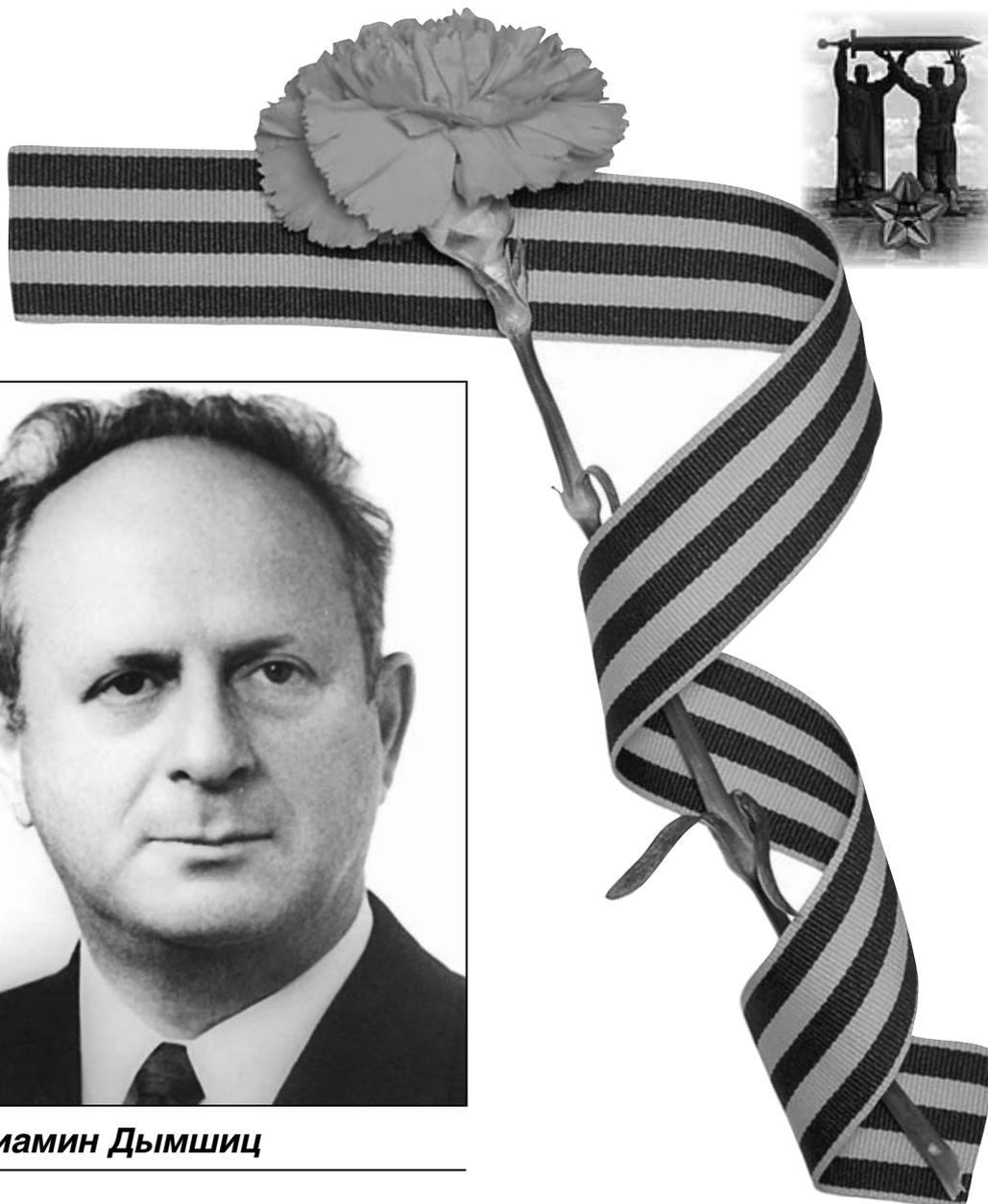
Разбитый танк

*Металлу, наверное, снится,
Что снова он стал рудой,
Лежит на горе Магнитной
Бесформенный и молодой;
Что снова идет он в домну,
И снова проходит прокат,
И движется танком огромным,
И пушкой глядит на закат;
И снова он давит броню,
И гонит врага вон.
Раскинулось поле боя,
И снится металлу сон.*

Михаил ЛЬВОВ



Вениамин Дымшиц



В.Э. ДЫМШИЦ

**Масштабы и темпы
строительства
удивляли даже
бывалых людей**

Вениамин Дымшиц – легендарный строитель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, управляющий трестом «Магнитострой» в 1939–1946 годах. Воспоминания этого великого человека – уникальный исторический документ, который характеризует эпоху и людей того времени, самых обычных и феноменальных одновременно.

С магнитогорской броней

Магнитка – символ, если хотите эмблема индустриализации страны. Это была первая стройка среди крупнейших и важных объектов исторической первой пятилетки. И тогда, и сейчас, когда хотят сказать о величайшем развитии какого-либо производства, то говорят – «это наша Магнитка»: о Караганде – Казахстанская Магнитка, о Липецке – Липецкая Магнитка, о Череповце – Северная Магнитка, о Нижнекамске – Магнитка нефтехимии.

«Магниток» много, даже в других странах. И никто не обижается, потому что это сравнение никого не ущемляет, оно означает что-то новое, смелое, грандиозное, важное для жизни страны, создаваемое трудом народа...

Люди моего поколения до конца своих дней будут помнить то июньское воскресенье сорок первого года, когда началась война. Последний день отдыха. Потом не было у нас выходных все четыре года войны и долго после ее окончания.

Прежде всего, должен рассказать о первом боевом задании магнитогорским строителям и металлургам – о производстве броневой стали для танков. До войны броневой стальной лист катали в Мариуполе и в районе Ленинграда. Крупнейшие заводы Урала и Сибири – Магнитогорский, Тагильский, Кузнецкий – не имели необходимых для этого станов. Одним из первых решений Государственного Комитета Обороны, принятым в июле 1941 года, предусматривалось создать и развить танковую промышленность на Урале. Мирный Челябинский

тракторный завод переключился на производство танков. А изготовление броневых листов для танков предусматривалось развернуть на Магнитогорском и Тагильском металлургических комбинатах.

Глубокой ночью фельдшер принес мне телеграмму. Она была короткой и ясной: получить эвакуированный Мариупольский броневой стан, построить цеха и выпускать танковую броню. Срок тоже был определен четкий — два месяца. Не два года по нормам мирного времени и даже не два квартала, а два месяца!

Стана еще не было, мы его не видели и не знали, он где-то еще шел дорогами войны. За два месяца требовалось построить здание броневых станков, который еще не прибыл, смонтировать сложное оборудование, построить большой цех термической обработки брони, котельную, газопровод и все многочисленные вспомогательные сооружения. На все это еще не было ни одного чертежа.

На этом объекте собрали лучшие бригады строителей и монтажников, электриков и огнеупорщиков, плотников и сантехников, самые передовые коллективы Магнитостроя.

Выполнение 2-3 норм стало системой. Борьба за 10 норм, движение тысячников было делом доблести сотен строителей.

После получения импровизированного чертежа генплана сооружение термического цеха решено было начать одновременно по всему контуру, не теряя время на очередность.

Буквально через два-три дня по контуру всего здания копали котлованы под фундаменты

Движение за право называться фронтовой бригадой началось с рекорда землекопа Каиба Рахметова. В январе 1942 года он выполнил 4 нормы, копая землю, которая была буквально закалена 40-градусным морозом.

колонн цеха, уже шло армирование и бетонирование. В течение месяца каркас здания был возведен, а еще через месяц крупный и сложный цех, насыщенный техникой, которую сделали преимущественно в ремонтных и механических цехах комбината и наши механомонтажники, был готов к термической обработке танковой брони.

Сложнее было положение на строительстве самого броневых станков. Как на грех, пошли проливные дожди. Люди мокли. Кончалось лето, под дождем было холодно. Специальная группа круглосуточно сушила



Вручение вымпела Челябинского обкома ВЛКСМ лучшей бригаде на строительстве Южного тоннеля. Декабрь 1942 г.

одежду там же, на территории цеха. Строители переодевались по 3-4 раза в смену, но работу не прерывали. Через несколько дней поставили палатки и перевели часть людей на лагерное положение: кто хотел, мог жить в эти дни на стройке. Организовали питание на месте: горячий чай был в любое время суток.

Сооружались все остальные объекты, без которых броневой стан работать не может: котельная, газопровод, железнодорожные пути, энергетические объекты, трубопроводные сети. Все они, без исключения, были сданы в срок. Стан был готов к прокатке брони на пять-

десять девятые сутки с начала его сооружения.

Строители призвали всех магнитогорцев дни празднования годовщины Октября считать рабочими, а заработанные деньги передать в фонд обороны Родины. Весь Магнитогорск откликнулся на этот призыв.

За образцовое выполнение задания Государственного Комитета Обороны по созданию танковой промышленности на Урале в тяжелом первом году Отечественной войны большая группа строителей была награждена орденами и медалями.

Правительство наградило меня десятью высокими орде-

нами, в том числе семью орденами Ленина. Но той первой своей наградой в 1941 году за активное участие в создании танковой промышленности на Урале я особенно горжусь и берегу этот орден таким, каким его выдали в то время – с ручным креплением на винте.

Танкостроители в Челябинске начали получать танковую броню досрочно, с блюминга, а вскоре и с построенного броневоего стана. Производство танков росло изо дня в день и броней не лимитировалось, с ее прокаткой уже мог справиться броневой стан даже без блюминга. Уже в боях под Москвой в октябре и ноябре 1941 года, когда немцам был нанесен мощный удар, участвовали челябинские танки с магнитогорской броней.

Скажу еще раз: я написал о броневом стане потому, что эта первая военная стройка была для меня, как и для всех магнитогорцев, особенной. Она на практике с первых дней Отечественной войны продемонстрировала патриотизм наших людей, показала, что такое единство фронта и тыла.

Строительство гигантов

Для выплавки стали не хватало чугуна. И главной задачей Магнитостроя в 1942 году

стало сооружение и сдача металлургам доменной печи №5. Это было поручение Государственного Комитета Оборона. В этом же году предстояло построить и ввести электропаровозовоздушную станцию, коксовую батарею с химическим производством и ряд других цехов на заводе, обустроить и расширить эвакуированные предприятия.

Строительство пятой домны совпало по времени с самым тяжелым и тревожным для всего нашего народа эпохальным событием – Сталинградской битвой. День и ночь самоотверженно трудились на сооружении домны рабочие и инженерно-технический состав. По-новому был организован труд. Работали сразу «на многих этажах».

Масштабы строительства, его темпы, атмосфера трудового напряжения удивляли даже бывалых людей. Но это был наш долг, приказ Родины. Самым почетным в те грозные военные годы считалось звание «фронтальная бригада». А началось движение за право на такой титул в Магнитогорске, с рекорда землекопа Каиба Рахметова, ставшего потом членом фронтовой бригады. В январе 1942 года он выполнил 4 нормы, несмотря на то, что копал землю, которая была буквально закалена 40-градусным морозом. Но потом выполнение если не четы-

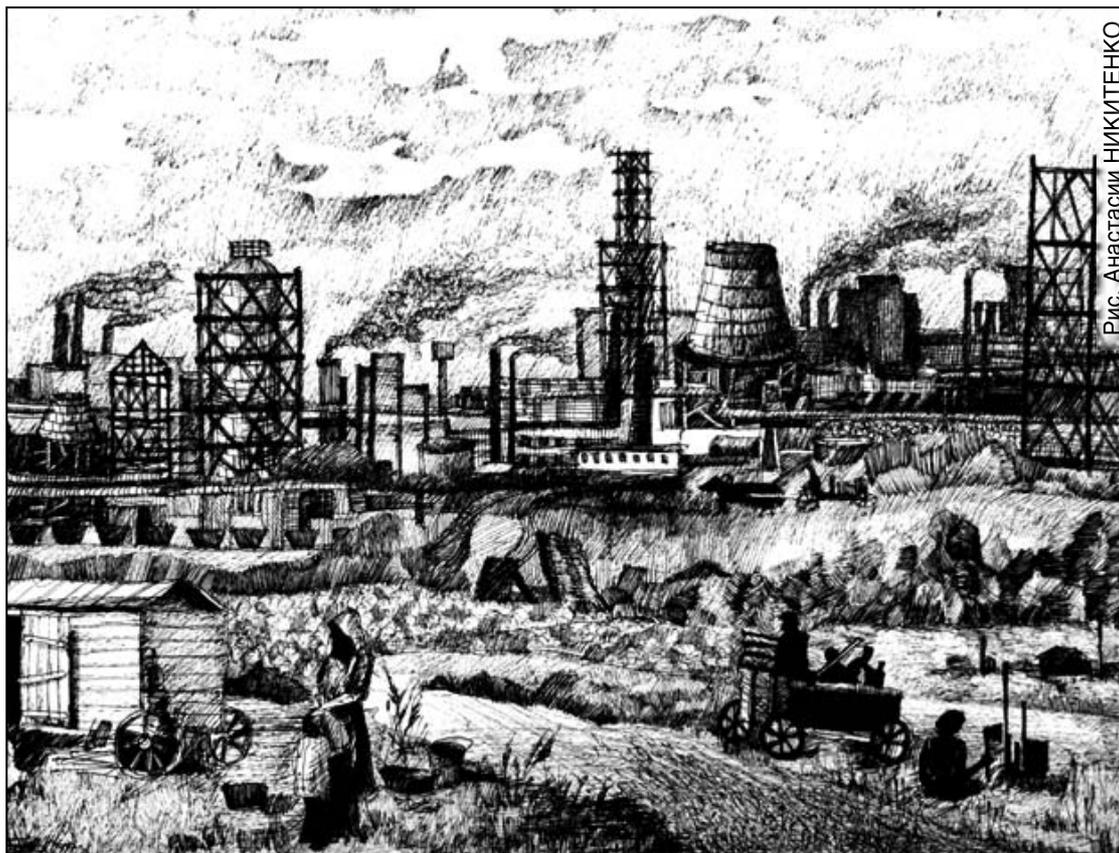


Рис. Анастасии НИКИТЕНКО

40-е годы в Магнитке

рех, то полутора-двух норм стало явлением распространенным. Это был труд магнитогорцев во имя Победы.

И вот самая мощная в Союзе и Европе пятая магнитогорская доменная печь выдала первый чугун, начала работать для фронта. Это было 5 декабря 1942 года. Газета «Правда» в передовой статье от 6 декабря 1942 года «Огни пятой домны» писала: «В дни войны, когда все силы мобилизованы на борьбу с немецкими захватчиками, наше Советское государство обладает достаточными средствами, чтобы зажигать новые домны, строить новые заводы. ... Всем строителям металлургических

заводов и цехов можно сегодня сказать: равняйтесь по строителям магнитогорской домны №5».

Государственный Комитет Обороны в апреле 1943 года принял постановление: построить и ввести в действие в Магнитогорске в том же году еще одну крупную, шестую печь. Оставалось на ее строительство восемь месяцев. В прежние, довоенные годы магнитогорская доменная печь №2 строилась около двух лет, печь на Азовстали — три года и шесть месяцев, криворожская печь №3 — четыре года, хотя те домны были меньшими по объему. Иное теперь время, иные темпы.

Главная тяжесть работ приходилась на осень и зиму. Впервые в практике строительства была применена как система сборка и подъем клепанных металлоконструкций на стеллажи, укрупненными блоками. Работа на всей стройке велась круглые сутки. Пока одни трудились, другие отдыхали. Питание было организовано здесь же, на площадке.

Сооружение шестой домны объявили Всесоюзной комсомольской стройкой. Здесь работали более трех тысяч молодых людей. «Имена молодых патриотов Александра Бахтинова, Сергея Блюхина, бригадиров Кривоноса, Коваленко и десятков других строителей доменной печи в военный 1943 год, — писал в газете «Магнитострой» секретарь Челябинского обкома С.И. Колесников, — войдут в историю нашей Великой Родины, в историю

борьбы за счастье народа вместе с именами первых знатных строителей».

Домна была построена в установленный Государственным Комитетом Обороны срок — за восемь месяцев. 25 декабря 1943 года в 15 часов новая доменная печь №6 выдала первый чугун.

В экстренном выпуске выездной редакции «Комсомольской правды» в этот день говорилось: «Во всей Европе нет домны больше, чем наша комсомольская. Под стать ей только соседка — пятая домна, построенная год назад. 1400 тонн чугуна будет она ежегодно давать Родине. А это — 340 танков или тысячи орудий, или миллионы снарядов. Можно без преувеличения сказать, что пуск шестой комсомольской домны равносителен серьезной победе на фронте. Комсомол вправе гордиться созданием своих рук...».



Рис. Натальи БЕЗМЕНОВОЙ

Строительство домны №5

Магнитогорск

*Вновь мы книгу времени откроем,
Путь к простейшим истинам не прост.
Да, в Указах городом-героем
Не назвали наш Магнитогорск.*

*Под дождями сгнил барак дощатый,
И погасли буйные костры.
Но Россия помнит год тридцатый
И набатный гул Магнит-горы.*

*Разве люди могут не запомнить
Взрывы телеграфной тишины...
Был чугун, рожденный первой домной,
Первым мирным подвигом страны.*

*Шли мы, как в атаки, через время,
Принимая гордо свой удел.
И металл вливался в жадный лемех,
В тракторах натружено гудел.*

*А когда коварно мир нарушила
Рейха оголтелая орда,*

*Вздыбилась броней и оружием
Ярая магнитная руда.*

*И паучья свастика дрожала,
Под огнем умерив мотопрыть.
Нет, не Рур —
Магнитка вновь решала:
Быть России... быть или не быть?*

*Мы, надев отцов погибших робы
И к мартенам встав в пятнадцать лет,
Сокрушили полчища Европы
И железный крупновский хребет.*

*Будем вечно помнить все, что было:
Как мы шли от первого костра,
Как Россию грудью защитила
В грозный час Магнитная гора.*

*Будет вечно все, что мы построим,
Будет вечен и прекрасен труд...
И потомки городом-героем
Город наш рабочий назовут.*

Владилен МАШКОВЦЕВ



Егор Смертин



Г.И. СМЕРТИН

**Во время войны
выполняли три
сменных нормы, а
часто перекрывали
задания в 5-6 раз**

Имя Егор Смертин многое может сказать ветеранам Магнитостроя. Оно гремело в годы первых пятилеток, в грозные годы войны, да и потом, в не менее трудное послевоенное время восстановления народного хозяйства. Каким запомнился он магнитостроевцам? Здоровый, высокий, широкоплечий, крепкий мужчина. На работе строгий, требовательный, его уважали за справедливость. Лодырям и разгильдяям спуску не давал. Любил в разговоре вставить крепкое словечко. Был хорошим наставником, опекал молодежь. Иным он и не мог быть. Вся жизнь Егора Смертина – это постоянное преодоление трудностей во благо Родины.

Н А МАГНИТОСТРОЙ он приехал с большой группой земляков из Арбажского района Кировской области в декабре 1929 года. И на всю жизнь запомнил тот морозный день, когда, выйдя из вагона, впервые оказались они в заснеженной степи. Мела пурга и ничего вокруг не было видно. Кругом снег, где же будем жить? Недоумение развеял сопровождающий их группу товарищ – жить придется пока в палатках. Эти слова очень смутили: как в снежной степи в такие морозы жить в палатках?! Другого жилья не предлагали, и будущие строители зашли в палатку. В ней было довольно прохладно, хотя и

топилась печка. Спать приходилось в шубах и шапках.

На следующий день их распределили по бригадам, Смертин вместе с земляками попал в бригаду плотников. Делал топчаны для палаток. Но ему хотелось быть ближе к стройке. Попросился в землекопы – сила для такой тяжелой работы была. В очень трудных условиях приходилось им рыть котлованы для фундаментов арок первой плотины, которая тогда являлась самым ударным участком стройки. После подготовки фундаментов арок приступили к бетонным работам. Как вспоминал Георгий Иванович, по собственной просьбе был

зачислен в бригаду бетонщиков. Со многими трудностями пришлось столкнуться на новой работе, так как почти все выполнялось вручную.

В конце 1931 года Смертин возглавил бригаду, которая вскоре стала передовой. На строительстве коксовых батарей она неоднократно заносилась на Красную Доску почета. При норме 140 замесов делала до 700. Их постоянным соперником была прославленная бригада Хабибуллы Галиуллина. Соперничество продолжалось долгие годы, особенно в годы войны. Бетонщики не щадили себя на строительстве броневых и среднелистового станов, пятой и шестой доменных печей, коксовых батарей и других объектов, от быстрейшего пуска которых зависело

усиление помощи фронту. Выполняли три сменных нормы. А часто перекрывали задания в 5-6 раз. В упорной борьбе коллектив заслужил почетное право называться фронтовой бригадой имени Героя Советского Союза Александра Матросова.

Как-то бригаде поручили срочную работу. Срок отвели — 25 дней. Казалось, что невозможно выполнить задание в отведенное время. Но раз надо — так надо! Бетонщики вос-

приняли его как боевой приказ. У них была лишь одна просьба — поставить неподалеку от места работы палатку. Так и сделали. В палатке поместили кровати. Сюда после напряженного труда приходили строители, чтобы на два-три часа забыться коротким и тревожным сном. А затем — снова на укладку бетона. Жили так, пока не выполнили задание. Причем, выполнили не за 25 дней, а на неделю раньше!

В 1943-1944 годы бригада всю работу по уплотнению бетона проводила механизированным способом — вибраторами. В 1944 году, по итогам Всесоюз-

Во сне я видел себя на трудовом посту, за укладкой бетона. Жена моя, Люба, часто по утрам говорила: «Сегодня ночью ты опять кричал про бетон, чтобы везли скорей, да не заморозили его...»

ного соревнования комсомольских бригад, Наркомчермет и ЦК ВЛКСМ присудили бригаде второе место. Среди ее наград и грамота победителю в соревновании молодежных бригад строек Южного Урала.

Смертин был в составе делегации магнитогорцев, которая доставила подарки бойцам на фронт. После войны Георгий Иванович вспоминал: «Я жил тогда одной думой — быть достойным наших славных вои-



Фронтальная бригада Е. Смертина. Бетонщики

нов, с оружием в руках громивших врага. Каждый день думал об одном — как бы сделать больше и лучше. И во сне видел себя на трудовом посту, за укладкой бетона. Жена моя, Люба, часто по утрам говорила: «Сегодня ночью ты опять кричал про бетон, чтобы везли скорей, да не заморозили его...»

Трудовой подвиг Смертина в годы войны отмечен боевым

орденом Красной Звезды и орденом Знак Почета. Магнитка стала родной и близкой Егору Ивановичу, с ней он связал свою судьбу навсегда. Город рос и вместе с ним рос и он. В 1948 году окончил курсы мастеров в Челябинске, трудился десятником бетонных работ, мастером в строительном управлении №5 треста «Магнитострой» до выхода на пенсию в 1961 году.



**Любовь
ПОДЛУЖНОВА,**
директор
Музея истории
Магнитостроя

Знамя Победы

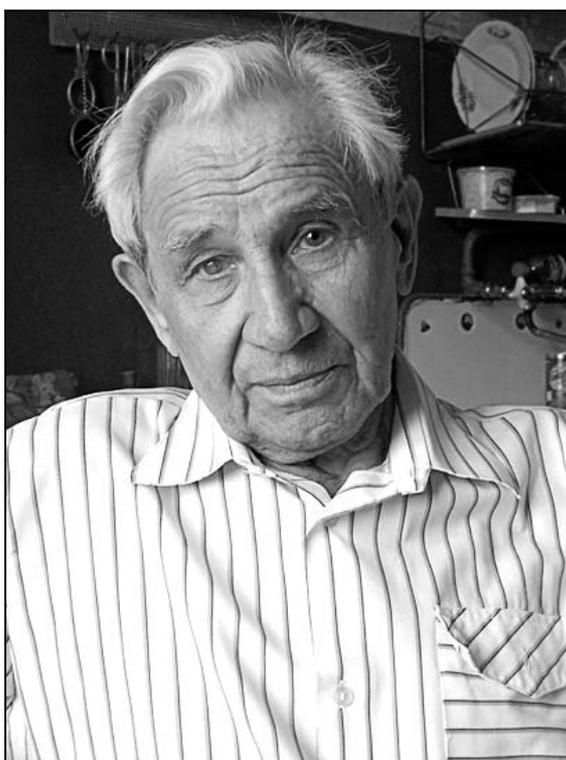
*Полчища в поле голом
Под орудийный вой,
Будто клинок над горлом,
Нависшие над Москвой.*

*Но, глаз не сомкнув до рассвета,
В прифронтовой ночи
Верное знамя Победы
Ткут до утра ткачи.*

*Трудятся, видя гордо
Сквозь отступлений беду
Май Сорок Пятого года
В Сорок Первом году.*

*Когда отбирают беды
У жизни за пядью пядь,
Надо знамя Победы
Не уставая ткать.*

Борис ДУБРОВИН



Константин Колокольцев



К.С. КОЛОКОЛЬЦЕВ

**Только прислонился
к подушке, мама будит:
«Вставай, Костька,
6 утра – на работу
пора»**

Пусть каждый вспомнит себя в 16 лет. Чем увлекался, о чем мечтал, с кем дружил и кого любил. И сложно представить, что жизнь могла бы быть другой. А вот Костя Колокольцев шестнадцатилетним мальчишкой встретил войну и пошел работать в коксохимический цех. Вместо беззаботной юности – тяжелый монотонный труд и двенадцати-часовые смены с короткими перерывами, вместо дружеской компании – рабочая бригада. В годы лишений и невероятных испытаний закалился характер Константина Семеновича. Через что пришлось пройти его поколению, доподлинно известно только им самим.



ОНСТАНТИН Семенович, расскажите, пожалуйста, где и как Вы жили к началу войны?

– Жил я на 6-м участке в каркасном доме, в трехкомнатной коммунальной квартире. Всей семьей, вшестером, в одной комнате. Мы переехали сюда из Анненска. Это в 180 километрах от Магнитогорска, так что по сути-то я местный. В 1932 году не стало отца. Я тогда был еще маленький: пошел в первый класс.

После школы стал чертежником в техническом отделении комбината. Потом меня направили в заводоуправление, в технический отдел, заниматься чертежами и их копированием.

А 13 февраля 1941 года, точно помню, ушел на производство. Всю жизнь там и проработал. Разные профессии освоил. Последняя моя рабочая специальность – техник-электрик.

– В 1941-м Вам было шестнадцать лет, куда же Вас взяли?

– Я пошел на коксохимическое производство, машинистом порталного крана. Рабочих рук не хватало, поэтому там я был нужнее. Тогда работали на машинах, которые назывались углеперегрузателями. Сейчас таких на комбинате уже нет, их давно демонтировали.

– В чем состояла основная сложность Вашей работы? Учитывая возраст и тяготы военного времени, конечно.

— Мы загружали вагоны оружием, минами и броневой сталью, необходимыми для фронта и производства военной техники. Каждая минута простоя вагонов очень дорого стоила нашей стране, они нужны были как воздух. На комбинате везде стояла военная охрана. Диверсий боялись. Ведь броневую сталь на блюминге начали катать сразу же после начала войны. Если произойдет какое-нибудь происшествие, виновных — сразу к стенке. Комбинат работал как часы.

Моя работа была настолько монотонной, что выделить какие-то особенные моменты не могу. Машинист крана что делает? Постоянно крутит, вертит, опускает, поднимает... Работали сменами по 12 часов, с 8 утра до 8 вечера каждый день. Так по 15 дней подряд, а потом выходной.

В углезаготовительном цехе часто возникали аварийные ситуации. Металлические транспортеры заваливало углем или шихтой (это смесь материалов, которая шла на плавку). Вот мы отработаем 12-часовую смену, вооружаемся лопатами и идем их очищать, потому что транспортеры, кровь из носа, нужны! Они постоянно снабжали печи шихтой. До двенадцати или до часу ночи чистишь эти транспортеры, потом — в душевую и прямо в раздевалке на лавочке

падаешь и спишь до утра, а утром принимаешь смену и работаешь дальше. Конечно, завалы разгребали не только мы: и дежурные электрики, и слесари, и бригадиры чистили.

Происходили и другие аварии. Тросы рвались, кривились грифели, рвались троллеи (это провода с направляющими роликами, которые использовались как проводники тока и соединялись с двигателем крана). Я помню, однажды оборвалась у меня троллея, а мороз 30 с лишним градусов, да ещё и с ветром. И вот пришлось заниматься стягиванием троллейной линии. Работали машинист 1-й и 2-й кабины. Чинили, запускали и продолжали работать.

— **Условиям работы не позавидуешь...**

— Да, условия были просто ужасные. Запыленность жуткая. Там же шихта и уголь. Лампочка горит и её даже не видно. Вот в такой атмосфере работали. Сейчас, конечно, условия другие, но обстановка тоже непростая.

— **Тяжело представить, как можно работать в таких условиях изо дня в день. Была ли вероятность, что Вас самого призовут в армию?**

— Когда началась война, мне было шестнадцать. На фронт отправляли ребят постарше, здоровых таких, возмужавших. А мы что? Мы мальчишки совсем. Среди нашей брига-

ды добровольцев не было — у всех бронь. На производстве мы фактически замещали тех мужичков, которых забирали на фронт. Вот мой брат Мишка, 1913 года рождения, воевал, вернулся с фронта в звании майора! До Берлина, правда, не дошел: его часть остановилась где-то недалеко. После войны он работал на железнодорожном транспорте. Две мои сестры Валентина и Мария также ушли на фронт. Валя была санитаркой. Погибла... А Маша вернулась и впоследствии работала в общественных организациях. Сейчас, к сожалению, никого из них уже нет в живых.

— Ушедших на фронт замещали не только такие же, как и Вы, юноши, но и женщины, девушки. Многим из них тогда пришлось освоить мужские профессии?

— Я думаю, мужчин и женщин на комбинате было поровну. Саму углеподготовку и все механизмы обслуживали женщины. Реверсивными, продольными и поперечными транспортерами занимались мотористки, как мы их называли. Парни были слесарями и машинистами. На порталных кранах вместе с нами вкалывали Стюра Слащина и Нина Задворных. Женщины были и машинистками коксовыталкивателя, и аппа-

ратчицами, и мотористками, и контролерами. В общем, везде работали.

— Война и адский труд накладывали свой отпечаток на повседневную жизнь. Как Вам удавалось проводить время в перерывах между сменами?

— В 1943 году мне дали квартиру на правом берегу. А на 6-м участке после моего переезда образовалось общежитие, где размещали эвакуированных.

На работу ходил по улице Уральской (первой улице правобережного района) через дамбу и на «кокс», а это не меньше четырех километров! Если

Вот мы отработаем 12-часовую смену, вооружаемся лопатами и идем транспортеры очищать еще на четыре часа. Потому что они, кровь из носа, были нужны!

все нормально, свои 12 часов отработал, помылся в душевой и возвращаюсь пешочком домой. Пришел, только прислонился к подушке, мама уже будит: «Вставай, Костька, 6 утра — на работу пора». Дорога была тяжелая, транспорта не было. Трамваи по этому маршруту пустили только в 1948 году. И вы даже представить себе не можете, как приходилось трудно! Не хватало времени, чтобы хоть как-то восстановить силы и уверенно подняться на кран

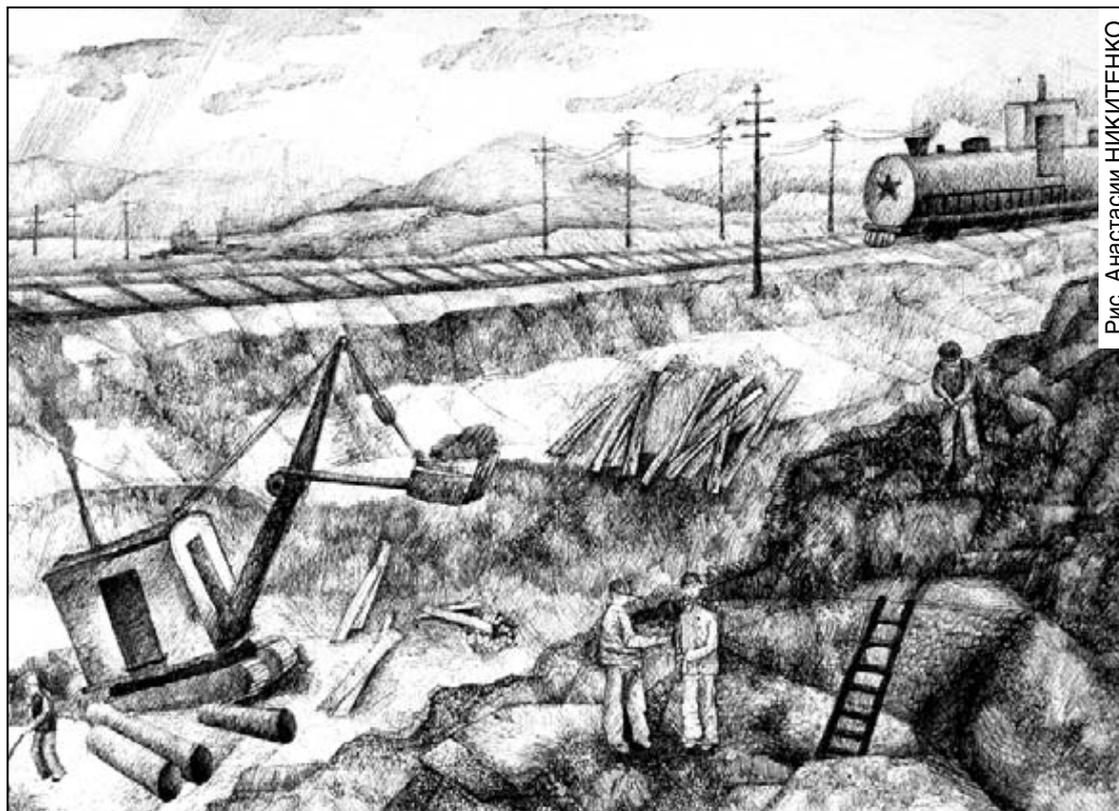


Рис. Анастасии НИКИТЕНКО

Строительство эвакуированных заводов на Урале

30-ти метровой высоты. Все делалось, что называется, на последнем дыхании.

— **А вдобавок еще и проблемы с продовольствием...**

— Со снабжением было очень трудно, но мне выдавали карточки с повышенной нормой. Ее получали машинисты, сталевары, люковые и другие работники комбината. Ведь мы работали на износ, от нас зависело все! Я брал карточки на себя, на маму и на брата, пока того на фронт не забрали. Давали хлеба 1 кг на день, рыбных, мясных изделий и круп 4,5 кг на месяц (мы её так и называли — «карточка 4 500»).

Обстановка была непростая, однако, случаев кражи не припо-

мню. Даже когда маленькие девочки бегали за хлебом для семьи, чтоб у них кто-то отбирал — нет, такого не было. Опасно ведь: поймают за кражу — расстрел. Были и рассеянные, которые карточки свои теряли, но им помогали, делились.

— **В таком изматывающем графике, наверно, вся жизнь сшивается в один долгий день?**

— Да, выдающегося ничего вспомнить не могу. Жизнь обыкновенная: работа — дом. Бывало, выезжали на озеро Банное, коллективно, сменой. Молодые все были, девчонки и мальчишки. Там в Эстрадном доме отдыха нас развлекали танцами.

Ещё я музыкой увлекался. В школе руководил струнным

оркестром. Но нотной грамоты не знал: был «слухач». И те ребята, которые в оркестре со мной играли, тоже подбирали ноты на слух. Я в свое время был первым баянистом на правом берегу. Только это уже после войны... А во время войны, знаете ли, не до музыки было.

Мы постоянно слушали радио. Оно, наверно, никогда не выключалось. Передавали сводки с фронта. Столько было радости, когда объявляли, что наши войска освободили очередной город или село! И как больно было слышать, когда наши отступали! А ведь надо было поднимать дух рабочих.

— **Константин Семенович, Вы упомянули об эвакуированных, которые жили в общежитиях. А много их было в Магнитогорске? Они тоже работали на комбинате?**

— Да, их очень много было. Они работали и в листопрокатном цехе, и в доменном, и на коксе. У нас на участке шесть человек было — это целая бригада. Они потом обосновались здесь, завели семьи. Александр Николаевич Чуриков, старший электрик на аглофабрике, Илюша Костенко, на мартене работал... А некоторые возвращались на родину. Миша Аристов работал у нас машинистом на ПВС-1. Он сам с Украины, из Донбасса, там у него осталась семья. В 1946 году он уехал домой, к своим.

Что пережило наше поколение... тревожно вспоминать, до слез трудно. Выдержали, выстояли... Теперь в ваших руках будущее, вам руководить страной. И, если понадобится, будут у нас новые герои: и Космодемьянские, и Покрышкины, и Матросовы. Знайте, я верю.



**Анастасия
БАЖЕНОВА**

*Шар земной от людей заслоняя,
Ненавистная движется вьюга.
Но идет по рольгангам броня,
И листы громыхают упруго.
День в России, цветение рош,
Но Земля — это две половины,
На другой — бесконечная ночь,
И граница — тяжелые мины.
И нельзя нам за них заступить,
Мины всюду: в земле, в океане...
А Земле очень хочется быть,
И она не выносит страданий.
Даже мертвые помнят о нас,
Приглядись:
Между строк похоронки
Миллиард умирающих глаз —
Наши предки
И наши потомки.
Мать-земля не желает могил...
Грохотали листы броневые
Не затем, чтобы кто-то убил,
А затем, чтобы жили живые.
И одетое нашим листом,
В ореоле сверкающих слитков,
Мир закрыло надежным щитом
Мускулистое тело Магнитки.*

Владимир ЧУРИЛИН



Мария Остапенко



М.А. ОСТАПЕНКО

**Я вытаскиваю свой
снаряд и кричу:
«Это мой последний
снаряд – снаряд
Победы!»**

Тринадцатилетняя девчонка, которая умещалась в одну штанину спецовки и стояла на ящике, чтобы достать до рабочего станка... Мария Ананьевна Остапенко встретила войну еще ребенком: трудилась в цеху на комбинате. А рядом были такие же ребята без детства, без юности. Эти годы у них забрала война.

— МАРИЯ Ананьевна, когда Вы приехали в Магнитогорск, как складывалась Ваша жизнь на новом месте?

— Наша семья (отец, я и два брата) приехала из Казахстана в 1931 году на стройку. Мне было 4 годика. Мама к тому времени уже умерла. Папа был учителем и стал работать в школе завучем, а я пошла в детский сад, затем в школу...

Через несколько месяцев после начала войны забрали моих братьев. Одного на Украинский фронт, а другого на границу с Японией. Через какое-то время призвали и отца на Сталинградский фронт. Папе было уже за сорок, поэтому его послали не воевать, а трудиться — строить железную дорогу. Немцы разбивали все дороги. А наши строили, но только по ночам, чтобы враг не мог засечь.

Там папа всю войну и прослужил.

— А Вам было всего тринадцать... С кем же Вы остались?

— Я осталась одна. Ни хлеба, ни денег — ничего у меня не было. Когда отец ушел, из еды нашла только несколько картофелин. Я до этого никогда ничего не варила, потому что папа сам всегда нам готовил. И вот я достала эти картофелины, почистила их, порезала лук, и первый раз в жизни сварила себе суп. Я до сих пор вспоминаю этот суп. И, знаете что... это был самый вкусный суп в моей жизни!

Мне выдавали карточки на 300 граммов хлеба в сутки. Ещё была карточка на продукты: 10 граммов крупы, 5 граммов сахара... На ней маленькие клеточки и в каждой клеточке писались граммы. Чего-то да выдадут. Но продукты трудно

было достать. Их не всегда довозили, хлеб особенно. Вот так занимаешь очередь ночью, тебе на руке номер напишут, чтоб не забыла. Все руки были исписаны. А еды все равно не хватало! Я не могла ходить с протянутой рукой, просить кого-то, а жить-то надо было...

Я жила в бараке, который называли учительским. Все в нем были очень сплоченные. Все-таки педагоги, люди внимательные, заботливые. И они стали думать, куда же меня пристроить, я ведь только семь классов окончила.

— Так Вы попали на комбинат?

— Да. Жители барака собрались и говорят: «Знаешь что, там люди работают в цеху на комбинате. Давай мы попросим — тебе добавят немножко лет, и будешь с ними работать». Я им говорю, что ничего не умею, а они: «Тебя научат! И карточка будет больше — 700 граммов хлеба, как взрослому». С большим трудом меня устроили на комбинат, ведь я была такая маленькая, худенькая, со всем ребенок.

Привели меня туда. Все вокруг работают. А я ничего не соображаю: что они делают, как?! Это был большой военный цех, где изготавливали снаряды для дальнобойного оружия. Мне

нужно было точить эти снаряды. Цех очень длинный, огромный. В четыре ряда стояли станки: и фрезерные, и токарные. Снаряд шёл по всем станкам, каждую часть делали по очереди. Каждый человек выполнял свою операцию.

Подвели меня к этому громадному станку, а там что-то крутится. Я отошла: боялась — вдруг отскочит. Говорю: «Я боюсь, не могу, я боюсь!». А за

С одного станка брала по три снаряда: два в руки, третий на плечо, чтобы не скатывался, и шла к своему станку. Обработывала их и передавала следующему.

станком стоит такая же девчонка, только ей чуть больше, чем мне, лет шестнадцать, наверное. Говорит: «Я тоже боялась! Привыкнешь! Иди!» И вот я начала привыкать к станку. Сначала, как маленький ребёнок, потихоньку подходила. Снаряд вставляют в патрон, потом его заворачивают и обтачивают. Мне не хватало моего роста, чтобы вставлять снаряд. Подставили ящик. Я залезла, и девочка начала меня учить: «Вставь, а вот тут закрути, а здесь каретку подвинь, а вот это резец, а тут диаметр проверь...». Резцы часто затуплялись, и я бегала их менять.

Мне выдали спецодежду: брюки, гимнастёрку, фуфайку.

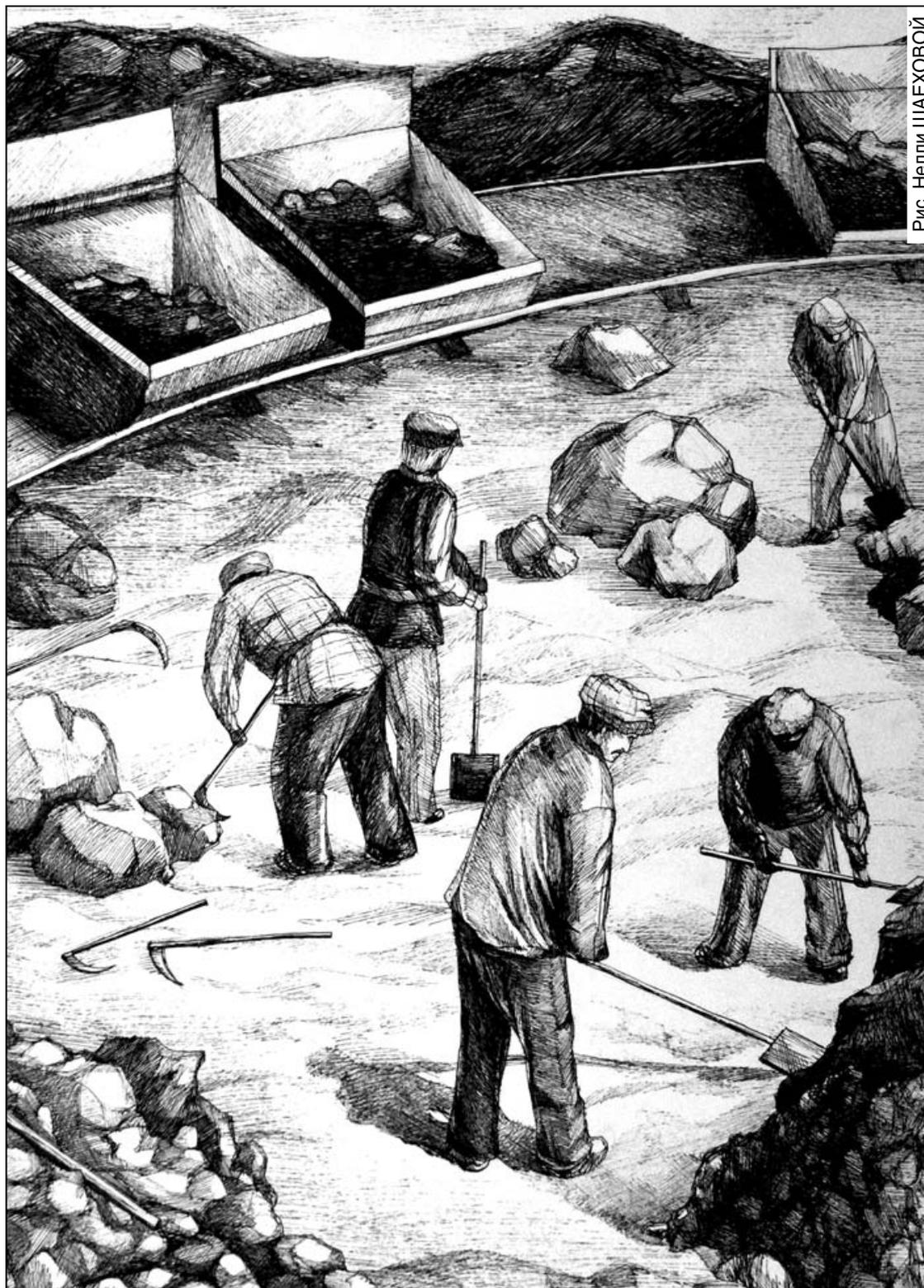


Рис. Нелли ШАЕХОВОЙ

Такой размер был, что я вся в одну штанину влезла! Все захотали: «У тебя, — говорят, — две юбки теперь будет!» Где-то зашили, где-то подвязали, и я работала в этой спецодежде.

Потом уже потихоньку привыкла к станку, спустя месяц. Это была не сложная, но очень тяжелая работа. Тяжело было снаряды таскать. Они весили килограмма по четыре.

У меня до сих пор руки вон какие... С одного станка брала по три снаряда: два в руки, третий на плечо, чтобы не скатывался, и шла к своему станку. Обработывала их и передавала следующему. Если вдруг задерживаешь свою операцию, то тормозишь всех.

Так я работала до конца войны.

— Какая атмосфера царила в цеху? Много вместе с Вами детей трудилось?

— Почти все работники — девочки, мальчики, молодые, как я. Кому было по 18, уже вообще считались взрослыми женщинами. Ночь, станок работает. А мы спать хотим! Рядом шел горячий металл в прокатку. Ночью его только с мартена зальют в емкости, они красные-красные стоят. Прямо горят. Там небольшая насыпь была. Мы в перерыве ляжем на эту насыпь и греемся. В цеху холодно, никакого отопления не было. Все работали в фуфайках и в штанах. А на ногах у нас были брезентовые ботинки на деревянной подошве. И мы в таких колодках ходили, потому что не было обуви. Конечно, все простужались, но никаких бюллетеней никто и не думал брать. У меня ноги так заболели, что все были в волдырях. Забинтовывала их тряпками, штаны надевала и шла на работу. За опоздание и за неявку на работу наказывали.

Если не явишься, тебя могли посадить в тюрьму. Исключение для тех, кто лежит совсем больной. Если ты не вышел, станок пустой. А это задержка всего цикла. Один станок не работает — всё стоит. В цеху постоянно находились военпреды — военные, которые следили за нами.

Мы всё себя подбадривали: «Вот война кончится, вот война кончится!» Вначале, конечно, за страну боялись, потому что наши все время отступали. Повсюду сыпались новости: «Город сдали, город сдали». Мы все были в напряжении, ждали: «Господи, когда уже это закончится, когда уже наши войска начнут наступать!» Я не понимала, зачем нужна война, почему нужно воевать, почему Гитлер убивает людей. Трудно, очень трудно было...

— Мария Ананьевна, а чем ещё занимались помимо работы? На отдых времени, наверное, совсем не оставалось?

— В Магнитку привозили раненых с передовой. И многие из нашей школы были заняты в госпиталях. Меня тогда выбрали секретарем комсомольской ячейки. Подходит бригадир: «Девчонки, сегодня приходит состав с ранеными. Надо помочь». Людей ведь не хватало. Мужчин нет — одни женщины. Привозили солдат: некоторые без рук, без ног.. Женщины их на носилках тащили. Кто-то из

вагона выходит с одной ногой, а костылей-то нет, на всех не хватает! Мы плечо подставляли, чтобы помочь.

В первый раз поехали, нас было 20 человек. Рассредоточились по вагонам. И вот один мужчина кое-как спускается по лестнице из вагона. Мы с сестрой ему помогаем. Вся нога у него окровавленная, перебинтованная, грязная... Он идёт, а у него слёзы... И у меня слёзы. У него от боли, у меня от бессилия, что я не могу помочь. Идём оба рыдаем...

В госпитале нам, комсомолкам, сказали, что мы будем санитарной дружиной. Был страшный дефицит бинта. Мы использованные бинты стирали, кипятили в котле, вешали сушить, а потом сидели их смазывали. За пациентов без рук письма писали под диктовку. Организовывали самодеятельность: кто пел, кто танцевал. Развлекали раненых.

Работали мы в три смены — с 12 ночи до 8 утра, с 8 утра до 4 дня, или с 4 дня до 12 ночи. В госпиталь и после ночной ходили. Там нам давали по кусочку хлеба и чай с сахарином, подкармливали. Мы ведь голодные: всю ночь у станка стояли! Помимо этого на комбинате шло строительство. Строилась пятая доменная печь. Мы ходили на субботники. Работали подсобными рабочими. Очень много

мы пережили, всего и не расскажешь.

— **Я знаю, что по окончании войны Вас наградили медалью «За доблестный труд»...**

— Медаль дали сразу после окончания войны, но мы не придавали наградам никакого значения. Нам главное было, что закончилась война. Столько страданий перенесли люди, словами не выразишь! Иногда были такие трудности, что думаешь, ну как же выйти из этого положения, как выжить?!

9 мая 1945 года я помню хорошо. Был солнечный день. Я стояла у станка, в утреннюю смену. Вдруг подбегает одна девчонка и кричит: «Конец войны! Конец войны! Сегодня день победы! День победы!». Я продолжаю доделывать снаряд. А она кричит: «Все бросайте работу! Все бросайте работу! Война закончилась!». Все от станков отскочили, начали рыдать, плакать, смеяться. Мы столько ждали этого, мы устали от всего! Поэтому у нас были слезы радости. Я вытаскиваю свой снаряд и кричу: «Это мой последний снаряд — снаряд Победы! Больше я никогда в этот цех не приду!».

— **Послевоенные годы тоже были нелегкими?**

— Когда закончилась война, ещё карточки были. И в 46-м, и в 47-м, и в 48-м... Это были трудные годы. Так же не было продуктов, так же ночами

стояли в очередях за хлебом. А когда отменили карточки, первое, чем меня угостили, — это абрикосовым джемом. Соседи купили его по очень высокой цене в коммерческом магазине. Я до сих пор помню вкус этого джема. Все-таки первое мое послевоенное лакомство. Чуть позже одна женщина дала мне

конфетку «Золотой ключик». Это было что-то!

А во время войны, какие там сладости! Мы о хлебе думали. Мечтали досыта им наесться. До сих пор я не могу кусочек хлеба выбросить.

Вот такая жизнь была. Без детства, без юности. Их у нас война отобрала.



**Ольга
ПАНОВА**



Андрей Чернобаев



Зоя Чернобаева

**А.Ф. и З.И.
ЧЕРНОБАЕВЫ**
**У войны не
существовало понятия
передышки, броня
была необходима
постоянно**

Зое Ивановне и Андрею Федоровичу Чернобаевым на двоих 175 лет, их общий стаж работы – чуть больше века. На двоих одна работа, одни заботы и радости. В прошлом общая война и великая Победа.

СЕМЬЯ Андрея Федоровича переехала в Магнитогорск в 1929 году, а семейство Зои Ивановны на год позже. Оба окончили Ремесленное училище №1. С 1941 года оба начали работать на комбинате, несмотря на то, что они еще учились. В 1943 году оба стали специалистами с высоким, седьмым, разрядом. Зою Ивановну сразу направили работать на блюминг №3, а Андрей Федорович сначала работал на коксохиме, затем в электромонтаже, а после этого тоже перешел на третий блюминг.

Блюминг – это большой, тяжелый стан, предназначенный для прокатки стальных слитков в металл более тонкого сечения. Во время войны блюминг был переоборудован на изготовление брони, хотя для такой работы он не был рассчитан.

– Но война диктовала свои условия. Будет броня – бу-

дут танки. Тогда будет победа... иначе – смерть, – заметил Андрей Федорович. На последних словах его голос дрогнул.

В машинном отделении блюминга находилось главное электрооборудование, там и работали супруги. Самыми важными двигателями, катавшими броневую лист, были прокатный двигатель мощностью в семь тысяч лошадиных сил («семи-тысячник»), который раскатывал металл, и приводной двигатель-преобразователь на пять тысяч лошадиных сил («пяти-тысячник»), питавший «семи-тысячник». Как старший мастер по цеху Андрей Федорович отвечал за все электрооборудование блюминга.

В годы войны оборудование было не так совершенно, как теперь, поэтому малейшая ошибка оператора могла привести к перегрузке двигателя и поломке всего стана. Но остановка блюминга более чем на



Прокатка брони

сорок минут сторожайше запрещалась. У войны не существовало понятия передышки, броня была необходима постоянно. На блюминге работали три бригады: они заступали на смену с восьми утра, с четырех дня и с двенадцати ночи. Андрей Федорович вспоминает:

— Само собой, было сложно, но сказать, что мы умирали от усталости..., нет. Конечно, не хватало еды, особенно Зое, так как половину своего хлеба она отдавала младшим братьям, но ведь, сами понимаете, какое время.

Самой дорогой своей наградой ветераны считают медаль «Ветерана труда СССР» за долголетний и добросовестный труд. Почетный знак отличия есть у обоих супругов. Эти медали — символ самоотверженной работы тыловиков. За небольшой блестящей медалью у каждого из них стоит исключительная по важности история.

Самым запомнившимся о своей работе на блюминге Зоя Ивановна считает случай с возгоранием на ее «пятитысячнике». Она издали увидела сноп искр. Горела роторная обмотка, не имевшая защиты. Большими прыжками, долетев до двигателя, девушка вовремя отключила его.

— Благодаря тому, что удалось предотвратить сгорание ротора, мы смогли избежать серьезной аварии и быстро восстановили двигатель, — объясняет Зоя Ивановна. — Ведь, если бы он сгорел, тогда бы остановился «семитысячник», и блюминг бы встал. Это было недопустимо во время войны. Если бы я вовремя не увидела... *(плачет)*.

— Ты не плачь, не надо плакать..., видишь, хоть это и дав-

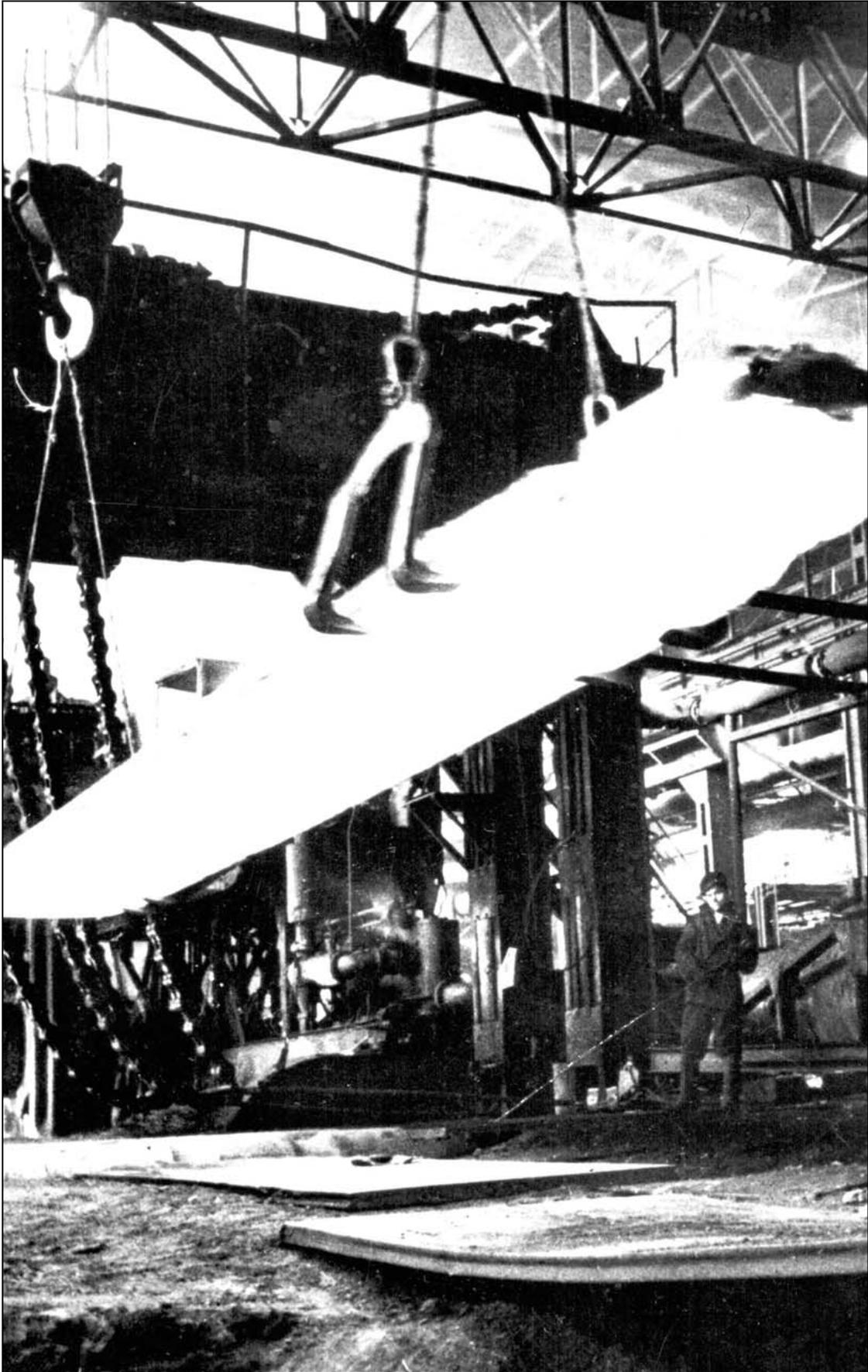
Мастер все же вытолкнул раскрасневшуюся Зою на сцену. Собравшись с духом, она сказала то, что тогда витало в воздухе: «Чем усерднее мы будем трудиться, тем быстрее мы победим врага!»

но было, не забывается. Повреждение возникло там, где нет защиты. Сейчас, конечно, такого бы не случилось: сразу бы сработала защита, и двигатель отключился. Но тогда из-за этой неполадки все могло стогреть, — подытоживает Андрей Федорович.

— После этого случая мне вручили медаль «За трудовую доблесть». Андрей, в каком году это было?

— Это было в 1943 году, в левобережном Театре Пушкина.

Тогда мастер ремесленного училища сказал, что Зое надо будет перед всем залом выступить. Она испугалась и реши-



*Первый броневой лист, произведенный на блюминге.
Июль 1941 г.*

тельно отказалась подниматься на сцену и что-либо говорить. Мастер все же вытолкнул раскрасневшуюся Зою на сцену. Собравшись с духом, она сказала то, что тогда витало в воздухе: «Чем усерднее мы будем трудиться, тем быстрее мы победим врага!».

— Но у мужа произошел случай еще серьезнее. Он сам расскажет.

— Это было уже после войны, в период восстановления. За военное время электрооборудование так изнашивалось, что к пятидесятым годам с ним невозможно было работать...

— Но, Андрей, ты провел три реконструкции блюминга! Об этом нельзя не сказать! Это ведь твоя заслуга, ведь ты знал каждую кнопку двигателей. Ну ладно, пусть рассказывает то, что хочет.

— Я расскажу о якоре двигателя. Это было в 1952 году. Новый якорь установили в двигатель взамен старого, изнашившегося. Я тогда работал в должности старшего дежурного, как и жена. Ночью слышу, что-то стучит: тишина, а потом снова стук и опять тишина. Я не стал дальше ждать, что будет, и остановил прокатку. Доложил о происшествии начальству, начали разбираться, в чем дело. Оказалось, что одна из деталей вылетела, и якорь начал распадаться. Не

останови я двигатель, якорь бы полностью разрушился, и его части разлетелись бы по всему залу. Можете себе представить?! Могли погибнуть люди!

Для восстановления якоря вызвали из Ленинграда специалистов. С ними приехал представитель из Москвы, чтобы разобраться, в чем было дело. Меня начали расспрашивать, как вывел из строя якорь. То есть решили, что в поломке виноват я. Тогда я подробно рассказал, как всё было. На этом расследование завершили. Проверяющий из Москвы спросил меня, как я живу. А мы с Зоей ютились в одиннадцатиметровой комнатухе в бараке на 13-м участке. После этого случая нам дали квартиру, да еще вдвое увеличили отпуск. Власть о нас заботилась.

Сороковые и пятидесятые, сложнейшие годы, были наполнены героическими поступками: каждый день — работа, ответственность и неукротимая вера в будущее.

Девятого мая 1945 года всех работников собрали у заводоуправления, где объявили, что война закончена.

— Это была радость и слезы, — вспоминает Зоя Иванова. Многим тыловикам, отдававшим все свои силы работе, тогда едва исполнилось двадцать лет.

Андрей Федорович и Зоя Ивановна поженились в 1947 году. В 1953 Зоя, получив высшее образование, устроилась в школу, где позже стала директором. А Андрей поступил в Горный институт, но не окончил его: работа отнимала много сил и времени. Тогда он решил заниматься самообразованием. У Андрея Федоровича была одна из лучших библиотек по электротехнике. Он всегда читал: даже на работе за пазухой была книга.

— Он считался знающим человеком на комбинате, — говорит Зоя Ивановна. — Как только случалась авария, сразу вызывали Андрея.

Супруги вместе вспоминают подробности и заново переживают общее прошлое. Андрей Федорович помнит все памятные семейные даты. Их союз и сейчас крепче броневых листов.

— Ту войну мы с ней не зря прожили, — уверенно подводит Андрей Федорович черту их рассказа.



**Дарья
ШВЕД**



**Максим
ГРИЦУК**



**Евгения
ГУРЯ**

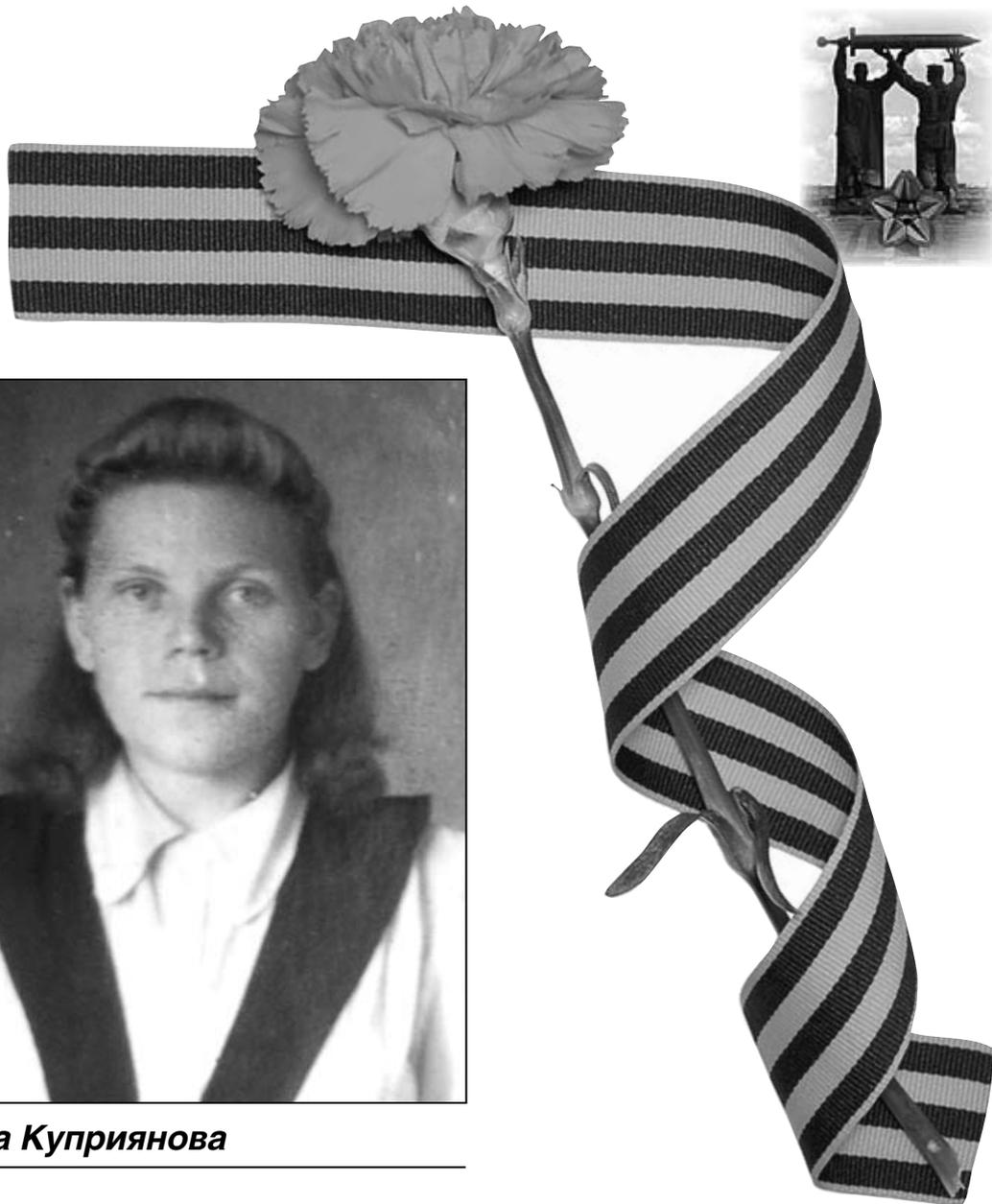
Сталь

*Сталь Магнитки,
О, какая сила!
Шла война,
Нам не забыть о ней.
Наша сталь
Своим огнем косила
Полчища
Фашистских палачей.
Мы за Родину
Стояли грудью.
Над Магниткой дым
Был
не мираж!
Каждый третий выстрел из орудий —
Так и запишите —
Был он наш!*

Михаил ЛЮГАРИН



Анна Куприянова



А.С. КУПРИЯНОВА

**Я одна в семье
получала карточки
на хлеб, и делила его
на всю семью**

Анна Сергеевна Куприянова родилась в деревне Горесловка Костромской области. Деревенской девочке с детства было знакомо, что такое труд. Отец работал в колхозе конюхом, мать – дояркой. Жили небогато, но не голодали.

КОГДА началась война, Анне было 15 лет. К этому времени она уже работала нянечкой в детском саду. «Детей в садик ходило много, ответственность большая. Ребятишки маленькие, за ними глаз да глаз нужен. Я помню, как братик мой, Сашенька, упал со ступеньки и прикусил язык. Ой, как он плакал! И все мы, нянечки, вместе с ним плакали. Понесли скорей в больницу, там ему помогли».

Не отказывалась девочка и от работы в колхозе. Если всех ребятишек родители забирали рано, то бригадир давал задание – прополоть или полить грядки, собрать картошку, срезать капусту. Так она трудилась до вечера. «Мы понимали, что нужно помогать, не лентяйничали. Работы в деревне было много – и с животными, и на огороде, я бралась за любое дело, никогда не отказывалась», –

говорит Анна Сергеевна. В ту пору колхоз сеял много льна, и в его уборке задействовали всех, кто мог помогать. «Маме давали участок, его надо было выработать. Мы ходили, теребили этот лен, складывали в пучки, потом раскладывали на просушку, затем собирали и опять вязали в пучки. Я все вздыхала: «Мам, ну когда уже поле кончится, так тяжело!»

В 1942 году Анна стала работать в городе Плес Ивановской области. В швейной мастерской шила погоны для мундиров, гимнастерки, брюки, которые отправляли на фронт. До города летом добирались на пароме через Волгу, а зимой шли по замерзшей реке пешком. Закончив работу в колхозе, она спешила на паром, чтобы к четырем часам успеть в мастерскую, где трудилась до двенадцати ночи. Аня одна в семье получала карточки на хлеб. И делила его на всю семью: от-



С СЫНОМ

цу, маме, брату, себе. Всем доставалось по кусочку.

В Плесе было много домов отдыха, где во время войны разместили госпитали. В один из них направили Аню, ее сестру и еще двух женщин, чтобы они чинили обмундирование для раненых. Новые вещи давали только офицерам, а для рядовых солдат перешивали и ремонтировали уже ношеную одежду: ставили заплатки, подставляли новые воротнички. Анна Сергеевна вспоминает: «Мы жалели раненых солдат, так хотелось дать им новую форму! Ходили с девчонками на склад, просили для них новенькую форму. Почему же только офицерам новое? И нам давали».

Анна Сергеевна не видела немцев, не слышала стрельбы и взрывов, но ее семья страдала от голода: «Всю крапиву, всю лебеду поели. Мама, бывало, очистит картошку, высушит ее в печке, истолчет в ступке, добавит туда крапиву и печет лепешки. Летом на огороде вырастали овощи, и становилось полегче».

В тяжелой трудовой жизни находилось место и для праздников. В деревне особым почетом пользовались церковные. К Петрову дню, 15 июля, поспева-ла рожь, и в честь праздника се-

лянам давали муки. На гулянье собиралась вся родня, приезжали родственники из окрестных деревень.

9 мая 1945 года Анна Сергеевна с другими работницами, как обычно, ехала на пароме через Волгу на работу. Только вышли на берег, как услышали по радио, что закончилась война. Анна Сергеевна со слезами на глазах вспоминает те радостные мгновения: «Сколько

В швейной мастерской шила погоны для мундиров, гимнастерки, брюки, которые отправляли на фронт.

было криков, слез! В этот день нас всех отпустили домой, дали выходной. Приехали в деревню — там тоже все в слезах, все плачут — мама, соседки. Ведь у многих не вернулись домой мужья, сыновья». Из родственников Анны Сергеевны, призванных на фронт, вернулся только двоюродный брат. Погибли два родных брата. «Старший брат, уходя на фронт, не плакал, сказал только: «Или грудь в крестах, или голова в кустах». А младший много плакал и все твердил, что никогда не вернется домой. Так и случилось — он обморозил ноги и умер на операционном столе».

В деревне после войны было по-прежнему голодно, и

в 1947 году семья Анны Сергеевны завербовалась работать на Сахалин. Поселились в городе Красногорске. Анна Сергеевна работала на деревообрабатывающей фабрике, в цеху, где изготавливали шлюпки для кораблей, деревянные бочки. На Сахалине она прожила 12 лет, вышла замуж. Муж Василий Григорьевич воевал в Великую Отечественную, а потом и с японцами.

В 1959 году супруги приехали в Магнитогорск по приглашению брата мужа, устроились работать на бентонитовый комбинат, получили комнатку в бараке. «Помню, как устраивалась на комбинат, — рассказывает она. — Пришла к начальнику. А он на меня посмотрел и засомневался, что я, такая худенькая, с тяжелой работой справлюсь. Попросила меня испытать. И справилась, проработала там 23 года, стала бригадиром». На комбинате выпускали шлакоблок, и работы у бригадиров было предостаточно. Требовалось следить за камерой, где пропаривали шлакоблок, вынимать и носить пробный образец на экспертизу в лабораторию.

Вручную разгружали вагонетки с блоками, укладывали в пачки и сушили. И всюду требовались внимание, точность, собранность.

«Я до сих пор удивляюсь, как мы выжили тогда, в войну, и в первые послевоенные годы, ведь так тяжело было! Как мы дожили? Как победили? Такая беднота была везде. Но народ дружный, все друг другу помогали, поддерживали, радовались малому, верили, что после войны хорошо заживем. Благодаря этой вере и победили, наверное».

За свой доблестный труд Анна Сергеевна награждена многими наградами и званиями: «Ветеран труда», «Ветеран войны», «Ударник коммунистического труда» (1973 г.), «Победитель соцсоревнования» (1973 г.), юбилейными медалями. А в награду за веру в мирное и благополучное будущее судьба одарила ее большой и дружной семьей: «Мои дети и внуки — это и есть то самое будущее, ради которого мы много лет назад трудились с утра до вечера», — улыбается Анна Сергеевна. И к этим словам сложно что-либо добавить.



**Дарья
КОРИНЕНКО**

*Припомнишь
И душою дрогнешь:
Вокзал военный.
Толчея...
Носила девочка-заморыш
В ведерках воду из ручья.
Она водой не торговала.
Руками,
Смуглыми как рожь,
Солдатам молча подавала
В теплушку запотелый
Ковш.
Глядела,
Горько примечая,
Что приближается гроза...
Вода живая,
Ключевая
Была как детская слеза...*

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА



Виктор Фомин



В.П. ФОМИН
**Домны, мартены,
прокатные станы
не прекращали
свою работу**

На многих одноклассников Вити Фомина с фронта пришли похороны. Он же отдавал долг Родине трудом, работая по двенадцать часов, радуясь коротким передышкам и куску хлеба.

— В

ИКТОР Павлович, когда Вы приехали в Магнитогорск?

— Этот город — моя Родина. Мы приехали сюда всей семьей из маленького городка Пласт в 1934 году. Мне было тогда десять лет. Родственник отца прислал нам письмо всего в одну строчку: «Павел Иванович! Приезжай в Магнитку, с голода не умрешь. Петр». Отец, недолго думая, собрался и поехал туда, так сказать, проверить его слова. А через месяц мать нас, ребятшек, собрала и тоже в Магнитку перебралась. Отец счетоводом устроился, мать — уборщицей в детском доме.

— Строить жизнь на новом месте всегда нелегко. Какого приходилось Вашей семье? Где жили?

— Отец продал дом в Пласте за 500 рублей и здесь, на 13 участке, на Сосновой горе, купил за ту же цену землянку. Мы в ней десять лет жили.

Представьте себе: в горе вырывается котлован и вокруг него возводятся стены из земельных пластов. Вот вам и дом! Наша землянка была очень маленькой: всего одна комната и сенцы, наружу выходили три окна. Мои сестры, ютились втроем на одной койке, а я спал на печке с дедом. На другой койке отдыхали отец с матерью. Но, как говорится, в тесноте да не в обиде.

— Вам в 1942-м исполнилось восемнадцать. Почему Вас не призвали на фронт?

— Я пошел в военкомат, встал на учет. Меня записали годным в строевой полк, но на фронт не взяли. Дело в том, что у меня день рождения в октябре, а призывали в начале года — мне еще семнадцать было. Забрали тогда пятерых парней из нашей школы, а в мае, когда мы сдавали выпускные экзамены, на всех пятерых пришли похороны.

– Даже страшно представить, что Вы чувствовали тогда...

– Вам даже представить не удастся: вы слишком далеки от этого, ведь сейчас совсем другое время, да и вряд ли это кому-то нужно... *(грустно улыбается)*. Вот вам сейчас сколько лет?

– **Девятнадцать.**

– Девятнадцать! А теперь представьте: забирают на войну мальчишек на год помладше, и все они попадают под пули. Страшно вспоминать, что творилось на вокзале, когда матери провожали своих детей на фронт. Женщины с криком рыдали.

– **А что было потом? Ведь Вам тоже скоро должно было исполниться восемнадцать...**

– Когда я десятый класс окончил, отец меня как-то позвал к себе и говорит: иди в отдел кадров на комбинат и устраивайся на работу. Меня отправили в Новотокарный цех, в инструментальный отдел, токарем-универсалом. А так как парней катастрофически не хватало, тем, кто проработал в цеху полгода, давали «бронь». Военный билет, значит. На листе было написано «Фомин Виктор Павлович забронирован токарем в Новотокарном цехе». Благодаря этому удостоверению от воинской части меня зачислили в труженики тыла.

– **А что это за цех? Расскажите о нем поподробнее.**

– Цех эвакуировали из Днепропетровска. В военное время он занимался изготовлением снарядов. Снаряды делали следующим образом: их отливали, в Новотокарном цеху оттачивали, и уже как заготовку отправляли в Челябинск, где в них вставляли патроны.

Когда советские войска освободили Белоруссию и Украину, все украинцы уехали домой в Днепропетровск и увезли оборудование, а Новотокарный цех закрылся.

– **Как Вы работали? Нам сейчас очень сложно это представить.**

– Парней в цеху было всего пятнадцать. В основном, конечно, работали женщины. Девчата точили снаряды, выполняли операционную работу. Это был конвейер: кто стружку снимает, кто резьбу режет. А мы, парни, следили за тем, чтобы станки были в хорошем рабочем состоянии. Как только у девчат ломался резец, которым точили снаряды, они бежали за подмогой в наш инструментальный отдел. Мы снимали резец, точили его и вставляли в рабочий станок, и девчонки продолжали трудиться.

Цех работал круглосуточно и без остановок. У каждого был свой личный выходной, так как производство нельзя было оставить без надзора. Мой выходной – во вторник. Но, не-

смотря на него, мы все равно выматывались. Работали-то и днем, и ночью! Бывало, выдавалась вечерами короткая передышка. Измотанные, мы иногда забывали взять с собой «бронь». В то время в кино, в театрах, в парке Metallургов устраивали облавы, проверяли документы и отправляли не «забронированных» на фронт. Нас останавливали, проверяли, и у кого-нибудь документа при себе не оказывалось. Товарища увозили в милицию, а утром, разобравшись, сажали в машину и напрямую к начальнику цеха. Спрашивают у него: «Работник ваш?» Он отвечает: «Мой». Все претензии сняты.

После уже, начальник спрашивал провинившегося, почему тот «бронь» с собой не берет, а он, мол, забыл, в кармане другого пиджака оставил. Вот так иногда везло. Ночью-то работать надо, а в участке отоспишься, да там тебе еще пирожок с чаем дадут.

— В цеху работали и парни, и девушки. А какие у Вас отношения были с этими девчатами? На свидания ходили?

— Конечно! Без этого не обходилось. Одна из этих девчат стала моей женой. Мы и жили оба на 11 участке: она на Коммуналке, а я на Щитовых. Так

по соседству познакомились, и в школе вместе учились, и работали вместе. Ну а потом поженились.

Я ее спросил перед свадьбой: «Где поселимся?» У моих родителей к тому времени уже двухкомнатная квартира была, а ее семья жила в доме. Она в ответ: «Как где?! Мама ждет не дождется, когда ты к нам переедешь!» У них мужиков в доме не было, трех девчонок теща в одиночку вырастила. И так я 15 лет прожил у тещи, пока квартиру не дали от доменного цеха.

**Как только у девчат ломался ре-
зец, которым точили снаряды,
они бежали за подмогой в наш
инструментальный отдел, чтобы мы
привели все в порядок.**

— Виктор Павлович, какая атмосфера царила в городе во время войны?

— Магнитогорск уже тогда был металлургическим центром страны, а комбинат — сердцем Магнитогорска. Люди вкалывали по двенадцать часов в сутки! И что бы ни было, домны, мартены, прокатные станы не прекращали свою работу. Поразительная атмосфера труда.

— А чем Вы стали заниматься после того, как Новотокарный цех увезли в Украину?

— В конце 1944 года директор ММК Григорий Иванович



В Финляндии. На фоне домны

Носов задался целью создать в МГАМАИ (ныне МГТУ – Магнитогорский государственный технический университет) группу для обучения инженеров. Во время войны всех его работников забрали на фронт, а потом и украинские специалисты уехали. Квалифицированных кадров не хватало. Тогда он через Москву, через министерство, добился образования группы. Носов выбрал нас, человек 40 мальчишек, и сказал: «Хотите учиться – будете учиться. Только не там, где вы хотите, а там, где я хочу. Окончите институт – придете работать инженерами ко мне на комбинат».

Почти сразу после встречи я пошел в институт экзамены сдавать. Знакомая двоюродной сестры, эстонка Сальма Михайловна Пейзанк, меня увидела в институте и спрашивает: «А ты чего здесь?» Я говорю: «Экзамены вступительные сдавать пришел!» Она в ответ: «Какие тебе экзамены?! Вы уже все здесь оформлены студентами». Подвела меня к спискам, и правда: МГАМАИ, группа металлургов, номер такой-то, знакомые фамилии, среди них моя. Вот с этого и началось наше пятилетнее обучение.

В 1949 году я стал инженером-доменщиком. В этой должности и продолжал трудиться на комбинате. Работать пришлось не только в пределах

родной страны. В 1964 году меня послали старшим мастером в Финляндию, где стояли наши домны. Там два года жил и работал. Через десять лет, в 1974 году, поехал в Индию. Там тоже стояла советская домна, но она не выполняла проектной мощности и меня отправили исправлять положение.

– **И как Вы справились?**

– Ну, домна, она везде одинаковая. И технология работы классическая. Когда я поехал в Индию, за моими плечами уже был огромный опыт. Все-таки 25 лет проработал в этой сфере и всю технологию знал хорошо.

Хотя перед отъездом мы с женой зашли в книжный магазин, и я купил там три тома «Металлургии чугуна» Павлова. Это известный доменщик, и мне его книги очень помогли! Через два месяца работы за рубежом мы вывели домну на проектную мощность и перевыполнили план. В это время из Москвы приехал начальник доменного цеха Украины. Он хотел закрыть домну на ремонт, думая, что она по-прежнему план не выполняет. Приехал, посмотрел: работает как часы. Я его, шутя, спросил: «Ну что, будем останавливать на ремонт-то?» Он засмеялся и со спокойной душой уехал. Затем нам дали вторую домну, и она начала перевыполнять план уже через месяц.

— Не одолевала тоска по дому?

— И в Финляндии, и в Индии меня сопровождала жена. В то время за границу на срок больше шести месяцев отправлялись с супругой. В Индии я тоже проработал два года. Меня хотели оставить еще на столько же, но жена не выдержала. Я как-то с работы прихожу, а она плачет. Оказывается, дочка наша, которая к тому времени уже замужем была, родила сына. Ну, тут и у меня сердце дрогнуло. И мы в скором времени поехали на Родину, к своим.

— А что было дальше?

— За отлично выполненную работу в Индии меня наградили орденом Красной Звезды. Вскоре я вышел на пенсию, и на этом закончилась моя трудовая история.

— Как Вы живете сейчас?

— Сейчас живу один. Я похоронил двух жен. Первую жену в 1978 году, вторую — в 2006-м.

С одной мы 30 лет душа в душу прожили, с другой — 23 года. Дети и внуки уже устроили свою жизнь. От первой жены двое детей — сын Николай и дочь Анна. Дочь живет здесь, а сын в Краснодаре, ему уже 64 год пошел, и его дети тоже обзавелись семьями. Анне в конце года исполнится 60 лет. У дочки двое сыновей. Дочь и внуки часто приходят в гости. Вот так и живу, тихо и спокойно.

— А День Победы как отмечаете?

— Да не с кем отмечать. Мои близкие, с кем когда-то делил радость победы, уже умерли. А молодежи это не особо интересно. На парады не хожу, силы уже не те. Но вот недавно услышал я по радио песню, и строчка одна мне запомнилась. Ею-то я свой рассказ и подытожу: «ветераны победы седые, но победа с годами не стареет...»



**Екатерина
РЕПЬЁВА**

Рабочая Магнитка

*Мы на войне в окопах не бывали.
Мы у горы Магнитной наступали.
Кипела сталь,
И ночи шли, и дни
У жарких домен,
Где ревут огни.
И каждый третий
Был снаряд из нашей стали.
И каждый танк второй
Из нашей был брони.*

*Мы, как в бою, позиций не сдавали.
Ковали мы победу на Урале.
Кипела сталь,
И ночи шли, и дни
У жарких домен,
Где ревут огни.
И каждый третий
Был снаряд из нашей стали.
И каждый танк второй
Из нашей был брони.*

*Недоедали мы. Недосыпали.
А все ж не пали духом – устояли.
Кипела сталь,
И ночи шли, и дни
У жарких домен,
Где ревут огни.
И каждый третий
Был снаряд из нашей стали.
И каждый танк второй
из нашей был брони.*

Александр ЛОЗНЕВОЙ



Федор Филатов



Ф.В. ФИЛАТОВ

**В тринадцать лет
я доставлял
похоронки**

Мягкий луч весеннего солнца пробирался сквозь оконное стекло, освещая небольшую комнату. Он сидел в глубоком кресле. Изумрудные запонки на рубашке ловили проблески солнца, оставляя причудливые узоры на ковре. Этот ковер они покупали вместе. Практически каждая вещь в уютной квартире навевала воспоминания, связанные с Ней. Это была любовь с первого взгляда...

В ТОТ день шел сильный дождь, и работать в поле было невозможно. В такие моменты молодежь не упускала шанса сходить на танцы. Зайдя в клуб, Он сразу заметил ее: молодая красивая девушка в цветастом платье, с уложенными волосами, стояла в кругу подруг и о чем-то оживленно рассказывала. Недолго думая Он подошел к ней и завел разговор... Так началась история их романа.

Но дождь прекратился, и пришлось возвращаться в поле. А Она уехала в Челябинск, где в поселке Сосновка работала мотористкой. Осенью Он закончил уборку хлебов и поехал за ней. Добравшись до Сосновки на пригородном поезде, начал расспрашивать каждого встречного, не знает ли кто красавицу-Ниночку, его будущую жену. Многие с удив-

лением смотрели на влюбленного «чудака», но ему было все равно.

— Как хочешь, а я без тебя никуда не уеду! — первое, что сказал Он при встрече.

Поженились в совхозе имени Горького... Ему 26, ей 19. Вскоре на свет появились Сашенька и Любочка. С того момента прошло 58 лет. А Он по-прежнему не может поверить, что Она принадлежит ему.

Они выжидающе смотрят друг на друга. В коридоре раздался протяжный голос дверного звонка. Он бодро встал и отправился открывать дверь. Она поправила складки своего халата. Ждали гостей: сегодня должны были прийти собиратели историй. Звучит довольно странно, но ничего необычного в этом нет.

— Здравствуйте, — протараторили в унисон две девушки.



Рис. Ляйсан САГДЕЕВОЙ

— Здравствуйте, — растягивая каждую букву, произнесла хозяйка. — Проходите.

Девушки прошли в комнату и уселись на массивный диван. Он зашел в комнату с подносом, на котором были две чашки душистого чая для юных гостей.

— Давайте знакомиться, — предложил он. — Я, Филатов Федор Васильевич. А эта красавица, — он указал на жену, — Нина Дмитриевна.

Когда гости представились, наступила неловкая тишина, которую попыталась заполнить рыжая канарейка. «Ромка, не шуми!», — прикрикнула на птицу Нина Дмитриевна. И Федор Васильевич начал свой рассказ.

— Семья моя родом из Тульской области. В 1926 году мы

перебрались в деревню, в Чесменский район Челябинской области: с землей в нашем крае было туго, а тут были свободные земли. С собой привезли инвентарь, лошадок, коров. Мой отец, Василий Никитич, обосновался здесь: работал бригадиром тракторного отряда, агрономом, занимался охотой. Мама, Ксения Никитична, умерла рано, оставив на него семерых детей: трех девочек и четырех мальчишек. Я был самым младшим. Да, нелегко приходилось отцу...

Воспоминания о семье захватили Фёдора Васильевича, и несколько минут он пребывал в раздумьях.

— Федя, может, ты расскажешь, как узнал о войне? — прервала его мысли Нина Дмитриевна. Выражение его лица мгмо-

венно стало напряженным, сосредоточенным.

— Речь Молотова 22 июня 1941 года нам слышать не довелось: тогда одно радио на весь колхоз было. О войне мы узнали от соседского паренька, сына председателя. Как сейчас помню, забегает к нам в дом и кричит: «Дядя Вась, война началась!». А отец в ответ: «Я так и знал! Я чувствовал это». Он все время газеты читал, по ним-то и понял, что Гитлер задумал войну с Россией вести.

Потом часто повторял: «Эх, готовиться надо было лучше!».

Через десять дней стали уже в армию брать: сначала 30 человек, потом еще партию. И все — опустела деревня. Осталось у нас восемь стариков, отец, да пятеро мальчишек, включая меня. Я в армию очень хотел, да кто ж меня взял бы! К началу войны всего пятый класс закончил. Зато в колхозе всегда руки нужны: я на комбайне работал, на сенокосе трудился, пушнину собирал, почту возил. Развозить почту, пожалуй, оказалось самой тяжелой работой. Морально было тяжелой. Мне тогда всего 13 лет было, а сколько раз приходилось людям «горе везти» — похоронки доставлять. Подъезжаю на коне к дому: все оглядываются, хотят в глазах моих прочитать

что-то. Достаю этот треугольничек и отдаю хозяевам дома. Слезы, истерика... Я — на коня и уезжаю, мне ведь надо было дальше работать. А вечером прихожу домой и рассказываю родителям обо всем. Они меня поддерживали, утешали.

Федор Васильевич, тяжело вздохнул и горько улыбнулся. Он пытался собраться с мыслями, но фрагменты прошлого тянули его обратно, заставляя переживать все по-новому.

Волк схватил ягненка зубами — и в лес. Пастух кричать начал, ведь тогда за каждую скотинку головой отвечали. Отец мне ружье протянул, и я пустился в погоню.

— А Федя-то мой превосходный охотник. С детских лет ружье, как свои пять пальцев знает, — стараясь переменить тему, заговорила Нина Дмитриевна.

— Помню, случай произошел у нас в 1942 году, — оживился Федор Васильевич. — Отец после посевной ремонтировал трактора. Я тогда рядом с ним стоял. Вижу: отара овец идет, а сзади собака крадет. Я подумал, что это Бой, овчарка кузнецца местного. Сказал отцу, а он мне в ответ: «Ты на уши да на хвост посмотри. Волк это!». Только это отец произнес, как волк на ягненка кинулся. Схва-



Семья Филатовых

тил его зубами и пустился в лес. Овцы разбежались, пастух кричать начал, ведь тогда за каждую скотинку головой отвечали. Отец мне ружье протянул и говорит: «Беги, Федька!». Я на лошадь запрыгнул и помчался в погоню. Волк в лопухах остановился, ягненка отпустил и смотрит на меня. И тут я выстрелил, а он покружился-покружился и

убежал. Я ягненок взял (благо, он почти не пострадал!) да пастуху отвез. После мы с отцом вернулись к лопухам и нашли волка мертвым. Но не буду вас больше пугать...

— Когда закончилась война, — продолжал Федор Васильевич, — я окончил ремесленное училище №16 в Магнитогорске, по специальности

токарь. Работал на автобазе ММК: машины ремонтировал до 1951 года. Потом и мне пришла пора послужить Родине. После присяги отправили в Польшу, в штаб рядом с германской границей, затем в школу младших командиров. В 1954 году, после демобилизации, приехал осваивать целину в совхоз имени Горького, это на Южном Урале, трудился комбайнером-трактористом. В те годы столько зерна намолотили, что и сейчас хватило бы! Через пять лет просился у дирекции вместе с семьей переехать в город: целину подняли, теперь детей поднимать надо! За себя оставил двоих учеников, и меня благополучно отпустили. Приехав в Магнитку, поселились у тети с дядей: у них частный дом был, они нас там и прописали. Поступил сразу в чугунно-литейный цех машинистом завального крана. Тогда семьям, которые проработают на комбинате 10 лет, давали квартиру. Мы с женой так и поступили: стали работать вместе. Я — машинистом, она — аппаратчицей на изготовлении формовочного состава. Квартиру получили, в ней живем и по сей день. — Но не все было так просто: чугунно-литейный цех почти как коксохим. Там пыль, песок, глина, идет формовка. Работали в касках, железных

ботинках с наконечниками. Сейчас модернизировали все, станков больше стало. А тогда вручную все делали: землю лопатой кидали, пыль эту поднимали, — прибавила Нина Дмитриевна. — Работали в три смены. Но каждая смена дружная, веселая. И хоть народ был многонациональный, разногласий не возникало. Начальники цеха — молодцы, сплачивали коллектив!

Слушательницы жадно ловили каждое слово, боясь упустить какую-нибудь деталь, даже самую незначительную.

— В 1978 году я вышел на пенсию, — продолжал рассказывать Федор Васильевич, — но веду активный образ жизни. Очень люблю зимнюю рыбалку. В этом году в очередной раз участвовал в соревновании по ловле рыбы, правда, первое место не занял. Иногда выбираюсь с зятем на охоту. А летом со всей семьей выезжаю за город: собираем грибы, ягоды, отдыхаем, в общем. На праздниках у нас традиционно собираются родственники. Всегда с любопытством рассматривают наши старые фотографии, награды, самая дорогая из которых для меня «Ветеран труда». А вечером, когда мы с женой остаемся наедине, вспоминаем молодость... При Сталине дисциплина была, сирот меньше. Но много чего не хватало в материальном плане.

Это сегодняшнее поколение живет в достатке. Только жизненные ценности теряет...

Гости слушали историю о своем герое, перемещаясь в

пространстве и во времени, и невольно посмотрели на свою жизнь, как бы, со стороны.



**Анастасия
СЕРОВА**



**Анна
АНТОНОВА**

Похоронка

*За плетень едва держалась,
Похоронку уронив.
И сирень в глазах снижалась
Над разрыхленностью нив.
Стало вдруг дыханья мало,
Будто это не листок,
Будто облако упало
Похоронкою у ног.
Зашатался под руками
Накренившийся плетень,
Задрожала под ногами
Перегнувшаяся тень.
Показалась незнакомой,
Будто вовсе не своя,
Хата, крытая соломой,
Потемнелая скамья.
Точно вдруг в траву осела
Вилами подкреплена
Подсыхающего сена
Полукруглая копна.
Только яблоня над мятой
Протянула к ней листву
И поддерживала мягко
Помертвелую вдову.
Солнце, шедшее к закату,
Наклонилось по пути,
Чтобы яблоню и хату,
И её прижать к груди.*

Борис ДУБРОВИН



Евгений Яковлев



Е.С. ЯКОВЛЕВ

**Из-за отсутствия денег
мы продали дом и
переехали в землянку**

«Работал я и всё! Мне некогда было даже мечтать, думал только о насущных проблемах: как работу выполнить, где достать еду», – с таких слов Евгений Сергеевич Яковлев начинает вспоминать о своем нелегком детстве.

11 ноября 1940-го этому мальчишке исполнилось 10 лет. Наивные мечты, молодой задор, беззаботные игры, и никто не мог подумать, что меньше чем через год все так круто изменится.

– РАБОТАЛИ мы много. С начала войны отец ремонтировал мельницы, и я помогал ему, как мог. Бывало, он уезжал по делам, и мне приходилось работать одному. Как отцу не помочь?! – улыбается Евгений Сергеевич.

Его мама умерла, когда мальчику было пять лет, в 1942-м отца забрали на фронт. А дом, в котором они жили, из-за отсутствия денег пришлось продать и переехать в землянку.

– Однажды зимой, – вспоминает Евгений Сергеевич, – я упал в обморок из-за того, что очень хотелось кушать, а еды не было.

И тогда, в тринадцать лет, он устроился работать, чтобы прокормить себя и родных: младшего брата и бабушку. Сначала Женя работал связистом телефонно-телеграфной линии

и в это же время подрабатывал поваром, но бабушка уговорила его уволиться, так как это было очень тяжело. В итоге, устроился киномехаником. Мальчишка разъезжал по колхозам, показывал фильмы и привносил хоть какую-то радость в жизнь сельских жителей.

Первый месяц он проходил обучение и всегда был под присмотром учителя. Потом ему дали напарника моториста, такого же юного паренька, как и он. Работали они много, неделями не появлялись дома. Кино было немое, стоило оно пять рублей, однако, пропускали и за два, и за три рубля. «Хоть какая-то прибыль», – улыбаясь, рассказывает Евгений Сергеевич. В основном фильмы приходили смотреть дети или молодые ребята, взрослым было не до этого.

Проработал он киномехаником около года, потом уволился. Голод не позволял спокойно работать. Некому было кормить этих молодых ребят, которые были все время в разъездах, и они не выдержали. Их не хотели увольнять, грозились подать в суд, но ребята относились к этому с насмешкой, ведь им было всего по тринадцать лет.

— **Евгений Сергеевич, для Вас война наступила внезапно?**

— Все мы знали, что она начнется. Знаете, в голове как-то уживались надежда на лучшее и понимание неизбежного. Мне тогда было одиннадцать, все-таки уже не ребенок, я все понимал...

Пока папу не забрали на фронт, я целыми днями работал в колхозе. Приходилось работать до ночи, чтобы прокормить семью. Братик, младше меня на 3 года, сидел с бабушкой, в то время как я работал в поле. Повзрослеть мне пришлось рано, отдыхать было некогда, только если вечером, перед сном.

— **Слышали ли Вы речь В.М. Молотова 22 июня 1941 года?**

— Конечно! И речи Сталина, и Берии потом тоже слышал... Мою семью роковое известие 22 июня не удивило. Чувствовали, что начнется война, но никто не

предполагал, что она будет настолько долгой и мучительной. В те годы не было телевидения, газеты до нас доходили очень редко, мы с замиранием сердца ждали новостей о положении на фронте. Многие отзывались о войне так: «Кто слеп, тот увидит. Кто глух, тот услышит». Эта фраза врезалась в мою память. Война заставила всех почувствовать страх и столкнуться лицом со смертью.

— **Пусть в тяжелых условиях, но для Вас тогда продолжалась жизнь. В ней была хоть какая-то радость?**

Трудились мы на полях, там и доставали еду: дикий лук, гнилую картошку, щавель... Бабушка готовила «кислятку» из того, что было. Морщишься и ешь, а что оставалось делать?

— Да никаких! Радость была у тех, чьи близкие, мужья, братья, отцы и дети возвращались с фронта. Меня же радость обошла стороной, все шестеро родственников, которые ушли на фронт, не вернулись. Погиб отец и его братья. Похоронки приходили одна за другой, и никто в семье не мог сдержать слез. Больше всего было бабушке, она редела днями и ночами, ни один ее сын не вернулся с фронта.

— **Отец Вам писал?**

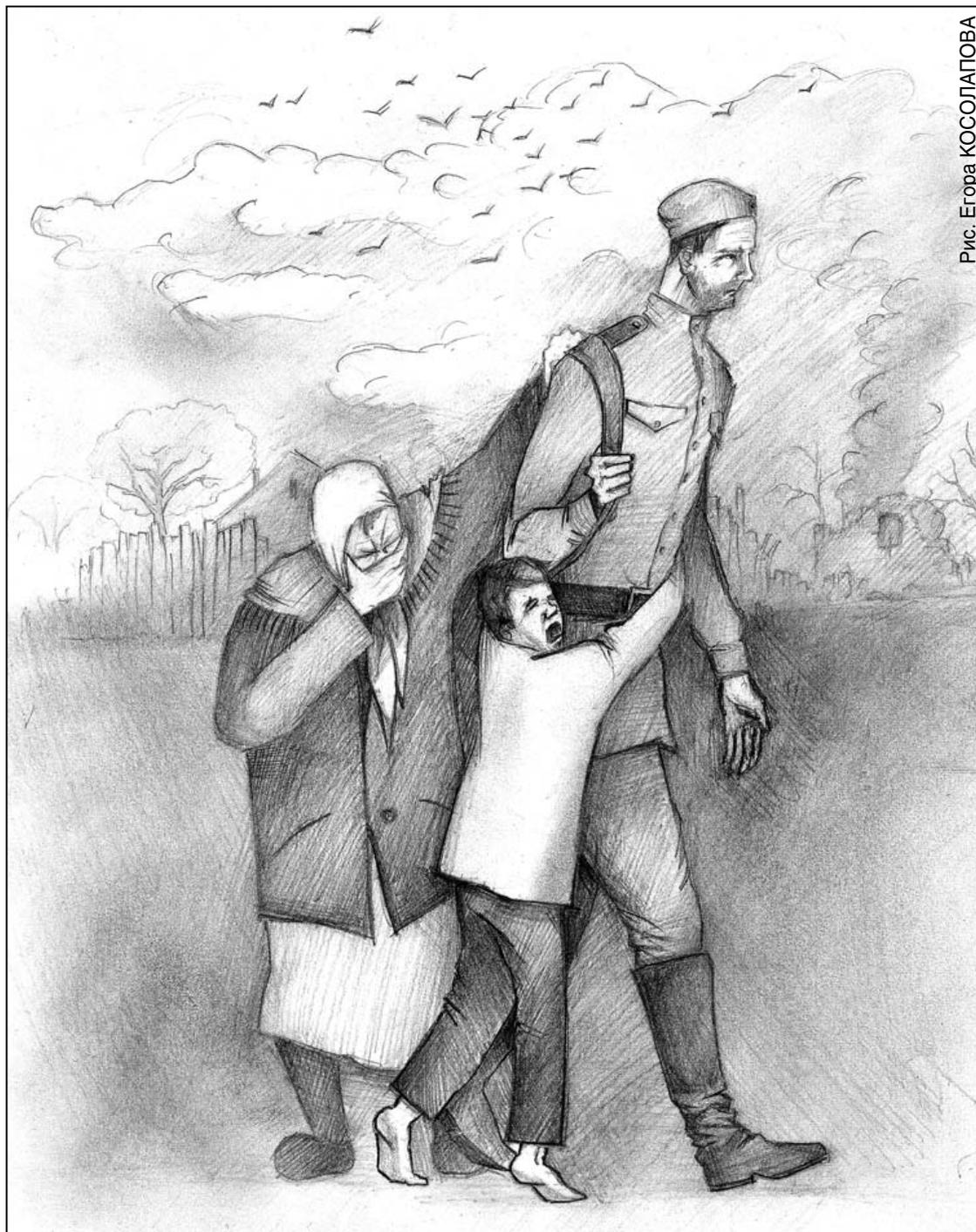


Рис. Егора КОСОЛАПОВА

— Да! У меня даже сохранилась открытка от него. Он всегда присылал письма, пока не погиб. Спрашивал о нас, рассказывал про себя. Мы с бабушкой постоянно перечитывали его письма, они так грели душу! В последнем письме отец написал, что до-

ехал на фронт с «грозным оружием». А чуть позже пришла похоронка.

— **Евгений Сергеевич, говорят, что многие мальчишки во время войны ходили босые. Что Вы носили?**

— Ни обуви, ни одежды практически не было. Кругом

беднота. Мне перешивали одежду отца, а потом мою одежду ушивали и отдавали братишке. Денег не было вообще. Главный вопрос был, где взять поесть, а уж одежда — дело десятое. Трудились мы на полях, там и доставали еду: дикий лук, гнилую картошку, щавель... Бабушка готовила «кислятку» из того, что было. Морщишься и ешь, а что оставалось делать? Что касается одежды, бывало, мои друзья подкидывали мне рваную куртку или я отдавал им свои старые башмаки.

— Евгений Сергеевич, а можно откровенный вопрос? Верите ли Вы в Бога и верили ли в него во времена войны?

— Сейчас верю, в старости все начинают в него верить. А раньше я был атеист. Бабушка заставляла нас с братом молиться. Тот, хоть и не понимал смысл, но все же слушался. А я ни в какую. До поры до времени.

— У Вас есть любимый военный фильм или книга?

— Все военные фильмы и книги вызывают у меня уважение. Я храню очень много дисков, на которых записаны старые военные фильмы: «А зори здесь тихие», «Они сражались за Родину», «Люди в солдатских шинелях» и много чего еще. Но больше, конечно, предпочитаю читать. Не могу выделить любимую книгу, все для меня что-то да значат.

Вот так Евгений Сергеевич Яковлев рассказал о себе, о простом мальчишке из поселка Исенкулово. Он в тринадцать лет фактически возглавил семью, работал без жалоб и озлобления. И его судьба, как и миллионы судеб людей его поколения очень многому учит нас — тех, кому посчастливилось жить в мирное время.



**Олеся
МАТЮК**



**Александра
БОГДАНОВА**

Двойники

*Узнал он в фотографии спокойной
Себя – в отце, который пал в бою.
И в каждый день рождения застольный
С отцовской – ставит рядышком свою.*

*И с каждым годом их родные лица
Надежнее смыкаются в одно,
И время-память длится, длится, длится,
И с прошлым – настоящее равно.*

Юрий БОГДАНОВ



Валентина Фролова



В.И. ФРОЛОВА

**Металл не всегда
давали вовремя, и мы
находились в цехе по
трое суток**

Утром Валя Фролова трудилась на комбинате, днем бежала в институт, а в ночь опять заступала на смену. В такой круговерти она продержалась полгода. Война диктовала свои условия: не успеваешь учиться – бросай, но работать обязан. Твои руки, как руки любого работника, ценятся на вес золота.

– В

АЛЕНТИНА Ивановна, как Вы оказались в Магнитогорске?

– Отец завербовался сюда в 1929-м, а через год мы с матерью и сестренкой приехали к нему. Сестренка была младше меня на 3 года: мне 7, а ей тогда исполнилось 4. Здесь уже и Петя родился – младшенький. Еще у меня было три старших брата и три сестры. Они переехали в Магнитогорск самостоятельно. Все мы кустанайские, из Казахстана.

– Чем Ваша семья занималась во время войны?

– Я по распределению попала на комбинат, в обжимной цех. Была на блюминге диспетчером. Сестра Анна всю жизнь проработала бухгалтером на хлебокомбинате, а Таисия вышла замуж и воспитывала четверых детей. Братья Алексей и

Александр пошли на фронт, самый старший – добровольцем. Младшая Лизонька проработала в калибровочном цехе конструктором. А брат Павел за год до войны ушел в армию, его демобилизовали по ранению, после чего он устроился на комбинат. Мама наша занималась хозяйством. А отец умер еще до войны, в 1934 году. Не довелось ему увидеть весь этот ужас.

– Валентина Ивановна, расскажите, каково было трудиться на комбинате, ведь Вы там фактически жили?

– Да, бывало, находились в цехе по двое-трое суток, потому что металл не всегда давали вовремя. Работали больше на нагревательных колодцах, по сменам. Я была диспетчером на втором и третьем блюминге. Моей обязанностью было – обеспечить блюминг и колодец

металлом. В мартеновских цехах отливали слитки, привозили их в стрипперное отделение. Там их «раздевали» краном, т.е. освобождали от изложниц (металлических форм), потом перевозили на колодцы обжимного цеха. Здесь слитки опускали в колодцы, температура в которых доводилась до 1200-1500 градусов. В утреннюю смену было попрохладнее, а вот к обеду становилось невыносимо жарко.

Подручный, когда открывал на колодце крышку, обливал нас из шланга холодной водой, чтобы нам полегче было. Слитки посадят, закроют колодец.

— О дальнейшей учебе, наверное, пришлось забыть?

— Я начала учиться в институте без отрыва от производства, но приходилось очень тяжело! В пятницу был у нас такой день: с утра отработала, домой прибежала, перекусила, и бегом в институт. Из института вернулась, опять перехватила из еды что-нибудь и в ночь на работу. Но долго в таком темпе я не выдержала, учебу пришлось бросить. Побыла студенткой лишь полгода. Мы всей группой после техникума в институт поступили, а закончил только один. Уж очень трудно было!

— Вам в 1941-м исполнилось восемнадцать. А, те, кто был

младше Вас, дети фактически, работали вместе с Вами?

— Помню, привезли нам ребяташек из Белоруссии. По 13-15 лет всем было. Выдали им ботиночки с деревянной подошвой, парусиновые или брезентовые — другой обуви не было. Поместили в бараки, а нам, комсомольцам, дали задание — взять над ними шефство. Было им холодно и голодно... Они большую часть времени в

Раненых поступало много. В госпитале бинтов на всех не хватало, их приходилось стирать и использовать заново.

цехе находились. Во время перерывов любили забираться под рольганг — конвейер из роликов, по которому слитки из колодца в блюминг переправляли. Хотя опасно это! Был случай, что крановщик не заметил уснувшего человека и накрыл его заготовкой. Потом, спустя некоторое время, ноги увидели выглядывающие, но поздно, конечно... Работали дети, кто, где мог. Те, кто помладше — подсобными рабочими, постарше — учились, мастерами становились.

— А Вам хотелось пойти на фронт?

— Конечно. В 1943 году мы работали вместе с подругой из техникума, Надей Перчаткиной. Она с 1925 года, я с 1923-



**Работники обжимного цеха ММК на избирательном участке.
Валентина Фролова крайняя справа**

го. С ней-то и задумали вместе пойти. В Магнитогорск привозили раненых. Мы подоспели к поезду, как обычно, помогли санитарам перевести солдат в госпиталь и сказали работни-

ку поезда, что хотим ехать на фронт. Но состав был переполнен медперсоналом. Нас отправили к другому поезду, который прибывал только через неделю. А мы с подружкой уже переду-



Рис. Нелли ШАЕХОВОЙ

мали: страшно стало за себя и за родных... Поэтому просто стали помогать в госпитале в свободное от работы время.

— **Какую помощь Вы оказывали?**

— Нас посылали учиться в госпиталь на медсестер запаса, параллельно учили на шоферов. Водить я не стала — не мое. А вот на медсестру пошла. Помогала в перевязках. Условия были непростые: бинтов на всех не хватало, приходилось стирать и использовать заново. Раненых поступало много, но в палаты мы не заходили, видели их только в перевязочной.

Запомнился мне один голубоглазый солдат. Его ранили сильно, куда точно, уже и не помню, но он все время лежал:

пролежни были на всем теле! А помочь врачи не могли. Очень я его жалела. Такой молодой... Его б на ноги поставить, он бы горы свернул!

С одним из раненных, танкистом, я потом переписывалась. Было много его фотографий и писем, да сейчас все растерялось уже.

— **А братья писали с фронта?**

— Конечно! Хотя это было непросто: писали в окопах перед боем. Больше маме и женам. Когда письмо приходило, это был настоящий праздник!

Один брат у меня в плен попал, сумел бежать с товарищами. Подробностей не помню, но знаю, помог им кто-то из местных жителей. Первое

время его здесь воспринимали плохо. Он в плену уничтожил партбилет, иначе бы точно не уцелел: коммунисты у немцев — первые кандидаты на расстрел. Да потом свои за это «простить» не могли. Однако брат упорно трудился на комбинате и его восстановили в партии по ходатайству Носова, директора комбината.

— **Как сложилась Ваша жизнь после войны?**

— В 1957 году я родила сына. Всю жизнь растила его одна. Работала на комбинате, занималась в цехе комсомольской работой. Выезжали с концертами самодеятельности в близлежащие колхозы и совхозы. Когда открылось 6-е техническое училище, пригласили туда. Почти год я была мастером производственного обучения в техническом училище, учила молодых контролеров ОТК. Потом приехали из 13-го училища директор и мастер: мы, говорит, вас «сватать» будем. Все наши спе-

циальности передали туда. Перешла я на работу в 13-е, мастером. Правда, через одиннадцать лет с училища передали нас опять на комбинат. И до сих пор я числюсь за комбинатом и за отделом технического контроля.

— **Эту книгу будет читать множество молодых людей. Что бы Вы хотели им пожелать?**

— Счастья вам, здоровья, успешной учебы. Чтобы вы выбрали себе работу по желанию, а не ту, которую вам предложат. Мира и добра! Чтобы не было больше никаких войн, никаких происшествий, ни наводнений, ни пожаров... Только мирное небо над вашими головами.



**Анастасия
БАНДУРИНА**



**Евдокия
ТИТАРЕНКО**



**Дарья
КАБЛОВА**

В тыловом госпитале

*Четыре метра в ширину
И столько же в длину,
Еще три метра в высоту —
Вот мир, где ты в плену.*

*Но вот пришел твой друг матрос
К порогу море он принес,
Уткнулся корабельный нос
В уральский свежий тес.*

*Охотник вышел из болот,
В пилотке явится пилот,
Оставив небо у ворот,
Он в комнату войдет.*

*...Не шторм ли шторы шевелит
И жить и плыть тебе велит?
И кровь матроса зашумит
И качку повторит...*

*Так и везде — не только тут,
И где в уют нас закуют,
Еще не всё — друзья придут
И стены разберут.*

Михаил ЛЬВОВ



Фавзия Батракова



Ф.Ш. БАТРАКОВА

**Искалеченные вагоны
везли жуткие вести
с фронта**

Фавзии Шариповне Батраковой недавно исполнилось 94 года. «Жизнь длиною в век, – говорит она. – Вы можете себе это представить? Я – с трудом. Так много я пережила за это время... удивительно». Пережито раскулачивание семьи Фавзии Шариповны, военное время, потеря брата на фронте, смерть мужа, сложные годы восстановления страны – всего не перечислить.

И ЮЛЬ 1941 года. Студенты третьего курса Томского электротехнического института и среди них Фавзия Шариповна (тогда просто Фавзия или Зоя), сдавали экзамены. За окном на площади начался патриотический митинг. Шум, голоса, летняя жара, а над всем удушливый страх: что будет дальше? Студенты искоса глядели в окно, беспокойно ерзали на стульях. Этот экзамен Зоя сдала со второй попытки. Тогда казалось, что учиться студенты больше не будут.

Поток, на котором училась Фавзия по специальности «железнодорожник вагонного хозяйства», состоял из трех групп. После начала войны, поток перестроили: группа осталась всего одна. Почти все студенты ушли на фронт добровольцами.

Ушел и старший брат Фавзии. Почему-то на проводах брата у нее было ощущение, что больше они не увидятся. Потом он погиб под Сталинградом... Вслед за братом на фронт собиралась и Зоя. Она неплохо знала немецкий язык, хотела подтянуть его на курсах и стать полевым переводчиком. Да вовремя одумалась: здесь оставался младший брат и престарелые родители, которых нельзя было оставлять без поддержки. Позже, когда младшему брату исполнилось восемнадцать, он тоже ушел воевать, прошел всю войну и вернулся живым.

В связи с войной курс Фавзии выпустили на полгода раньше. Студенты получили дипломы в конце 1942 года, месяц на отдых и после – распределение на работу. Достаточно забавно Зоя выбрала место, где ей пред-

стояло проработать всю войну: город Златоуст на Южном Урале понравился ей именно названием.

Первый рабочий день — представление нового бригадира коллективу депо Златоуста. На Фавзию с любопытством смотрели работники: старики, уже не годные на фронт, и еще совсем мальчишки, которых призовут, как только им исполнится восемнадцать. Мастер Замятлов (память не сохранила его имени) торжественного сказал: «Теперь мой помощник — инженер, она вам не даст забаловать!». Суть работы — ремонт вагонов, брак исключается.

Началась совсем другая жизнь. В 1943 году работа в депо шла по двенадцать часов: с восьми утра до восьми вечера, никаких выходных, а питание было скудным: 600 граммов хлеба в день и 600 граммов жиров в месяц. К концу войны Фавзия весила 40 кг при росте 160 см.

Фронтвые вагоны

Как с фронта привозили в госпитали раненных солдат, так в тыловые депо отправляли покоренные железнодорожные вагоны. Только исправить железо зачастую было легче, чем покалеченных людей.

Эти вагоны становились самыми жуткими вестями с фронта. Сгоревшая почти пол-

ностью деревянная обшивка, погнутые металлические части, порой повреждения металла были невероятной силы, скорее всего, такие поезда врезались во что-то или сходили с рельс.

Ремонт осуществлялся в сложнейших условиях. Инструментов было совсем мало, да и те достаточно примитивные. Для выпрямления металлическую деталь зажимали между двух крепких пластин и вручную эти пластины закручивали. Для замены колеса у вагона использовали ручной домкрат, высотой почти по пояс взрослому человеку. Фавзия вместе с мальчишками его крутила, чтобы приподнять вагон с той стороны, где требуется замена. Приходилось быть предельно внимательными, чтобы он не опрокинулся на бок.

Самым тяжелым для Фавзии в то время было дежурство. Все, кто входил в Командный состав, должны были по графику дежурить на железнодорожных путях. Дежурный отвечал за исправность идущего вагона, за то, что тот дойдет до нужной станции в срок. Такой работе в институте Фавзию не учили. Например, ответственный дежурный должен уметь рассчитать, с какой скоростью вагон дойдет до следующей станции. Фавзии в этом помогали старые рабочие. «Было ведь время, когда девчонка двадцати трех лет



Рис. Надежды ХРЕНОВОЙ

давала добро на то, как пойдет состав и какое у него качество, — вспоминает Фавзия Шариповна. — Другие выпускницы института, закончившие локомотивный факультет, вынуждены были стать машинистами локомотива, им еще сложнее пришлось. Меня это до сих пор удивляет. Это кошмар».

Благодаря упорному труду и большому старанию Фавзии, она достаточно быстро стала мастером. В этой должности девушка начала подробно изучать и запоминать все инструкции, которых, надо сказать, было очень много: по колесным парам, по тормозам, по ударным

приборам и проч. Поэтому, когда депо понадобился приемщик вагонов, тут же выдвинули ее кандидатуру. Чтобы подтвердить свою готовность к ответственной работе, ей пришлось сдавать экзамены в Москве.

Колонна № 59

Для сильно поврежденных вагонов были созданы так называемые Вагоноремонтные колонны. Работники колонн жили при них, фактически на рабочем месте, в специальных жилых вагонах, в купе по четыре человека. Приемщик должен был принимать вагоны после



Муж Фавзии Шариповны Евгений Батраков

ремонта. Если работа выполнена качественно, давать добро на их «выписку», если нет — указывать на брак и возвращать для его устранения.

Фавзию перевели в колонну №59. Сложнее всего для нее было осматривать крыши ваго-

нов. По лестнице подниматься на крышу было страшно, но необходимо, так как в вагонах перевозили солдат, боеприпасы и продукты питания. Крыша нигде не должна была протекать или продуваться. Если с одобренным Фавзией вагоном

что-то случится на их участке: откажут тормоза или он сойдет с рельс, ответственными за это будут она, приемщик, и мастер, который делал вагон. Брак тогда был недопустим: вагоны отправляли сразу на фронт, там они не должны были подвести. Если в выпущенных вагонах обнаруживались недоработки, виновных за это вызывали в Челябинск на разбирательство. При Фавзии Шариповне однажды «распекали» инженера, тот не выдержал и упал в обморок.

Она помнит до сих пор страшную аварию, случившуюся на соседней станции. Столкнулись грузовой состав, который вела женщина-машинист, и поезд с солдатами. Все происходило зимой,

солдатские вагоны отапливались «буржуйками». При столкновении составов, в солдатских вагонах начали падать печки, загорались деревянные части, из-за сильного удара вагоны сжимались, было практически невозможно открыть двери. Это была самая страшная авария на том участке.

К счастью, вагоны, принятые двадцатичетырехлетней Фавзией, шли без серьезных нарушений. «Меня много ругали, — вспоминает она, — конечно, и хвалили, но чаще ругали.

Я была совершенно неопытна, еще совсем девчонка. Но я старалась изо всех сил. И мне очень хорошо помогали старшие рабочие».

Несмотря на выговоры и замечания, о которых вспоминает ветеран труда, Фавзию Шариповну повысили до главного инженера вагонного депо. «Главный инженер в юбке» — так шутили, прозвали Фавзию. Она была единственным специалистом-женщиной в этой должности на Южно-Уральской желез-

Для замены колеса у вагона использовали ручной домкрат, высотой почти по пояс взрослому человеку. Фавзия вместе с мальчишками его крутила, чтобы приподнять вагон с той стороны, где требуется замена.

ной дороге! Постоянные командировки, вызовы в Челябинск, ответственность за ремонт вагонов, за свой коллектив... «Это совершенно не женская работа», — резюмировала она.

Если на ее участке железной дороги что-то случалось с вагонами, в любое время суток надо было тут же выезжать на место аварии. От «инженера в юбке» никто не слышал ни одной жалобы. «Вообще, в то время было не принято жаловаться, — вспоминает Фавзия Шариповна, — вся страна

была взбудоражена. Каждый из нас знал, за что мы боремся. Мы верили в Победу!». Чувство долга и вера в Победу не покидали железнодорожников все пять долгих военных лет. Рабочие были удивительно преданы своему предприятию как части большой тыловой машины, поддерживающей фронт.

После Победы

Когда советские войска начали уверенно продвигаться вглубь Германии, стало ясно, что скоро войне конец. Все напряженно ждали, какой день может стать великим днем Победы.

Девятого мая тыл и фронт смогли выдохнуть. Начался долгий путь восстановления страны. В год победы у Фавзии Шариповны родилась дочь от первого брака, который позже распался. Ухаживать за ребенком помогала мама.

Вагоноремонтные колонны расформировали в 1946 году. Работникам предоставили возможность выбирать место работы. Так, в должности главного инженера, Фавзия Шариповна стала работать в Магнитогорске. Вагонное депо Магнитогорска было самым крупным на Южном Урале. Здесь же ремонтировали современные четырехосные вагоны.

Усердному и ответственному «инженеру в юбке» пред-

лагали переехать в областной центр, работать в других депо, но Фавзия Шариповна отказалась. Во-первых, переезд в Челябинск означал, что надо будет вновь срывать с места пожилую маму, у которой в Магнитогорске уже появились приятельницы, наладилась жизнь. Во-вторых, эта работа требовала всего времени молодой матери. «Так вся моя жизнь до самой пенсии оказалась связана с Магнитогорском», — улыбается Фавзия Шариповна. На пенсию она вышла в должности начальника производственно-технического отдела. В ее ведомстве находились восемь инженеров: по охране труда, по рационализации, по обучению и т.д.

«Невозможный» союз

Понемногу налаживалась мирная жизнь: с фронта возвращались солдаты, работа в тылу стала гораздо легче, улучшилось питание.

Фавзии Шариповне исполнилось тридцать четыре года. Однажды ее приятельница, Тася Кожемякина, сообщила, что с ней хочет познакомиться Женя Батраков с соседней улицы. Евгений Максимович Батраков в восемнадцать лет был призван в армию, почти дошел до Берлина. Их часть остановили в небольшом немецком городке. Позже

их возили показать сам Берлин, но смотреть было не на что — все разрушено. Форма Евгения, дослужившегося до звания старшего сержанта, до сих пор хранится. Но о фронте сам Евгений Максимович не любил говорить. После войны он работал машинистом электровоза.

Встрече и знакомству Фавзия не придавала никакого значения: Евгений был на пять лет моложе ее, у самой Фавзии ребенок от первого брака. Такой союз казался ей невозможным. Совсем иначе считал Женья, которого не останавливали ни разница в годах, ни ребенок. «Извините, но я буду к вам ходить», — сказал ей будущий муж. Мама Фавзии Шариповны была против брака. Для религиозных татар, исповедующих ислам, неприемлем брак с русским. Тогда на помощь пришел дядя Фавзии, который написал ее маме такое письмо: «Не возражай дочери. Бог один для всех, но пути к нему разные. Не будь против». После этого мама смягчилась, а позже всей душой полюбила Евгения. «Он был удивительный человек, очень хороший и

работающий», — улыбается Фавзия Шариповна. У них с Евгением Максимовичем родилось трое детей. При этом Фавзия Шариповна еще долгое время продолжала работать главным инженером. «Сама не знаю, как я ухитрилась работать», — удивляется она.

Евгений старался понять уклад семейной жизни своей жены и органично войти в него. С мамой Фавзии он всегда здоровался на татарском языке. Если у нее гостили приятельницы татарки, он обязательно заходил на кухню, где они пили чай, и с каждой здоровался по-татарски. Они расцветали, улыбались ему.

К сожалению, Евгений умер рано. Это стало большим горем в семье. От любимого мужа остались фото, военная форма, какие-то мелочи; бережно хранятся фотографии родителей, старые письма. Сама квартира помнит многих, кто уже никогда не постучит в дверь. В своих воспоминаниях Фавзия Шариповна вновь воскрешает давно минувшее, произошедшее за жизнь длиною в век.



Дарья
ШВЕД

Анкета

Графа идет в анкете за графюю.

Все учтено

Почти за сорок лет...

Но жаль, что нет графы:

«ПЕРЕЖИТОЕ» —

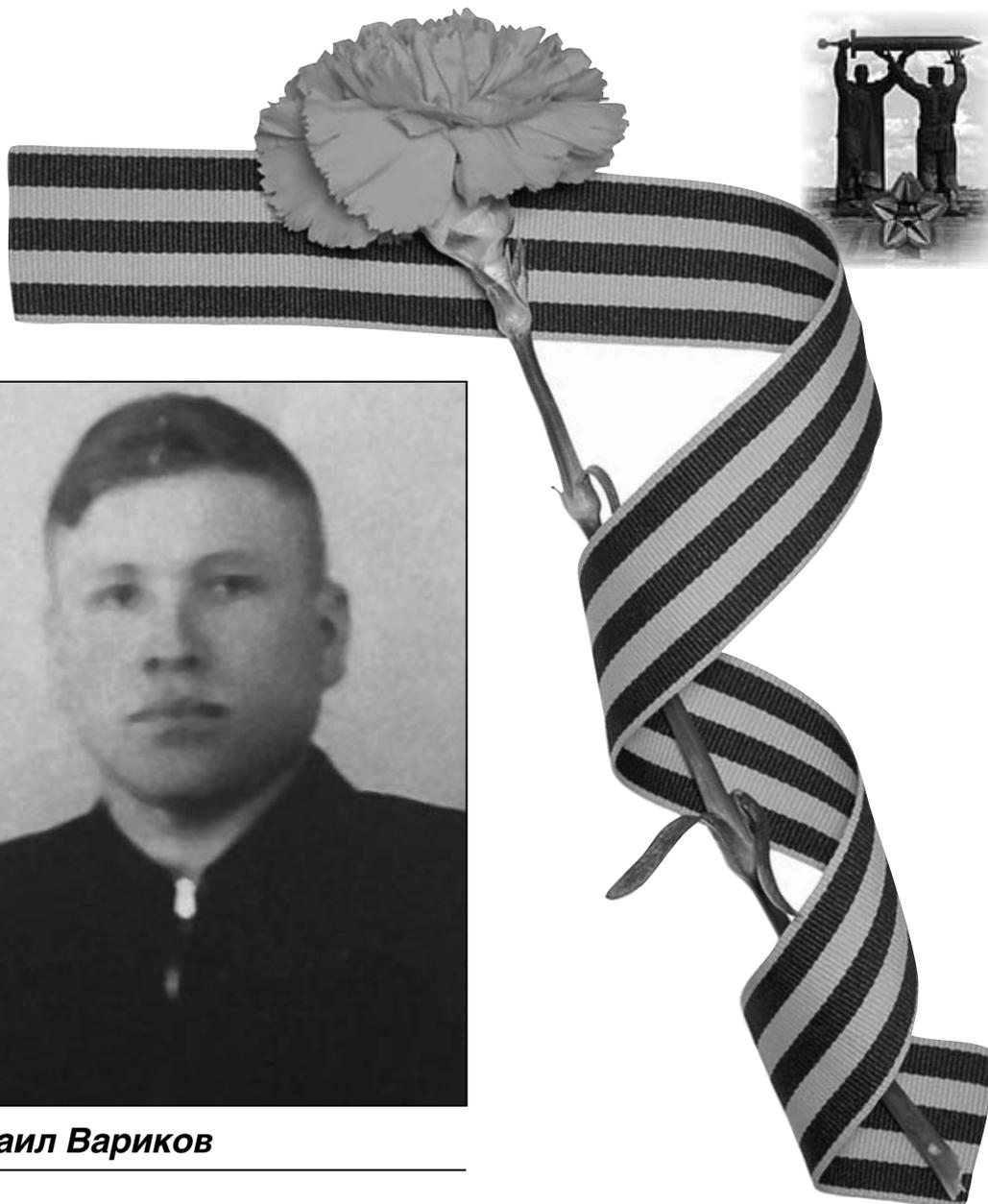
Ведь без нее в анкете

Сути нет.

Борис ДУБРОВИН



Михаил Вариков



М.П. ВАРИКОВ

**Я одновременно
получил выговор и
премию от начальства**

Шел июнь 1941 года... Мы с товарищами принимали участие в ежегодном забеге на 2,5 километра, посвященном празднованию сабантуя в Бижбулякском районе республики Башкирия. Бегать мне было не впервой. Брат учил правильной тактике: мол, держись, Миша, в 10 метрах от первого – не важно, сколько между вами народу, а на последних 100 метрах выкладывайся по полной и вырывайся вперед. Так и побеждал вот уже несколько соревнований подряд. И на этот раз, прибежав первым, я радовался возможности отправиться на межрайонные соревнования. Но мечтам не суждено было сбыться...



ИНИШ встретил меня полной неразберихой, люди сновали туда-сюда, и повсюду слышалось: «Война! Война! Война!» Мой брат, офицер Красной Армии, тут же отправился домой за вещмешком, который всегда висел наготове в коридоре на крючке, и ушел на фронт. Больше я его не видел... Спустя некоторое время до меня дошли слухи, что он пропал без вести, защищая Родину.

От местной железнодорожной станции ежедневно отправлялись эшелоны на фронт. По дороге шли добровольцы. Их было очень много. Эти люди решили воевать, потому что не могли сидеть на месте, в то вре-

мя как стране, гражданам, таким же мальчишкам и девчонкам, грозила опасность. Молодые ребята рвались в бой, но не всех из-за возраста брали в военкоматах. Один из нашей деревни зимой самовольно пошел пешком на станцию, дорогу занесло, там он и замерз...

В 1941-м для учеников, начиная с 5 класса, школы закрылись. Всех отправляли на работу. Четырнадцатилетние подростки считались уже полноценными тружениками тыла. Чем только ни приходилось заниматься! Куда нас кидали, туда и шли. Поначалу меня направили работать в обоз, собирающий продукты питания для отправки на фронт. С бригадой из 25 че-



Михаил Вариков

ловек ездил по деревням и селам. Правительство установило определенную норму продуктов, которую сдавал каждый двор. И многие крестьяне готовы были поделиться последним, сдавали даже больше, чем требовалось! Сами голодали, а помогали фронтовикам. Отдавали что могли: кто мясо, кто сушеную картошку, а кто и вовсе деньги на строительство самолета или танка. Я тоже вместе со всеми старался отправлять посылки на фронт.

Так вот и ездили мы целую зиму в обозе от деревни до станции и обратно. А весной опять домой участвовать в посевной. Поле

от дома на 5 километров простирается, а трактористов-то нет. Посадят меня, мальчишку, на трактор, и рулю целый день. Учить особо некому было, да и некогда. Покажет бригадир, на какие рычаги давить, вот и все обучение. Еще лес рубили. Точнее, рубили женщины 50-60 лет, мы только бревна собирали и отвозили на станцию. Из этого леса потом ударными темпами возводились заводы. Когда приходило время собирать урожай, мы участвовали в уборочной, зимой — снова в обоз.

Про войну слышали только по радио и от политракторников, которые время от вре-

мени приезжали в наш район. Первое время, когда Красная Армия несла большие потери и отступала под натиском превосходящих сил противника, нам говорили, что все это часть продуманной военной стратегии и это целенаправленный отход наших войск. В то время как многочисленные ряды партизан, оставленных в тылу врага, будут уничтожать его изнутри. И мы верили.

Весной участвовал в посевной. Поле от дома на 5 километров простирается, а трактористов-то нет. Посадят меня, мальчишку, на трактор, и рулю целый день. Бригадир только покажет, на какие рычаги давить.

В 1943-м году нас, деревенских мальчишек, отправили на военную подготовку в одну из военных баз на территории Башкирии. Там целое лето учили плавать, стрелять, налаживать связь с помощью радиации — в общем, основам боевой подготовки. Но в ряды Красной Армии все равно не взяли.

В 1944-м меня позвали работать помощником машиниста экскаватора — не хватало людей для работы на Магнитогорском руднике. Хотя в то время помощниками были в основном женщины. Пришлось сдавать экзамен по технике безопасности. Все собрались. Главный

инженер по ТБ говорит: «Задам я тебе вопрос... Как ты будешь работать? И как ты вообще живешь? Что, по-твоему, самое главное в жизни?» А я ему отвечаю: «Дисциплина!» Он мне на это: «Все, ставлю пять», — и ушел, больше у меня ничего не спрашивали. Так началась моя трудовая деятельность на руднике. В годы войны из-за временной потери основных рудников, расположенных на западе, он стал основной железорудной базой. Здесь добывалась каждая вторая тонна сырья для домен страны. И это несмотря на то, что более половины рабочих были подростками, срочно обученными в школах и ремесленных училищах. Настоящих специалистов из юнцов делали умудренные опытом рабочие, забронированные от призыва на фронт. За активное участие в творческой деятельности, различного рода спортивных соревнованиях выдвинули меня товарищи на комсомольском собрании в профсоюзную группу. Так я стал профгруппоргом: часто ездил в Челябинск на конференции, а потом доводил полученную информацию до трудового коллектива.

Чтобы выполнить поставленные задачи на руднике, иногда приходилось нарушать правила. Однажды нужно было в кратчайшие сроки отгрузить богатой руды на аглофабрику.

Перегон экскаватора с места на место по горизонтам занимал очень много времени — вместо обычного спуска по круговой пришлось идти напрямки по небольшой дороге, которая была намного уже самого экскаватора. Это является прямым нарушением техники безопасности. Но, в итоге, план по отгрузке был выполнен досрочно, за что я получил одновременно выговор и премию от начальства.

За годы работы наград было немало. Когда наша бригада вышла на первое место по всем предприятиям черной металлургии за самые высокие трудовые показатели, мне присвоили орден Трудового Красного Знамени. А за неоднократное выполнение и даже перевыполнение трудового плана на руднике — орден «Шахтерская слава».

Многое было за время войны: горе и радости, веселые танцы и тяжелые трудовые будни, лишения и премии. Спросите, как жили? Люди говорят, что мы голодали. Не знаю, я не голодал, я жил и работал. И всегда руководствовался принципом: в жизни и на войне нужна дисциплина.



**Записала
Екатерина
ЧУХУТИНА**

Трудовой фронт

*Война. Страшней нет ничего на свете.
«Для фронта все!» – девиз страны таков.
Трудились все: и взрослые, и дети
В полях, и у мартенов, у станков.
Фронт обеспечить! – нет важней задачи,
Трудились для победы все в тылу,
Бойцам в боях не выстоять иначе,
Труд для победы заслужил хвалу.
Все отдавали фронту для победы,
Тыл только крохи оставлял себе,
Терпели стойко тяжести и беды,
Чтоб быстро одолеть врага в борьбе.
Тыл обеспечил армию надежно,
Оружие – основа всех основ,
Хотя пришлось невероятно сложно,
Но армии шли смело на врагов.
Фронтовикам в день майский честь и слава!
На их груди сверкают ордена,
Но тыл в победу сил вложил немало.
Фронт трудовой! Была им вся страна!*

Анатолий БОЛУТЕНКО



Нина Резанова



Н.Д. РЕЗАНОВА

**Мы поженились
в июне 1945-го**

Когда началась война, Нине Резановой исполнилось двадцать лет. Тяжелое детство в семье первостроителей Магнитки, смерть отца и уход братьев на фронт, жизнь в тылу... Беднота, голод, разруха. Ей, как и многим ее сверстникам, пришлось рано повзрослеть.

Военные условия, наверное, и есть самые экстремальные. Они, и на линии фронта, и в тылу обнажают истинную сущность человека. Разные люди окружали Нину Дмитриевну. Но несмотря на все невзгоды, она вспоминает только хорошее, потому что это была ее молодость.

ИНА Дмитриевна, Ваши родители – первостроители Магнитки. Этот город рос вместе с Вами. Расскажите немного о том, где и как Вы жили к началу войны.

– Когда мы приехали с семьей на Магнитострой, я еще даже в школу не ходила. Сначала жили в палатках на левом берегу, в Туковом поселке. Потом нас перевели в барак. Одноэтажный барак, длинный такой, с общим коридором. У каждой семьи в комнате была маленькая печка – «буржуйка». Только она и согревала нас в холода. Когда уже училась в школе, мы переехали в поселок Щитовые дома. В двухэтажном доме у нас была комната под лестницей.

Отец рано ушел из жизни, старые ранения времен Гражданской войны давали о себе знать. Никогда не забуду, как мы его хоронили. Сделали гроб из неотесанных досок и опустили в общую могилу...

После смерти отца нас осталось пятеро. Выживали, как могли. Мать ходила в какой-то дом на Маяковского: стирала, убирала. А я была нянькой в семье одного спортсмена в однокомнатной квартире на Комсомольской площади. И никто не знал о том, как я живу.

До 7 класса я училась в школе возле Заводоуправления. Помню, там учебник был один на пятерых или на семерых. Передавали его из рук в руки... Детство было, конечно, тяжелое.

– Вам рано пришлось стать самостоятельной, учиться и работать. Когда все успевали?

– Думаю, у меня всегда была какая-то руководящая жилка, предприимчивость. Я была активной и живо интересовалась всем происходящим вокруг. В свое время стала секретарем комсомольской организации. Занималась спортом, любила ходить на лыжах. На аккордеоне играла. Жили мы очень бедно, но, несмотря на отсутствие теплой одежды (ни колгот, ни валенок) и тяжелые бытовые условия, я ни разу серьезно не болела. Мобилизовала все силы — и в дело.

– После школы продолжили обучение или сразу пошли работать? Ведь к тому времени уже началась война.

– Да, началась война. Я тогда закончила 10 классов. Меня могли забрать на фронт, но из-за того, что я осталась единственным кормильцем в семье, ведь оба брата ушли на фронт, этого не произошло. Моя подруга предложила мне вместе с ней поступать в институт. В годы войны там надо было учиться только два года, а в техникуме всего один. Естественно, я выбрала техникум. И училась даже меньше года, потому как выбрала отделение бухгалте-

рии. Я получила диплом, и меня назначили в профилакторий от комбината на 11-м участке. Главный бухгалтер комбината Сергей Миронович Коваленко часто повторял: «Нина такая молодая, ей всего 20 лет, как бы ее не обманули и не обокрали».

– А были такие случаи?

– Конечно. Тогда рабочие комбината сдавали в бухгалтерию свои продуктовые карточки, чтобы потом без отрыва от

Гена был сталеваром и начал работать, когда заканчивал техникум. Рано прославился, между прочим. Его бригада была первой по выплавке стали.

производства получить заслуженный обед. И был связан с этим неприятный инцидент: сын одной из сотрудниц карточки украл. А ведь это подсудное дело! Не только для него, но и для меня — за то, что недосмотрела. Но, к счастью, Сергей Миронович восстановил их.

В общей сложности я работала бухгалтером восемь с половиной лет. В годы войны я работала в УГХ комбината, в домоуправлении, занималась расселением эвакуированных. Потом меня забрали в военкомат. Тогда-то я и познакомилась со своим будущим мужем.

– В чем заключалась Ваша работа в военкомате, и какие

возникали при этом трудности? Все-таки людей на фронт отправляли.

— В военкомате не было постоянных служащих: работали временно в качестве отзывных от своих предприятий. Я была приписной от комбината. Выдавала «бронь» тем, кто должен был остаться на комбинате, изготавливать броневой металл. Тогда на левом берегу, на улице Пушкина, находился старый Цирк. Так вот в этом цирке я выходила на манеж, мне давали стул и тумбочку, там и работала. Без подписи военкома я не имела права выдавать документы: приходилось иногда ночами не спать, дожидаться его.

Я никогда не забуду, как один капитан так меня подвел, что меня саму чуть на фронт не отправили! Он подсунул справку, чтобы какому-то знакомому выбить «бронь». А тот даже не был работником комбината. Но Бог отвел, как говорится, начальство все вовремя проверило и уладило. Когда военком справку-то проверил — тут все и выяснилось. Мне предъявили подделку, а я в полной растерянности, я-то тут ни при чем. И вспоминать страшно! Да что там говорить, даже раненые долго не задерживались в госпиталях, всех отправляли на фронт. И девчонок забирали, потому что людей не хватало. А сколько погибало!

— Несомненно, это было тяжелое время и для тех, кто уходил и для тех, кто ждал.

— Помню, во время войны у нас располагался эвакуированный корпус Ленинградского танкового училища, по улице Пионерской. Один мой хороший знакомый из Ленинграда учился там. После окончания этого училища был отправлен на фронт. Позже я получила письмо от его товарища, что он погиб. Поначалу даже в голове не укладывалось... Такой был хороший парень!

— Вы говорили, что в то время познакомились со своим будущим мужем. Тоже в военкомате, по долгу службы?

— Нет, с мужем, Геной Резановым, я познакомилась на Дне рождения подруги. Так получилось, что мы сидели рядом. Он был сталеваром и начал работать, когда заканчивал техникум. Рано прославился, между прочим. Его бригада была первой по выплавке броневого металла. В 20 лет получил орден Ленина, а также орден Трудового Красного Знамени. И ему сразу дали комнату в доме на Пионерской улице. Он был тогда знаменит, и потому за ним бегало много девушек. Но для меня эти заслуги ничего не значили. Жила я бедно и одевалась скромно. Модная юбка шестиклинка да две тенниски — вот и все мои наряды.

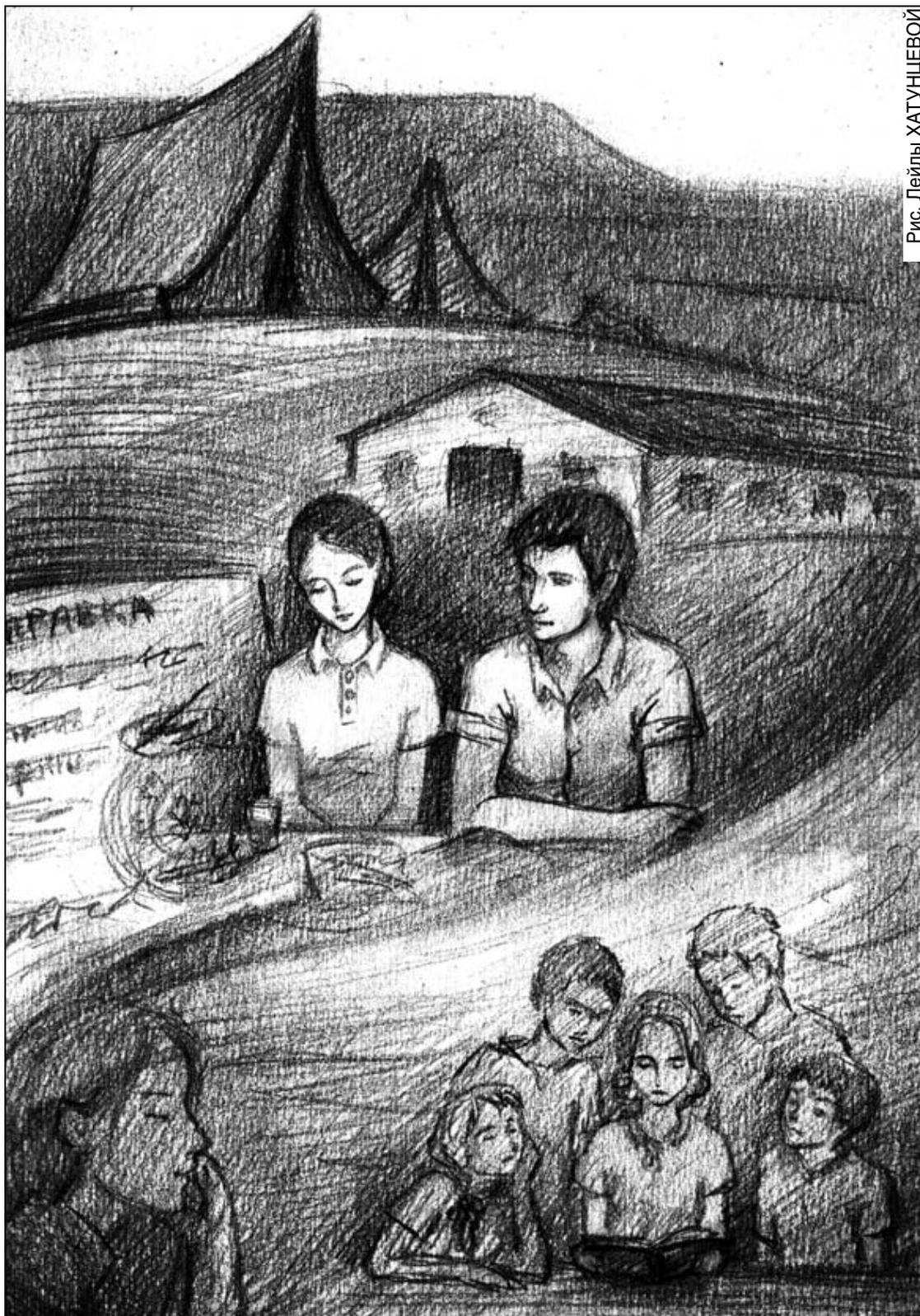


Рис. Лейлы ХАТУНЦЕВОЙ

В этом ходила и на работу, и на танцы.

Мы долгое время дружили. Вместе ходили на танцы. Поженились практически сразу

после войны, в июне 1945-го. Прожили вместе 42 года. У нас родилось двое детей. Муж был добрым и порядочным человеком, жизнь моя с ним прошла

как в сказке. К сожалению, 25 лет тому назад его не стало, и я осталась одна.

— Наше поколение прожило такую тяжелую жизнь, — в заключении сказала Нина Дмитриевна. — Сейчас много талантливых молодых людей, и я искренне верю, что они смогут сделать больше, чем мы

в свое время. Я никогда не жаловалась на голод или тяжелые условия и не жалею о прожитых годах. Все пережила. Конечно, стала кое-что забывать, очень многие мои родные люди ушли из жизни. Но все равно я вспоминаю с удовольствием, потому что это была моя молодость...



**Анастасия
БАЖЕНОВА**

По уставу, без устава

*По уставу, без устава,
Без вины и по вине
В три кнута судьба хлестала
Нас, бывало, на войне.
Гнев, обиды, непогода,
Мины, бомбы, боль и злость —
За четыре горьких года
Много всякого стряслось:
Похоронки и блокада,
Волги долгие деньки,
И японского микадо
Пограничные полки,
Сны пустые о постели,
Свист осколков у виска,
Подмосковного безделья
Госпитальная тоска,
Метки разные на коже
От плеча и до плеча.
... Ну и что же? Ну и что же?
А зато победа чья?!*

Марк ГРОССМАН



Иван Силивончик



И.Ф. СИЛИВОНЧИК

**Бомбы падали все
чаще и чаще, и ночью
одна из них попала
к нам во двор**

Подобно тому, как молодые парни прибавляли себе года, чтобы попасть на фронт, Ваня Силивончик «увеличил» свой возраст, чтобы устроиться на работу. Одиннадцатилетний слесарь трудился на Магнитогорском металлургическом комбинате и позже был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.



ВАН Филиппович, как Вы узнали о том, что началась война?

И где тогда находились?

— Мы с семьей жили в Белоруссии, в селе Паричи. На тот момент я был одиннадцатилетним мальчишкой. 22 июня все дети нашего села ходили в кино. Для нас такое времяпровождение было настоящим праздником, развеселились все невероятно! Домой возвращались уже поздно, на улице было темно, а когда пришли, то узнали о том, что началась война. За ужином мы почти не разговаривали друг с другом: пытались осмыслить страшную новость. И, знаете, не верилось! Только отец, участник финской войны, тихо сказал матери, что все очень серьезно. Потом началась бомбёжка... Помню, отец быстро командовал всем лечь на пол и не шевелиться. Бомбы падали все

чаще и чаще, и ночью одна из них попала к нам во двор. В нашем доме выбило все стекла, двор разворотило, другие избы были и вовсе разрушены.

— Получается, Ваше село одним из первых приняло удар на себя?

— Да, как мы узнали позже, у немцев был план разрушить мост, который проходил через реку Березину. Их командование не знало, что этого моста там уже давно нет. И лётчики активно бомбили заданный квадрат, после чего вся река осталась в ямах. Вообще бомбили здорово, и мы испытывали какое-то странное чувство: было очень страшно, но никто не верил до конца, что все это происходит по-настоящему.

— А как дальше развивались события?

— Мой старший брат ушел на фронт и погиб в первом же

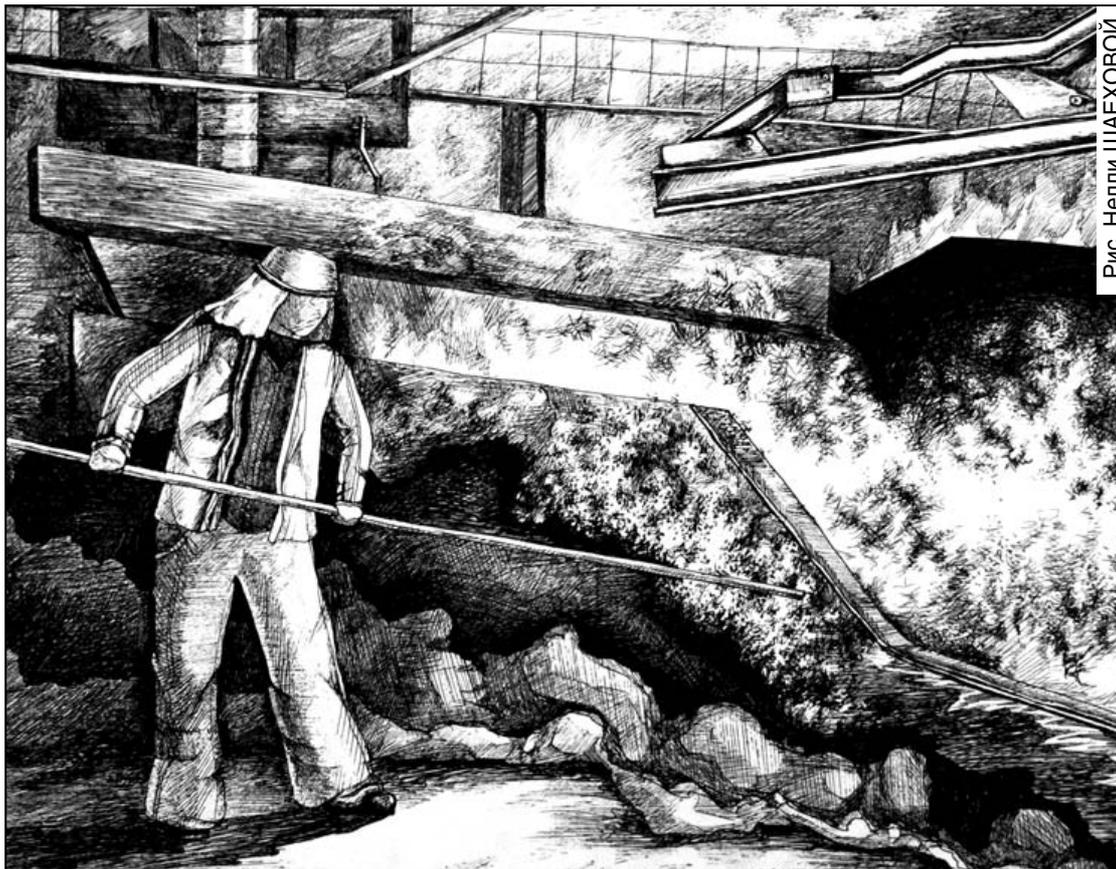


Рис. Нелли ШАХОВОЙ

бою... В Паричах остались только старики и дети, мы попали в оккупацию на три года. Ох, как там было тяжело! У нас в селе жило много евреев, и часто мы наблюдали, как их сгоняли вместе, заставляли рыть могилы... самим себе. Потом расстреливали и закапывали. Нам, детям, было особенно жутко.

В 1943 мать умерла, не выдержав такой жизни, а мы с отцом и сестрой бежали к партизанам.

Однажды, когда мы сидели в лесу, совсем близко проходили немцы. Отец немного знал немецкий и понял, что они хотели нас расстрелять, но решили пройти мимо, так как не знали, кто скрывается и в каком коли-

честве. Так мы чудом остались живы. Мы скитались по деревням, шли пешком, выдерживая холод и голод, но добрых людей в то время было много: одни пускали погреться, другие делились едой. Мы прибились к обозу, который шёл в Речицу, и в дороге нас застала бомбёжка. Очень много людей погибло тогда, а моя сестра потерялась...

Потом пришла новая беда: мы с отцом заболели тифом, и уже в Речице отец умер. Там мне удалось найти другую мою сестру, которая работала в Речице на солдатской кухне. Мы с ней узнали, что наше родное село освободили, и решили вернуться. То солдаты подвозили, то пешком шли. А когда

добрались до села, увидели, что нашего дома больше нет. Немцы разобрали его на блиндажи. Нас приютила соседка. Помогали ей, чем могли: дрова кололи, воду носили...

— **Как Вы попали в Магнитогорск?**

— В нашем и других селах набирали 900 человек, начиная с 1929 года рождения, на работу в Челябинск, на тракторный завод. Я тогда понятия не имел об Урале и таких городах, как Челябинск и Магнитогорск. Но сразу решил, что поеду, хотя по возрасту и не подходил. Добавил себе год. Так всю жизнь и прожил потом: даже не помню теперь, когда у меня на самом деле день рождения! Уже в пути мы узнали, что попадём в Магнитогорск, так как там люди нужнее.

После того, что я видел на своей малой родине, разбитой и разбомбленной, Магнитогорск показался совсем другим. Новая жизнь открылась.

— **Чем Вы стали заниматься?**

— Для меня, как и для многих других мальчишек, всё было ново, страшно и интересно одновременно. Даже не описать того, что мы тогда чувствовали! Всех устроили работать на комбинат: тех, кто покрепче, отправили на вырубку металла, кто поумнее — стали машинистами

запаса. А я был маленьким, худеньким, к тому же три класса образования, поэтому определили меня в слесаря. Закрепили за старшими рабочими. Отношение к нам было хорошее. Они объясняли, что могли, а мы набирались опыта. Хоть и война была, но мы работали по шесть часов в день, нам говорили, что мы все же дети, хоть и в такое время живём. Нас старались загрузить работой, как можно больше, чтобы быстрее могли научиться. Старички-рабо-

У нас в селе жило много евреев, и часто мы наблюдали, как их сгоняли вместе, заставляя рыть могилы... самим себе.

чие всегда говорили: «Учитесь, вам пригодится!» В основном, работа заключалась в починке мартеновских печей. После трудового дня мастер в красном уголке рассказывал о слесарной работе.

На комбинате порядки строгие, поначалу даже непривычно было! На 20 минут опоздаешь — суд: на 4 месяца лишают 25 % зарплаты. Выходных вообще не было. Благодаря жёстким рамкам, дисциплина поддерживалась хорошая.

С работы мы приходили уставшие и голодные. Но все понимали, что так надо, необходимо помогать тем, кто на

фронте. Никто даже мысли не допускал сбегать или работать спустя рукава, трудились дружно и с интересом.

Вот так я провел последние 8 месяцев войны на комбинате и стал тружеником тыла. Я не жалею, что всё сложилось именно таким образом, это дало мне огромный толчок в жизни.

— **А как обстояли дела с обучением? Вы же дети, вам образование получать нужно.**

— Как пошли на комбинат работать, нас устроили в школу ФЗО №20. Мы днём работали, а вечером учились. Школы в современном понимании, конечно, не было: один учитель передавал нам всё, что знал. Добрый был очень... Да и мы учились с большим удовольствием.

— **А из чего складывался Ваш быт?**

— Расселили нас в бараки двухсекционные, в каждой секции по 70 человек. На двухэтажных койках спали. Холод был страшный! Но ничего, терпели. Позже жилищные условия изменились, мы попали в «комфортабельные» бараки. Жили по 8 человек в комнате. Тогда стало вообще хорошо! Ребята из одного цеха жили вместе — общались, дружили, все было замечательно. Делить нечего, сами понимаете, а воровать — такого у нас не водилось никогда.

Питались в то время по талонам. Голодные были посто-

янно. Днём мастер водил нас в столовую при комбинате. Там давали скромный обед и хлеб каждому. Карточки мы получали на самом комбинате. За вредную работу на мартеновских печах выдавали по килограмму хлеба!

Как сейчас помню, самое смешное и горестное было: вечером сидели в комнате, за разговором хлеб весь съедали, потом опомнимся: «а хлеб где?!», а он уже кончился! Приходилось следующего дня ждать, чтобы поесть его снова.

— **Иван Филиппович, что Вам ещё запомнилось с тех времён?**

— Мероприятия, которые проводились на комбинате. Несмотря на войну, долгую, изматывающую, бесконечную, люди старались держаться. К праздникам молодежь готовила концерты: кто пел, кто танцевал, даже пьесы ставили. Много рабочих приходило смотреть.

Те, кто за день вымотался, не оставались, конечно: там сил только бы до дома добратся да лечь. А некоторые и рады были бы посмотреть, но смена с четырёх — на работу нужно.

— **Конец войны Вы встретили в Магнитогорске. Помните этот момент?**

— Мы безумно радовались, но осознание того, что это страшное время закончи-

лось, не приходило ещё долго. 16 мая я стал выпускником ФЗО №20, и уже через два дня приступил к полноценной работе на комбинате. После войны так и остался в Магнитогорске. Я понял, что работаю

по призванию, а возвращаться все равно было некуда...

Военные годы – самые страшные в моей жизни, но я благодарен судьбе, что попал именно сюда, и здесь сложилась моя дальнейшая жизнь.



**Виктория
АВДОНИНА**

Вечной славы огонь

*Над холодным мрамором плит
негасимый огонь горит.
Спят бойцы, партизаны спят,
только старые липы шумят,*

*Я стою в тишине у огня,
и война будто душит меня.
Будто режет и жжет, как тогда...
И летят под откос поезда.*

*И в тумане костры партизан.
И Гастелло идет на таран.
И на Буге рассвет накален,
где бессмертный стоит гарнизон.*

*Бьется пламя о камень-гранит.
И на память приходят слова:
«Ничто не забыто, никто не забыт»,
доколе Россия жива!*

Александр ЛОЗНЕВОЙ



Кузьма Лысенков



К.Ф. ЛЫСЕНКОВ

**Меня несколько раз
пытались направить
на курсы младшего
командного состава, но
комбинат не отпускал**

Великая Отечественная война – тяжелое испытание. Для меня, тогда еще юного Кузьмы, эти испытания начались раньше, с трагических событий детства, когда репрессировали отца...

Враг ни за что

Папа жил в сибирской деревне под Омском. У его семьи было большое хозяйство. Дед, предприимчивый крестьянин, купил в долг сенокосилку и конные грабли, держал скотину.

В 1919 году отец вступил в ряды Красной Армии и десять лет спустя демобилизовался в звании полковника. В деревне к тому времени начали создаваться колхозы, совхозы. Дед вступать в колхоз не хотел, и у него силой отобрали всю технику. Хочешь, не хочешь, а с новыми государственными порядками приходилось мириться.

Папа тогда завербовался в Магнитку, где в степи у горы Магнитной шло строительство металлургического завода и города. Его назначили заместителем директора по снабжению: отец обеспечивал стройку лесоматериалами.

Жили мы в одной из квартир двухэтажного дома на ДОКе (деревообрабатывающий комбинат треста «Магнитострой»). Однажды на стройке объявился деревенский пьяница и напросился в гости к отцу. Его интересовала только выпивка. Во время третьего такого визита отец не выдержал: «Денис, у меня пятеро детей, некогда пьянствовать!» Обиженный визитер пошел в милицию, которая располагалась рядом, и заявил: «Здесь живет сын кулака». По тем временам такого доноса было достаточно. Отец стал «врагом народа».

Нас погрузили на телегу и отвезли в спецпоселок «Центральный», где в бараках селили репрессированных и их семьи. Отца определили на работу в «Водоканалстрой». Там с ним произошел несчастный случай — он упал в ледяную воду и вскоре скончался от воспаления легких. А мы остались одни.

Главный экзамен

Образование у меня было семь классов, так как больше детям «врага народа» иметь не разрешалось. Я очень хотел работать на металлургическом заводе. Мечта сбылась благодаря Варваре Васильевне, которая, будучи завучем школы, хорошо знала нашу семью. Теперь она преподавала в учебно-курсовом комбинате. По просьбе моей матери Варвара Васильевна помогла мне поступить туда на обучение. Два года, как оказалось, предвоенные, я с упоением изучал профессию нагревальщика нагревательных печей прокатного производства. Мне все было интересно. Практику проходили на блюминге № 2. Приходилось непросто, так как ребята-сокурсники были гораздо старше меня, многие отслужили в армии, а мне еще 17 лет не исполнилось. Некоторые снисходительно заявляли: «Кузьма у нас будет подручным».

Но не зря я старался глубоко вникать в суть технологии производственного процесса и в цехе, и в учебном материале. Экзамены я сдал на «отлично», а вот кичливым ребятам это удалось с трудом. Я считал тогда и считаю сейчас, что к учебе и к работе надо относиться с любовью, ведь каждый день приносит какие-то, пусть маленькие,

открытия в себе и в деле, которым занимаешься.

Следующий экзамен жизненного университета принимала у нас война. Весной 1941 года, когда пускали новый блюминг №3, для укомплектования его кадрами нас перевели туда. Я уже был старшим нагревальщиком в своей смене. Военкомат несколько раз пытался направить меня на курсы младшего командного состава, но комбинат не отпускал. Так и говорили: «Мы вам кого угодно дадим, а его не трогайте».

Война внесла много изменений в режим работы, характер производства, быт. Девизом всех было «Все для фронта — все для Победы!». На нашем третьем блюминге стали катать броневой лист. Теперь все знают, что это было впервые в мире — катать на блюминге лист, да еще броневой стали. Первые листы катали в присутствии лично директора комбината Григория Ивановича Носова. Перед этим руководители на каждом участке определяли, кому доверить опытную прокатку. Что касается печей, то все решили: «Кузьме, конечно». Я умел греть, получать нужный нагрев металла с учетом его марки и состава легирующих добавок. Об этом говорит и такой факт. До начала знаменитой прокатки брони на блюминге в ЦЗЛ (центральной заводской лаборатории) дол-

жны были разработать инструкцию по режиму нагрева слитков в печах. Пришли два инженера. Я грел металл, а они описывали все мои действия, составляли график. Так родилась инструкция нагрева.

Во время войны меня в составе группы рабочих и специалистов комбината посылали в г. Кузнецк на металлургический комбинат показать, как надо правильно греть металл. Руководителем группы был Алексей Григорьевич Трифонов, начальник мартеновского цеха №2, впоследствии главный сталеплавильщик ММК.

Помню, перед отправкой нас собрали в кабинете директора комбината Г.И. Носова. В конце совещания он дал указание пошить для нас костюмы, а в качестве дорожной одежды (добирались поездом с пересадками) выдать хлопчатобумажные спецовки. В Кузнецке я находился полгода.

Забота у всех была одна — как увеличить объем производства. У нашего замечательного блюминга возможности были большие, но рост производства сдерживал недостаток печей. Как-то в Свердловске проходило совещание металлургов. Начальник мне говорит: «Кузьма, выступи. Скажи, что мы рады

бы больше дать броневых листов, но у нас недостаточно нагревательных печей, и средств на них нет». Выступил. И правда, появилась у нас 5-ая группа печей, а затем и 6-ая. Их пускала наша смена.

Всю войну работали напряженно, без выходных и отпусков. График работы был «8 через 8». Смену отработали, домой пришли, перекусили, часа четыре поспали и снова

Первые листы броневой стали катали в присутствии лично директора комбината. Перед этим определяли, кому доверить опытную прокатку. Что касается печей, все решили: «Кузьме, конечно».

на работу. А бывало, подкреплялись в буфете и в душевой на фуфайках ночевали. Было, конечно, нелегко, но не жаловались. Работали дружно.

С питанием нам помогал комбинат. Цех выделял участки земли, распахивал ее. Мы сажали картошку — основной продукт.

Жили стесненно — в комнате барака нас было шестеро (мама и пятеро детей). Мои сестренка и братишки учились, а после войны тоже стали работать. Мама трудилась бригадиром штукатуров-маляров в ремонтно-строительном цехе. Я старался помогать ей, чем

мог, отдавал все заработанные деньги. Свободного времени для каких-то развлечений (кино, танцы) у меня не было. Только работа.

Все за одного

В нашей бригаде были люди разные и по характеру, и по национальности, в основном русские и татары, в том числе со спецпоселка. Но взаимопомощь была неписанным законом для всех. Неслучайно наша 2-ая бригада всегда считалась передовой. Во время смены обедали на ходу. Пока кто-то бегал в буфет, остальные его подменяли. Обедали по талончикам — жидкий супчик, овсяная каша. Я старался, чтобы сначала поели мои подчиненные, а потом уже и сам.

Что характерно, с одной стороны мы стремились в совершенстве овладеть своей профессией, с энтузиазмом осваивали все новое, а с другой — никогда не чурались передать свой опыт другим. Ведь общее дело делаем и цель одна — Победа. Во время войны и после нее я был на всесоюзных совещаниях металлургов в Москве, обучал практическим навыкам молодежь комбината, работников Челябинского и Мариупольского металлургических заводов.

Фронту помогали не только своим трудом, но и участи-

ем в Государственных займах. Компенсации за неиспользованные отпуска тоже направлялись в Фонд Оборона. Во время войны я был комсомольцем, а в 1945-м меня приняли в партию. Тоже интересный факт — на парткоме задают вопросы. Встает А.Г. Трифонов и говорит: «Что вы задаете вопросы? Я этого ребенка хорошо знаю. Он ездил со мной в Кузнецк. Предлагаю принять». Меня приняли в партию, минуя кандидатский стаж. Сразу выдали партбилет.

Самый счастливый день — долгожданный День Победы — встретил на рабочем месте.

После войны маме дали квартиру на правом берегу Урала. Отношения со всеми у нас складывались хорошие. Меня уважали, несмотря на мою молодость. Только один меня как-то назвал «кулаком со спецпоселка».

Много интересного было после войны. В 1946 году женился. Два сына тоже стали металлургами. Сейчас подрастают правнуки.

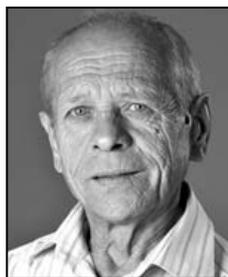
Двенадцать лет я избирался в состав горкома КПСС, дважды — в городской Совет народных депутатов. На пенсию долго не отпускали...

У нас в Магнитке во время войны тоже был фронт — трудовой. Из нашего металла ковался меч Победы, делали танки, самолеты, «Катюши» и другое во-

оружие для Красной Армии.
И я горжусь, что в достижении
Победы есть и мой вклад.

Кузьма Федорович Лысен-
ков награжден орденом Трудо-

вого Красного Знамени, меда-
лями «За трудовое отличие»,
«За трудовую доблесть», «За
доблестный труд в Великой
Отечественной войне 1941–
1945 гг.»



**Записал
Юрий
ТРУТНЕВ**

Идут сталевары на смену

*Идут сталевары на смену —
На смену уставшим идут.
Их ждут, как солдаты, наверно,
В бою подкрепления ждут.
Не всякий читатель и зритель
Способен представить подчас,
Что огненных лав повелитель
Ничуть не огромнее нас.
Он, если составить бы сводку
И среднюю цифру найти,
Имеет такую ж походку,
Как я или он, или ты.
А в старой заветной шкатулке
Надежно, у самого дна,
Хранит он — не для прогулки —
Медали и ордена.
Вот так же, как эти медали*

*Надеть лишний раз не спешит,
И гордость он прячет подале —
В заветные глубы души.
И только потом, провожая
Из цеха его насовсем,
И «жизненный путь отражая».
Расскажут знакомые всем:
И сколько он лет проработал,
И сколько он стали сварил,
И скольким Героям завода
К вершинам он путь проторил.
А он, поразмяв утром руки,
В саду, покопавшись слегка —
Средь белой бестрепетной вьюги
Все ловит призывы гудка.
Он знает, что дел еще много
До пор беззаботнейших нам...
Он просто спешит на подмогу
Уставшим своим сыновьям.*

Юрий КОСТАРЕВ



Анна Голикова



А.А. ГОЛИКОВА

**Домой мы приходили
грязные, как черти**

Наверное, каждый человек хотел бы заранее знать о том, что ожидает его в будущем, иметь уникальную возможность исправить ошибки прошлого, быть готовым столкнуться с трудностями лицом к лицу, чтобы потом с честью, достоинством и отвагой отразить нападки судьбы. Но жизнь изменчива и непредсказуема: предугадать что-либо, увы, никому из нас не под силу.

Ни сна, ни отдыха

Успев окончить всего лишь 4 класса, 14-летняя Аня Алексеева из небольшого села Урляды Верхнеуральского района навсегда забыла о детстве. Храбрая девчушка работала на износ, забывая про голод и усталость, отказывала себе буквально во всем. Теперь она с гордостью носит заслуженное звание «Труженик тыла».

— **Анна Андреевна, какую работу Вы выполняли, находясь в тылу?**

— За колхозными животными ухаживала: кормила их, на пастбище выгоняла, за сеном ездила. Помогала пожилой матери по хозяйству. На складах зерно грузила. Потом решила в

трактористки пойти, очень много там было девчат.

— **Неудивительно, ведь все трудоспособные мужчины воевали. Теперь их тяжелую работу выполняли женщины. Выбирать не приходилось. Как же Вы одна справлялись с трактором?**

— Жизнь в деревне и до этого легкой не была, трудились много, но мы никогда не жаловались. Привозила на лошади зерно со склада. Боронила. А поля-то травой засоренные! Весь мусор под бороны попадал. Пока не вычистишь — трактор не поедет. Вот я одна и поднимала тяжелые бороны (а сама худющая была!), чистила, из-под них такая пылица, аж страшно смотреть! Поэтому домой мы приходили все грязные как черти! Кабин-то в тракторах не

было. Но ничего, справлялась (смеется)!

— Как я поняла, Вы не только успевали работать для колхоза, во блага общего дела, но еще и занимались собственным хозяйством. Когда же все-таки Вы отдыхали?

— Отдыхать некогда было. Спали очень мало. Всего часа по два-три. Помню, как-то после очередной смены я так устала, что уснула прямо на дороге.

— Какой ужас! Как же так получилось?!— Работы на пашне всегда хватало, да и возвращаться обратно очень далеко, поэтому часто оставались там на ночевку. А в этот раз мне обязательно нужно было попасть

домой: мать заболела, сама корову подоить не могла, требовалась моя помощь. Бригадир не пускает меня, кричит: «Куда ты?! Дорогой ведь уснешь!» А я молодая, упрямая: «Не усну!» — говорю. Подою корову, да обратно приду. Бегу, что есть сил, но чувствую — спать хочу, буквально падаю. Решила на дороге прилечь, подремать. Наши сельские девчата в клуб пошли, на танцы. Думаю, все равно по этой дороге обратно возвращаться будут, разбудят меня. И уснула...

— Разбудили Вас подружки?

— А как же (смеется)! Так сильно визжали, я мигом проснулась. Они видят, на дороге

кто-то лежит, а разглядеть в сумерках не могут и ближе не подходят — боятся. Подумали, волк это (в то время много волков в селе было). Я от крика проснулась, они присмотрелись, сами смеются и говорят: «Нюрка, ты так на волка похожа!» А я отвечаю, что и так голодная как волк.

— Действительно, большая часть продовольствия отправлялась солдатам на фронт. Чем же вы питались?

Бегу, что есть сил, но чувствую — спать хочу, буквально падаю. Решила на дороге прилечь, подремать. Думаю, все равно девчата по этой дороге обратно возвращаться будут, разбудят меня.

— «Затируху» ели из муки. А она такая горькая! Ну, прямо полынь полынью! Ее с яйцами, соленой водой смешиваешь и ешь. Кружка молока (благо, хоть своя корова была!), ложка этой «затирухи», да сразу галопом на работу бежишь. Хлеба-то нет совсем. Летом попроще было, природа нас подкармливала: ягоды в лесу собирали. Вот так и питались.

Безвозвратные потери

— Вы задумывались о том, чтобы пойти на фронт?

— Мне и здесь работы хватало. Мать совсем старушкой



Анна Голикова

была. Родила-то она меня в 45 лет. Болела постоянно, не могла без помощи обойтись. Да и на фронт молодежь моего года рождения не брали. Мы рассчитывали только на ФЗО, чтобы потом в Магнитогорске на производстве работать. Но с ФЗО у меня ничего не вышло из-за болезни матери.

– Вы сказали, что кроме Вас некому было помочь матери по хозяйству. Кто из ваших родных отправился на войну?

– Два брата. С самого начала войны служили и оба погибли. Саша, старший, уже прошел до этого две войны, эта третьей стала, последней... Он, родной, умер в госпитале от тяжелого ранения в голову. О младшем, Грише, вообще ничего не известно. Он под городом Гродно находился, прислал только одно письмо и пропал. Никаких известий, даже похоронка не пришла. Веселый был парень, жениться собирался. Только съездил к девушке в Магнитку, посватался. Приехал домой, а там повестка. Не успел он свою семью создать... Невеста искала Гришу, куда она только не писала, все без толку. Еще три года после войны ждала его, а потом уж замуж вышла.

– Как сложилась Ваша судьба после окончания войны?

– Я тоже семью создала (кстати, он был моим учителем в начальной школе), потом на свет появились два сына. Продолжала работать в селе, на пенсию пошла, в общем, трудилась я до старости. А позже в Магнитогорск переехала, как и мечтала. В городе проще, поэтому и живу сейчас как барыня, отдыхаю (*смеется*).

Вот так просто и прозаично рассказала о своей судьбе Анна Андреевна Голикова, не видя в своей жизни ничего героического. Люди нашего поколения понимают, что их труд и борьба были подвигом. Едва ли хоть один из наших современников захотел бы оказаться в Советском Союзе времен Великой Отечественной войны и пережить то, что когда-то пережили эти сильные, смелые, самоотверженные люди, истинные патриоты, стоявшие на защите своей страны. Но представители того самого великого поколения с уверенностью и гордостью ответят, что ничего бы не поменяли в своей нелегкой судьбе.



**Любовь
МОЛОЧКО**



С подругами. Анна Голикова первая слева



Земля и война

*Земля вопила и дрожала,
Горела плоть земли в огне.
Земля по-своему рожала
Своих героев на войне.*

*И принимала их в объятия,
И прижимала к сердцу близко,
И каждому дарила платье
Из трав, цветов и обелисков...*

Любовь КАЛАШНИКОВА



Вера Никитина



В.И. НИКИТИНА
**От тяжелой работы
грубели руки, но не
грубели сердца**

На фотографии, сделанной 72 года назад, – юноши и девушки, на их лицах улыбки, в руках – букеты цветов. Окончена школа, позади – мирное детство, игры и забавы, но они еще так юны, а на дворе стоит жаркое лето.

Все они повзрослели за один день – 22 июня 1941 года, когда, вернувшись с отдыха по случаю окончания школы, узнали, что началась война...

СРЕДИ тех ребят на фотографии – Вера Ивановна Никитина. Война отняла у шестнадцатилетней девочки ее мечту. Вере не суждено было стать учителем, как она желала, и учить деревенских ребятишек грамоте, любви к Родине, всему хорошему и доброму, что есть в этом мире. Вместе с другими вчерашними девчонками и мальчишками она освоила рабочую профессию.

Вера Ивановна родилась в селе Чурилово Ивановской области 2 августа 1925 года. В семье, где росли пятеро детей, все

были при деле: родители работали, дети учились в школе, а, отучившись, спешили помочь матери и отцу. Отец уезжал на заработки в Ленинград – работал там приказчиком, торговал различной галантереей: украшениями, пуговицами, иглоками, вышивальным шелком. Заболев, он вернулся в деревню, но своего ремесла не забывал, продолжал торговать с лотка. Держали небольшое хозяйство – корову, лошадь, кур. Тихая деревенская жизнь шла своим чередом, когда однажды по деревне поползли слухи: скоро приедут из города агитаторы,



С одноклассниками. 1941 год

станут собирать все хозяйство в колхозы, и все добро будет общим. Отец Веры Ивановны был очень недоволен этими нововведениями. Он отказался вступать в колхоз, и всю семью в 1930 году насильно выселили на Урал. Новым местом жительства для переселенцев стал спецпоселок Известковый, располагавшийся под Магнитогорском, на территории нынешнего Агаповского района.

На новом месте жизнь складывалась непросто — местные жители относились к спецпереселенцам настороженно и с опаской. Вера Ивановна с горечью вспоминает: «Когда мы познакомились где-то с другими ребятами, стеснялись сказать, что мы из спецпоселка. Если

нас вызывались проводить — убегали, чтобы никто не узнал, где мы живем. Хлеб спецпереселенцам выдавали в последнюю очередь. Наших юношей не брали на фронт — только в трудовую армию. Не доверяли, боялись, как врагов советской власти.

Однако у детей спецпереселенцев была возможность получить образование. Вера Ивановна закончила в Известковом семилетку и вместе с подругами подала документы в педагогический техникум. Стоял июнь — сорок первого года. В теплые летние деньки так не хотелось сидеть дома, и ребята решили поехать в лагерь отдыха. На природе весело проводили время: играли, пели песни, купались, сделали несколько фотогра-

фий на память. Возвращались домой в прекрасном настроении — шутили, смеялись, говорили о будущем. Весть о том, что началась война, потрясла молодых людей до глубины души. О своих мечтах пришлось забыть. Веру Ивановну и ее подруг отправили в ремесленное училище. «Нам пришлось идти в педтехникум забирать документы. Там нас спросили, на какую специальность мы поступили, мы ответили — разметчицы. А что это такое мы и сами тогда не знали. Оказалось, что разметчицы — это почти то же самое, что закройщицы, только чертить нужно было не выкройки платьев и кофточек на ткани, а схемы деталей различного оборудования на листах металла».

После года и трех месяцев обучения девушек привели в котельно-ремонтный цех (позднее — цех металлоконструкций) Магнитогорского металлургического комбината им. И.В. Сталина. Вера Ивановна вспоминает: «До работы приходилось идти три километра пешком. Цех тогда еще строился, все оборудование стояло в сараях, и работать нам приходилось под открытым небом. Нам выдали форму — фуфайки, ватные брюки. Была у нас комнатка с

печкой — зимой забежали туда греться. Так длилось довольно долгое время, потом, уже после войны, стали работать в полноценном цехе».

Всем работающим в цехе металлоконструкций было по 15-16 лет, а работать приходилось по 12 часов ежедневно. Рабочая молодежь, комсомолы, и в тяжелое военное время старались радоваться жизни и верить в мирное будущее. Вечерами по выходным в цехе было многолюдно и шумно, как и в будни. Только шумели в этих стенах не станки и механизмы — играл духовой оркестр. Может,

Оказалось, что разметчицы — почти то же самое, что закройщицы, только чертят не выкройки платьев и кофточек на ткани, а схемы деталей различного оборудования на листах металла.

от тяжелой работы грубели руки, но не грубели сердца — рабочие брались за инструменты и исполняли веселые танцевальные мелодии, напоминавшие о мирной жизни. Танцплощадку размечали прямо в цехе. «По праздникам нам даже давали немного водочки, — улыбается Вера Ивановна, — и дополнительный паек. Мы тогда умели радоваться самому малому. Это и помогало нам жить и работать».



Вера Никитина в центре. 1941 год

Девушки-работницы часто ходили в госпиталь к раненым, устраивали небольшие концерты, разговаривали с солдатами. «Нашему приходу всегда были рады. Мы девчонки были бойкие, веселые и петь любили. Нам было приятно, что мы хоть чем-то можем порадовать раненых солдат», — говорит Вера Ивановна.

Пожилая женщина с болью вспоминает, как приходилось идти на работу полуголодной: «Рабочим хлеба давали в день по 800 граммов, иждивенцам — по 400. Хлеб был влажный, тяжелый, как глина. И другая еда была нехитрая.

Помню такой случай. Пришла я к маме, она налила мне супу. А что за суп был? Вода да чуток картошки. Я поела, мама спрашивает: наелась или еще налить? Я отвечаю — нет, не наелась, но супа больше не хочу».

О Победе Вера Ивановна узнала за работой. Радостную новость объявил рабочим начальник цеха. «Сколько было радости и слез, — вспоминает Вера Ивановна. — Все кричали, обнимали друг друга. Потом ходили к заводууправлению, там был митинг. Люди улыбались, все верили, что теперь преодолеем любую беду».



**Комсомольцы, рабочие цеха металлоконструкций. 1947 год.
Вера Никитина третья слева во втором ряду**

Закончилась война. Потекла мирная жизнь, по-прежнему непростая, трудовая. Вера Ивановна в 1946 году вышла замуж, родила сына, потом снова вернулась к работе. В цехе металлоконструкций ММК она трудилась до самой пенсии, проработав там 37 лет. Начинала простой работницей, закончила — бригадиром разметчиков, передовым специалистом, кавалером ордена Трудового Красного Знамени. У Веры Ивановны много медалей, почетных грамот, благодарственных писем за долготелний и добросовестный труд, за внедрение передовых методов работы. Несколько раз подряд она завоевывала звание «Победитель соцсоревнования», стала

ударником коммунистического труда.

Труд и по сей день наполняет ее жизнь. Вера Ивановна заботливо ухаживает за своим садом, выращивает овощи и фрукты. Во всем помогают сын, невестка, две внучки, есть правнучка и праправнук. «Когда работаешь, забываешь про все болячки», — улыбается Вера Ивановна, — так что пока есть силы, буду трудиться. А как же иначе? Вся моя жизнь прошла в труде».



**Дарья
КОРИНЕНКО**

– Реченька, речка
С пустым рукавом,
Кто тебя ранил?
– Война!
Прибрежные рощи
Черным багром
Вырвала с корнем
Она...

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА



Геннадий Медведев



Г.А. МЕДВЕДЕВ
**Повестку в армию
написал своей рукой**

Каждый человек вносит лепту в историю своего города и страны. Так считает Геннадий Александрович Медведев.

Человек он неординарный: великолепный рассказчик, эрудит и книголюб. Его пытливый ум жаждет все новых и новых знаний, творческая натура – вдохновения, а богатый жизненный путь – пера, чтобы передать весь опыт и знания потомкам. Участник войны, ветеран труда, ветеран Магнитки, почетный пенсионер ОАО «ММК», кандидат наук и просто хороший человек.

Мы говорили о книгах, о политике, о войне. Именно ей посвятил мой собеседник несколько собственных книг.

Мечты и самолеты

Геннадий Медведев родился 22 февраля 1925 года в поселке Краснинский Верхнеуральского района, в семье директора школы и учительницы. Семья из-за работы отца часто переезжала из села в село. А в 1938 году Медведевы поселились в Магнитогорске. «Все детство я мечтал о самолетах, — рассказывает Геннадий Александрович. — Прочитал много книг по авиации. И когда началась война, я решил, что это мой шанс».

В газете «Магнитогорский рабочий» он встретил объявление, что военкомат набирает курсантов для учебы в Свердловской спецшколе ВВС. С группой таких же мечтателей девятиклассник Медведев прошел медкомиссию, собеседование в военкомате. Документы отправили в Свердловск. Через некоторое время оттуда пришел ответ, что комплектование спецшколы завершено за счет эвакуированных. Это было сильное разочарование, ведь мечта была совсем близко...

В военные годы учиться было тяжело. Сегодня Геннадий Александрович со слезами вспоминает, как, будучи старостой, получал на каждого одноклассника в столовой по 20 граммов сахара в маленьком пакетике и по кусочку хлеба. В связи с войной программа изменилась. Старшеклассники изучали военное дело, машиноведение и полеводство. Выпускникам 1942 года не пришлось выбирать профессию. На следующее утро после выпускного вечера комсомольца и серебряного медалиста Геннадия Медведева с одноклассниками

по решению райкома комсомола отправили для учебы в Верхнеуральскую школу механизации сельского хозяйства. Им предстояло заменить механизаторов, ушедших на фронт.

Тыл как фронт

«Год я работал учетчиком в тракторной бригаде колхоза Красная звезда (недалеко от поселка Краснинский), а затем штурвальным на комбайне «Сталинец» в колхозе имени Куйбышева. Домой вернулся в ноябре с заработком: три пуда зерна, два килограмма шерсти и банка меда» — вспоминает Геннадий Александрович.

В Магнитке, хоть и опоздал к началу учебного года, он поступил на сталеплавильное отделение МГМИ (Магнитогорский горно-металлургический институт. — Прим. ред.). Новопришедшему студенту приходилось нелегко. Поначалу не давались высшая математика и начертательная геометрия, трудностей добавлял холод в аудиториях, чернильницы, чтобы не замерзали, приходилось носить

Курсантам выдали гимнастерки от раненых солдат с не отстиравшимися пятнами крови и дырками от пуль, новые ботинки, портянки и зеленые обмотки.

все время с собой. Зато преподавали профессора из Московского института стали и сплавов. И для жадного до знаний студента это было важнее холода и замерзших чернил.

Как-то горвоенком обратился к ректору МГМИ с просьбой выделить четырех студентов с хорошим почерком для работы вечером по оформлению документов на призывников в армию. Одним из них стал студент Медведев. Оказалось, что активного комсомольца, написавшего в 41-м году заявление в летнюю школу, в военкомате помнили и предложили пойти учиться в Челябинскую авиационную школу.



В самолете

Своей рукой будущий курсант написал повестку в армию. Дома мама, узнав руку сына, поначалу подумала, что это розыгрыш. Потом долго плакала, собирая его вещи.

На войне

Вместе с большой группой добровольцев Медведев прибыл в Челябинск 17 декабря 1942 года. Там курсантов повели в городскую баню, где наголо остригли, выдали гимнастерки от раненых солдат с не отстиравшимися пятнами крови и дырками от пуль, новые ботинки, портянки и зеленые

обмотки. Воротники гимнастерок были значительно больше юношеских шей, их приходилось ушивать внахлестку. После этого вид у всех курсантов был тот еще! «Кормили нас поначалу хорошо, но вскоре питания стало не хватать. Вечерами по дороге к учебному корпусу на самоподготовку командир нашего отделения Юрий Харитонов разрешал шустрым курсантам забежать в свинарник и стащить у животных несколько пластин подсолнечного жмыха. По маленькому кусочку доставалось каждому».

Курсанты изучали самолеты, конструкцию и работу

моторов Ил-2, Пе-2 и Ил-4. В 1943 году Геннадия Медведева отправили на стажировку в Смоленскую Краснознаменную авиадивизию дальнего действия. Там ему пришлось готовить к боевым вылетам Ил-4, жить в землянке на окраине аэродрома, а порой и ловить лазутчиков, которые из укрытия стреляли по взлетающим самолетам. Здесь впервые увидел пленных немецких солдат. Они отбрасывали снег деревянными лопатами от наших бомбардировщиков и старались не смотреть на русских.

22 февраля 1943 года Медведеву исполнилось 18 лет, а 23 февраля он и еще несколько молодых курсантов приняли присягу. В феврале 1944 года он стал членом ВКП(б). А в апреле учеба в военной школе авиамехаников закончилась. По всем предметам было «отлично», за что курсант получил звание «старший сержант».

Служить начал в дивизии авиации дальнего действия, дислоцировавшейся в городе Кирсанов Тамбовской области. Приходилось обслуживать машины в самых экстремальных ситуациях, после вынужденной посадки или после тяжелого полета. Бывало так, что из двух подчиненных, которые числились у Медведева, не оставалось ни одного — военное время, ничего не поделаешь. И

везде приходилось успевать самому. Задача всегда стояла одна: несмотря ни на что, вернуть машину в боевую готовность и максимально обеспечить безопасность экипажа. Порой даже приходилось учить новых пилотов. «Однажды командир отряда попросил меня как опытного механика помочь молодым пилотам во время учебного полета по кругу на американском бомбардировщике В-25. Во время разгона один из них не разобрался с управлением и взял малый разбег. Самолет летел прямо на деревья, не успевая набрать нужную высоту. Летчики растерялись. Я едва успел нажать рычаг и убрать шасси, хотя подобное было не положено делать в полете по кругу. Скорость увеличилась, мы не задели деревья. Не угробили самолет и сами не погибли».

После Победы

Война закончилась, их полк перебазировался в украинский Лебедин. Именно здесь, в Лебедине, в 1947 году Геннадий Александрович повстречал свою судьбу. Ее звали Тоня. Они познакомились на танцах. Расписались 13 января 1948 года. Вскоре у молодой пары родился сын Александр. После демобилизации Геннадия в 1953-м приехали в Магнитогорск. В этот же год родился сын Николай.

Жили у родителей в комнате на 14 квадратных метрах. Геннадий Александрович работал на ММК и одновременно учился на вечернем отделении МГМИ по специальности «обработка металлов давлением». Потом аспирантура и успешная защита диссертации с присуждением ученой степени кандидата технических наук.

Техник, инженер-исследователь прокатной лаборатории ЦЗЛ, инженер-калибровщик по листовым станам — кем только не работал Медведев. В том числе и преподавателем кафедры процессов и машин в МГТУ.

Сегодня Геннадий Александрович — пенсионер. Он по-прежнему много читает, освоил компьютер и разработал математические модели параметров холодной прокатки на всех работающих станах ММК, создал модели расчетов

для станов «5000» горячей прокатки и «2000» холодной прокатки. Особая гордость Медведева — его награды «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «Ветеран труда». За активную работу пропагандистом в СПЦ ММК он награжден настольной медалью ЦК КПСС. Среди знаков отличия и бронзовая медаль ВДНХ СССР, которую он получил за разработку документации и внедрение поставки листовой продукции, она дала большой экономический эффект и повысила точность прокатки. «Каждый человек в моем возрасте уже подводит итоги своей жизни. И если бы меня спросили: «Хотел бы ты прожить свою жизнь по другому сценарию?», я бы ответил: "Нет". Жить было трудно, но интересно. Из армии вернулся живым. О чем мечтал — все исполнилось...»



**Лидия
ГРАНИШЕВСКАЯ,**
обозреватель газеты
«Магнитогорский
рабочий»



Победные Гудки

Всем ветеранам Отечественной войны и труда

*Помню мать...Небесный зонт...И пожатие руки...
Увозили мы на фронт карталинские гудки.
Брали мы с собой кульки, горько плачущий вокзал...
Все Победные гудки мы вернули на Урал.*

Эвальд РИБ



Николай Землянский



Н.И. ЗЕМЛЯНСКИЙ

**За опоздание на работу
сестра получила пять
лет тюрьмы**

Николай Землянский родом из деревни Наталинск Чесменского района. В 1941-м двенадцатилетний мальчишка рвался помогать Родине не только в тылу. В военкомате его остановили лишь слова лейтенанта: «Все, дружок, работай. На фронт пока не пустим, вот вырастешь на 15 сантиметров, тогда и приходи!»



НИКОЛАЙ Иванович, какой была Ваша жизнь до войны?

— Ну, с чего начать? Я вообще являюсь, как сказать... сыном врага народа. В 1939-м году папу забрали и посадили в тюрьму. Это случилось после того, как Советский Союз заключил договор о поставке хлеба в Германию. У отца была язва желудка — в столовой ему давали диетическое питание. Как-то он пришел на завтрак с ночной смены, а ему вместо белого хлеба дали черный, который при язве желудка категорически запрещен. Отец возьми да скажи: «Вот с Германией договор заключили, нажрется Гитлер, и пойдет на нас войной». На другой день папа вернулся с работы, а в одиннадцать вечера за ним приехали... Мы его искали-искали, мама ходила в городской отдел и тюрьму,

справки наводила — безрезультатно. А в школе после этого со мной никто не сидел: сын врага народа, понимаете...

Нас в семье трое детей, мать глухая была, всех одна на ноги поднимала.

— Сколько Вам было, когда началась война?

— Двенадцать лет. Я учился в школе в то время, в пятом классе. В 1943 году пошел работать на комбинат токарем-операционником в седьмой токарный цех, который эвакуировали из Днепропетровска. Мы точили снаряды. Сестра вместе со мной работала, но её... посадили потом. На работу опоздала на 15 минут — получила пять лет тюрьмы. Хорошо, мы хоть знали, что она неподалеку от Магнитогорска, ходили навещать. Разрешали лишь раз в месяц увидеться. Сестра рассказывала потом,

что тюремной бригадой они и на комбинате трудились, и траншеи копали, но она в основном прачкой работала.

Когда Днепропетровск освободили, все оборудование, которое было из него эвакуировано, забрали на прежний завод. А станков у них много было: штук двести, наверное. Мне предлагали тоже уехать, но я отказался: маленький был еще. Остался здесь и перешел в основной механический цех.

— **Расскажите об условиях труда.**

— Дети работали наравне со взрослыми. Но мне нравилось. Руководители и товарищи относились ко мне с уважением, помогали. Станок почти сам все делал, от меня требовалось только пристальное внимание. Помню, девушка за соседним станком отвлеклась от работы и отрубила себе четыре пальца! Я её в больницу отвел, а потом и домой. Поразительно, что она не на боль жаловалась, а переживала, что мать свою расстроит. Лежит на кушетке в перевязочном кабинете и причитает, глядя на руку: «Милая моя мамочка, даже не знает пока, что со мной случилось».

Еще история была, связанная с производством. По реке шел лед и, чтобы крупные льди-

ны не снесли мост, их взрывали специальными «рукавами» с бомбами. Получилось так, что один такой «рукав» под мост течением откинуло. Взорвался он, и пролет моста обвалился. Люди не могли перейти через Урал: кто домой, а кто на работу. Нас поставили на казарменное положение: если в обычном режиме мы работали по 12 часов в сутки, то эти дни — по схеме 4 часа трудимся — 4 отдыхаем. Спали в нерабочем строящемся сульфатном цехе. Хорошо, что продукты

Мост обвалился, и люди не могли попасть на другой берег. Нас поставили на казарменное положение. Если в обычном режиме мы работали 12 часов через 12, то в эти дни — 4 через 4.

были, кормили нас, как обычно, — первое, второе и компот. Спустя три дня через реку перекинули пешеходный мост: люди пошли на работу, ну а мы — домой. Ночь отдохнули, и на следующий день обратно на завод. Это было самое тяжелое.

Норму выполнишь — получишь талон на кашу. Потому старались. Норма была, допустим, 8 снарядов, а если больше сделаешь — так два талона на кашу! Непросто. Но работал я от души. Вон у меня видите, сколько всего... *(Николай Иванович показывает на медали).*



Рис. Лейлы ХАТУНЦЕВОЙ

– Вы все равно еще ребенком были. Хотелось, наверное, веселья... Как проводили досуг?

– Шибко-то развлечений не было, но, помню, играли в городки, в футбол гоняли. Дети есть дети.

– А на фронт пойти не хотелось?

– Было такое. Хотел немцев бить! Пришел в местный военкомат, прошел комиссию. Но не взяли меня, и по возрасту, и по росту не подошел (*смеется*).

Лейтенант сказал: «Все, дружок, иди, работай. На фронт пока не пустим, вот вырастешь на 15 сантиметров, тогда и приходи!». Мама очень не хотела, чтобы я на войну шел. Плакала, просила одуматься.

— А из родных кто-нибудь воевал?

— Дядя Павел, брат отца. Ушел на фронт и не вернулся. Мамин брат Алексей... Писал нам много. Тоже не вернулся...

А в 1943-м из тюрьмы освободили отца. Я уже говорил вам, что мы не могли его найти. Его возвращение стало шоком, радости не было предела! Отец сразу пошел работать в

мастерскую сапожником. Люди вокруг оказались понимающие — никто пальцем не показывал, общались с ним, как и раньше.

— Николай Иванович, интересно, как Вы считаете: современное поколение хуже Вашего?

— Да нет. Просто между вами нет такой сплоченности, дружбы. Сейчас этого молодежи не хватает. Посмотришь — дерутся и обижают друг друга. В наше время было совсем по-другому. Помню, отец потерял кошелек с получкой, так ему на третий день вернули. Поэтому желаю вам больше дружбы, доброты и взаимной поддержки.



**Анастасия
БАНДУРИНА**



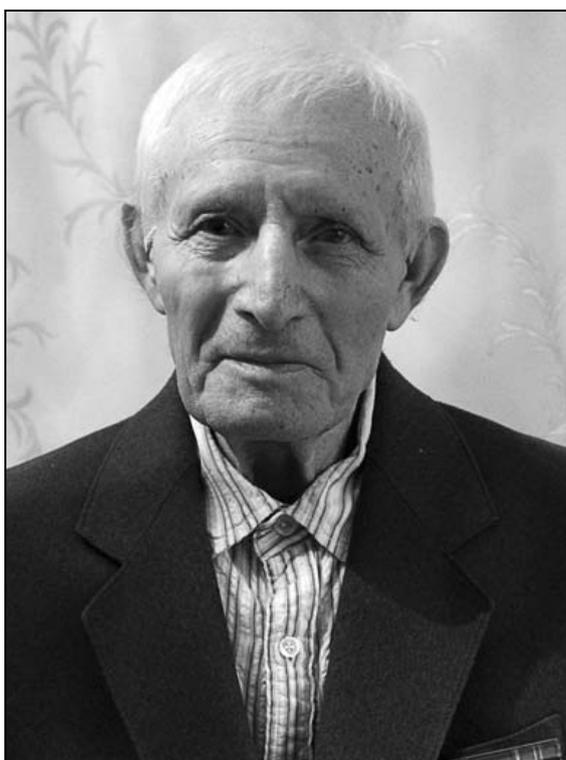
**Евдокия
ТИТАРЕНКО**



**Дарья
КАБЛОВА**

*Пусть не в меня в прямом
бою
Вонзился штык чужой огранки,
Прошли сквозь молодость мою
Года тяжелые, как танки.
За хлебом,
клеклым от бурьяна,
И над молчаньем площадей
Суровый голос Левитана...
А дети в ватничках худых,
А вдов опущенные плечи!
Нет горше будней фронтовых,
Но эти —
Вряд ли были легче...
Ты знаешь это.
Ты видал
Цеха бессонные, в которых
Из гнева плавился металл,
А слезы
превращались в порошок.*

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА



Иван Тулупов



И.М. ТУЛУПОВ

**Если случалась авария,
даже ночью, мы тут же
бежали ее устранять**

С Иваном Михайловичем об интервью я договаривалась по телефону. Переживала, что ветеран откажется или отнесется к идее с недоверием. На встречу он согласился сразу. Надо рассказать, значит, надо. И никаких гвоздей.

В НЕБОЛЬШОЙ тихой квартире Иван Михайлович первым делом подводит меня к фотографии своей супруги, которой не стало в прошлом году. Только познакомив меня с ней, Герой труда начинает свою историю.

— Когда наступила война, мы не понимали, что происходит. Были совсем мальчишками. Вот видишь, аж слеза покатилась.

Иван Михайлович Тулупов родился в 1924 году в Орловской области, войну он встретил шестнадцатилетним парнишкой. Когда немецкие войска через Тулу двинулись к Москве, всех его ровесников, таких же мальчишек с Воронежской, Тульской и Орловской областей собрали для прохождения медицинской ко-

миссии. Томительное ожидание и решение партии: везти юнцов в Украину, еще не захваченную вражескими войсками. Вот как об этом вспоминает Иван Михайлович:

— Нас погрузили в вагоны. На нары насыпали соломы, вот и вся наша постель. Солома, так солома (*улыбается*). Мы ехали и не знали, что будет дальше.

Когда мы только высадились из вагонов, глядим, по небу чиркает что-то красное. И звук: та-та-та! Мы тут же упали в пшеницу, лежим и смотрим. Позже нам объяснили, что это были трассирующие пули — немецкий самолет разведывал территорию. А мы лежали и глазели.

Нас поселили в небольшом городишке около железнодорожной станции — уже забыл,

как он называется. Там был небольшой завод, на котором делали снаряды для фронта. Мы должны были строить бараки, шалаши, землянки и работать на заводе.

Мимо нас на фронт везли пушки и танки. А с фронта нам возвращали раненых солдат.

Мне самому только однажды довелось держать в руках оружие. Это была учебная винтовка со штыком. Когда нам их выдали, прозвучала команда «Вперед!», мы побежали. Я споткнулся, винтовка воткнулась штыком в землю и качается! Насмешил, конечно, всех. Какие из нас бойцы?!

Когда немецкие войска стали двигаться в сторону Украины, всех, в том числе и Ивана Михайловича, сняли с поселения в городке и отправили на Урал, в Магнитогорск.

— Мы начали строить мартеновские печи, домны и большой военный цех. Тогда было мало техники, большую часть работы приходилось делать руками. Нас поселили в бараки рядом с заводом, и если случалась авария, даже ночью, мы тут же бежали ее устранять.

Очень забавно я выбрал свою будущую профессию. В деревне, где я жил до войны, электричества не было. И все мы,

деревенские, не знали, что это. Уже в Магнитогорске я спросил у нашего старшего, что за провода везде тянутся. Он мне объяснил, что это сила, благодаря которой здесь все работает. Чуть позже нас всех собрали и спросили, кто пойдет работать электриком. Мы притихли, смотрим по сторонам. Вперед никто не выходит. Тогда наш старший мигает мне глазом, мол, выходи. Делаю шаг вперед.

Так я стал электриком. Мы начали параллельно учиться и работать: кто, как я, на электриков, кто на столяров, в общем, нас учили на специалистов, ко-

Только высадились из вагонов, глядим, по небу чиркает что-то красное. И звук: та-та-та! Это были трассирующие пули – немецкий самолет разведывал территорию. А мы лежали и глазели.

которые были необходимы городу. Но это, конечно, было ближе к концу войны, когда стало полегче.

Потом я стал старшим электриком, даже работал в должности главного энергетика. Меня всегда посылали в ответственные командировки, доверяли важные поручения и задания. Гордо могу сказать, что своих не подвел ни разу. Мне доверяли серьезную работу, которую нельзя выполнять спустя

рукава. Иной раз, когда я возвращался из командировки, на работе спрашивали: «Как справился? Все ли хорошо?» Я отвечал: «Так позвоните туда, где работал, да спросите у них!».

Долгожданная Победа подвела черту под тяжелейшими военными годами. Теперь на повестке дня было восстановление страны. Сначала работников Магнитогорска не отпускали по домам: надо поднимать город. Но Иван Михайлович не особенно-то рвался на малую родину. Из письма оттуда он узнал, что его отец и один из братьев погибли, другой брат в Ленинграде, третий остался без ноги... Сестер переправили в Белоруссию, но туда не доходили письма, и связь с ними была потеряна.

— Война была самым сложным испытанием на прочность, как для фронта, так и для тыла. Но мы верили в Победу, верили, что Сталин не допустит победы оккупантов!

После войны мы работали умереннее, еда стала лучше. Город потихоньку строился, со временем открыли не только вечерние школы для рабочих, но и техникум. Мы, наконец, смогли выдохнуть. А все молодые, сердечки у нас заиграли *(улыбается)*.

Еще в военное время к нам привозили девчат из мест, на которые двигались вражеские

войска. В основном они рыли траншеи, поэтому мы их называли «землекопами».

Уже шел второй год после войны. Мы жили в двухэтажном доме: женщины — на первом этаже, мужчины — на втором. После работы все собирались на первом: кто-то играл на баяне, остальные плясали. Я умел играть на аккордеоне и на балалайке. Сейчас уже не играю. Аккордеон отдал, а балалайка так на шкафу и лежит, не знаю, кому подарить.

А тогда пришло время жениться. Я сразу сказал, что моей женой станет самая работящая девушка. К этому времени я уже присмотрелся к Анне. Постепенно мы с ней сблизились, на вечерах танцевали вместе. Потом я у нее спросил: «Ну что, курганская (она была из Кургана), домой поедешь или тут останешься?». Она осталась, и мы поженились.

В ЗАГСе, смотрю, перед нами мой начальник расписывается! Он удивился, что и я здесь. «Куда ты, туда и я», — так ему ответил. Мы с Анной начали жить вместе. У нас родились две дочки, а теперь уже у наших внучек свои детки подрастают.

В прошлом году не стало моей Аннушки. Правда, по ночам она меня иногда зовет, я просыпаюсь — нет никого. Думаю, сколько теперь мне самому осталось? Умерла она девя-

того мая, в день Победы. А позже в орденах мы нашли ее записку: «не плачьте обо мне и не тоскуйте, я умру девятого мая».

На стене над кроватью висят две старые фотографии. С них на нас с Иваном Михайловичем смотрят молодые лица — красавец Иван и его супруга Анна. Украдкой сравниваю завидного парня и ветерана труда. На черно-белой фотографии не видно удивительно ярких, даже не голубых, а синих глаз Ивана Михайловича. Глаза эти то смотрят вдаль, стараясь лучше разглядеть давно прошедшее время, то теплеют и задорно подмигивают фотографии жены, когда Иван Михайлович вспоминает об их молодости.

Жизнь налаживалась, многие заводили семьи. Выучившись, шли работать по специальности. Иван Михайлович стал комсомольцем, потом — членом партии. Всегда работал на совесть. У нас тогда было не принято работать в полсилы. Создавались ночные бригады,

следившие за порядком. Если где-то вдруг разбойничали, тут же бежали разбираться. На того, кто провинился писали протокол. Но только дальше его, если не было серьезной провинности, никуда не передавали. Только так, припугивали, чтобы больше не проказничали.

Теперь с его медалями играют правнуки. Они еще не понимают, что стоит за блестящими кругляшами. Каждая такая медаль — веха в жизни Ивана Михайловича. История его мужественного труда, история непростой молодости, непобедимой любви и веры в свое Отечество.

Мое дело — слушать и не перебивать. Я наблюдаю за тем, как год за годом, словно книгу, Иван Михайлович, а тогда просто Ванька, перелистывает свое прошлое, останавливаясь подробнее на одних страницах и бегло просматривая другие. Между страниц тихо шелестит время. «Так, моя дорогая, и жили».



**Дарья
ШВЕД**



Рис. Екатерины ПУЧКОВОЙ

После войны

*Еще в полях кругом ржавеют каски,
Но молодость опять берет свое,
Мы предлагаем жизни быть прекрасной
И верим в продолжительность ее.
Мы с боем шли по водам и по сушам,
И дождь хлестал нас острый, как резьба,
И мы себе заглядывали в душу,
И там не обнаружили раба.
...Однажды наступило утро мира,
И солнце показалось нам в пыли,
Как будто в отдаленье командир
Распахнутое знамя пронесли.
Опять земля, как в детстве раскрывает
Сады, чтоб листьям удивлялись мы,
Опять земля ночами расправляет
Растоптанные конницей холмы;
Опять рассвет и дождевые брызги,
И верится, что смерти больше нет,
Что мы получим полностью от жизни
Обещанных нам в детстве сотни лет.*

Михаил ЛЬВОВ



Антонина Крукович



А.Г. КРУКОВИЧ

**Мы взваливали на
плечи шпалы, чтобы
перетащить их в
нужное место**

Сегодня немногие проносят дружбу через годы. Антонина Гавриловна Крукович поддерживала отношения с работниками цеха до последних дней их жизни. Они ходили друг к другу в гости с подарками, пили чай, общались. Им было что вспомнить, над чем посмеяться, о чем помолчать...

— А

НТОНИНА Гавриловна, когда Вы приехали в Магнитогорск?

— Вообще я родилась в Тамбовской области, в деревне с красивым названием Благовещенская, в 1922 году. А в Магнитогорск приехала в восемнадцать лет к тете. Она меня привела в заводоуправление, где мне предложили работать на железнодорожных путях. Я согласилась, хоть и предупреждали — работа сложная. Устроилась путейщицей: ремонтировала железнодорожные пути к мартену № 3. Наша задача — как можно скорей и качественней устранять аварии или неполадки на железной дороге. Техники тогда не было, делали все сами.

Даже взваливали на плечи шпалы, чтобы перетащить их в нужное место. Приехали как-то ко мне в гости девчонки, увидели меня всю грязную, уставшую, в мазуте, и по приезду сказали моей маме: «Забирайте оттуда Тоню!» Прислала мама записку с обращением к начальнику, чтобы домой меня отпустил, но... он отказал... Я плакала, сильно, переживала, но разве есть выбор? Работать некому, пришлось остаться. Труд совсем неженский, и бригадиры это прекрасно понимали, говорили все: «Женщин заменим, мужчины работать будут, потерпите». Но мы продолжали вкалывать... Мужчин было немного, в основном старшие бригадиры и несколько рабочих, но все же

лучше, чем никого.

— **Что Вы можете сказать о людях, с которыми работали?**

— В основном в бригаде трудились девушки разного возраста. И младше меня года на 3-4, и те, у кого за спиной уже было 10 классов образования. Я стала старшим бригадиром, поэтому учила всех тому, что знала и умела сама. Мы всегда помогали друг другу. Бывало, шпалу берешь, подходишь к скатам (самодельное сооружение из бревен, которое ставили на насыпь, чтобы было проще поднимать рельсы и шпалы), и сразу человека 3-4 подтягиваются помогать. Всегда работали сообща. Состав бригады постоянно менялся, кто-то не выдерживал таких физических нагрузок. Многим морально было тяжело. Переучивались на другие профессии, на мартен шли работать, кирпичи таскать — это все легче, чем шпалы... Мне тоже предлагали работу попроще — сварщицей, но я продержалась три дня и вернулась опять к родным рельсам: глаза болели от сварки.

— **Случались на работе опасные для жизни моменты?**

— Да... Было всякое... Помню, ремонтировала пути с новой бригадой, обучала их. Вдруг слышу сзади гул, шум. Оборачиваюсь, а на меня на всей скорости мчится паровоз и гудит! Все разбежались кто куда. Я то-

же быстро среагировала и отпрыгнула в сторону. Сердце чуть не выскочило из груди, долго не могла прийти в себя, настолько было страшно.

Еще помню, как на моих глазах умерла работница, которая переводила стрелки для поездов. Сбило ее поездом, до здравпункта не донесли...

Был еще случай: проезжала машина по переезду через рельсы, где ничего не было огорожено, ну и сшиб эту машину состав... Четыре человека в машине ехали: троих ребят насмерть, а девушка выпрыгнуть успела, Бог отвел! До сих пор живая, наверно, Тоня, ровесница моя.

— **По какому графику вы трудились? Вам давали отпуска?**

— Работали мы по шесть дней в неделю, нам давали один выходной. На обед ходили в час дня, но когда случались аварии, нужно было менять рельсы или шпалы, работали, не покладая рук, иногда даже оставались на ночь. Бывало, выезжаешь на аварию, а там лопнул рельс, вот и возишься с ним до самого утра. Сил мало было. А что делать? Надо, значит, надо.

Отпуска давали, недели две. Я подрабатывала в столовой, когда был выходной или отпуск. Иногда выходила в ночную смену, часа на четыре: жарила котлеты, омлеты, чистила картошку, мыла посуду — и заработок дополнительный, и сытая бы-

ла всегда. Продовольственного пайка не хватало, приходилось как-то выкручиваться. Дома есть нечего было, жевали шкурки от картошки. Помню, в гости ко мне соседка зашла, а у меня на столе талончик на паек лежал. После ее ухода пропал! А скандалить что толку? Все равно ж ничего не докажешь. Так на ее совести и осталось.

— А где Вы жили? В каких условиях?

— В бараке с тетей. Потом она съехала, и я в комнатухе одна осталась. Комнатка маленькая, но все же отдельная: место для сна да печка, еще, может, столик небольшой влезет. Чтобы печку топить, уголь таскали с вагонов или иногда для этого привозили старые шпалы.

Соседей много было: кто семьями жил, парами, с детьми, кто родителей с собой привозил. С соседями общалась, они, бывало, уедут, а я за комнаткой их присмотрю.

— Кто принес Вам известие о Победе?

— Радио и газеты были нам мало доступны, их слушали и читали мастера и старшие бригадиры, которые потом нам рассказывали последние новости. О победе мы узнали от них. Сначала даже не поверили! Это, конечно, неопишемая радость.

Но трудиться продолжали по-прежнему вовсю. Только по питанию чувствовалось, что война, наконец, закончилась. Нам по талонам стали давать булочки с кусочком маргарина. Такая роскошь! Маргаринчиком булочку намажешь и ммм... вкусоностища!

— Вам через такое пришлось пройти! Несмотря ни на какие рассказы, это очень тяжело представить. Что вызывает у Вас особую гордость?

Помню, отремонтировала пути с новой бригадой, обучала их. Вдруг слышу сзади гул, шум. Оборачиваюсь, а на меня на всей скорости мчится паровоз!

— У меня не так уж много наград, но я ими горжусь. Храню грамоты и медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За выслугу лет и безупречную работу в черной металлургии», «За долголетний добросовестный труд» (на комбинате я проработала 38 лет!).

Но больше всего я горжусь своей семьей. Ради нее я жила и трудилась в то нелегкое время! Нас у родителей было восемь. Сейчас в живых остались только я и брат. В бараке я познакомилась с будущим мужем, Анатолием Ефимовичем, он в Магнитогорск из Белоруссии приехал.

Когда поженились, нам дали квартирку на улице Куйбышева, туда же я перевезла из деревни свою племянницу. В городе она доучилась и вышла замуж.

Своих детей у меня двое, сын и дочь, пятеро внуков и уже семьро правнуков! Так что я счастливая мать, бабушка и прабабушка!



**Виктория
ДЯДЕНКО**

*Июнь. Далекый 41-й год.
Великая война в стране идет.
Не только фронт тогда
В военных сводках был.
Ковал победу и советский тыл.
Трудились в селах люди на земле,
Весною бороны таская на себе.
Чтоб сытым в бой советский шел солдат,
Последнее отдать был каждый рад.
В цехах заводов, фабрик, у станков
Стояли по четырнадцать часов.
И собирали новый самолет,
И танк с конвейера шел прямо на фронт.
И чтоб голодных им не видеть глаз,
Несли паек детишкам каждый раз.
А сами, туже затянув ремень,
Работали в две смены: ночь и день.
Так труженики тыла в ту войну
Кормили, одевали всю страну.
И я хочу, чтоб подвиг трудовой
Был равен нашей славе боевой.*

Ксения КОШКИНА



Владимир Осадчий



В.П. ОСАДЧИЙ

**По поселку ходили
женщины с банными
тазами и колотушками,
и целый день гремели
в честь победы**

Бодрый и решительный мужской голос в трубке меня порадовал: «Приходите в любое время, побеседуем. Если нужно, встречу вас на остановке». При встрече на вопросы о здоровье и самочувствии он все в той же решительной манере ответил: «Не жалуясь. Каждое утро по 40 минут делаю зарядку, отжимаюсь по 50 раз. всю жизнь был спортсменом, и сейчас стараюсь не заржаветь». Такие слова редко услышишь из уст молодого человека, а от пожилого и вовсе. А ведь герою моего рассказа Владимиру Петровичу Осадчому 87 лет.

ВЛАДИМИР Осадчий родился 29 июня 1927 года в городе Кустанае, куда его отец перевез семью из Украины. Построили односкатную хатенку, в которой кое-как ютилась большая семья с восьмерыми детьми. Жили очень бедно, голодно. Владимир Петрович вспоминает:

— Иногда, мамина сестра из Троицка присылала нам посылки с продуктами — они с мужем жили в достатке. В ящике были дырочки для проветривания. Однажды открываем коробку, а оттуда тараканы как побегут! Вот и наелись!

Отец, Петр Филиппович, мечтал построить для семьи большой добротный дом, даже купил сруб. Но исполнить задуманное не успел: в 1934 году он умер от тяжелой болезни.

В 1941 году, когда началась война, Володе было четырнадцать.

— Помню, как Молотов выступал по радио и сказал: «Наше дело правое, мы победим». Я тогда пацаном был, мало что понимал, но мне запомнилась эта фраза, я часто повторял ее потом про себя. Так оно и вышло: немцы свое получили, мы победили.



Рис. Влады ВАХРУШЕВОЙ

В начале сентября 1941 года семью вновь постигло несчастье: умерла мама, Юлия Аполлоновна. Владимир Петрович с грустью вспоминает о матери, давшей жизнь четверым сыновьям и четырем дочерям и так рано умершей:

— Мама была добрым, светлым человеком, и верующим. Бывало, заберемся с ней на печку, и она читает мне вслух Евангелие. Не знаю, что я тогда, мальчишкой, понимал, но веру в Бога мама мне внушила на всю жизнь.

В осиротевшей семье все дети рано начали работать. Брат Федор к началу войны уже трудился на МТС (машинно-тракторной станции) токарем, позднее стал старшим механиком, потом директором МТС. Четырнадцатилетний Володя стремился научиться у брата всем премудростям слесарного дела: правильно заточивать резцы, обрабатывать детали, следить, чтобы станок работал как часы. Все схватывал на лету, трудился охотно, а рабочие руки на МТС очень были нужны! Они ремонтировали всю сельхозтехнику — тракторы, комбайны. Фронту требовался хлеб.

В 1943 году Владимир приехал в Магнитогорск и поступил

в ремесленное училище, чтобы получить специальность слесаря. Учащихся сразу отправили на комбинат.

— Я стал работать на мостовом кране в ОМЦ (основном механическом цехе), ничего толком не умел: что бригадир говорил, то я и делал. Там было пыльно, страшно, жарко. Цех громадный — полтора километра длиной и полкилометра шириной, и повсюду станки. Позже меня перевели в спецмастерскую, где делали 16-метровые бронированные башни для танков.

Я стал работать на мостовом кране в основном механическом цехе. Там пыльно, страшно, жарко! Цех громадный — полтора километра длиной и полкилометра шириной, и повсюду станки...

Эти башни отправляли на Ленинградский фронт. Трудно поверить, что на производстве таких тяжелых и мощных машин были заняты мальчишки, которым было по 15-16 лет! Работали вначале по 8 часов, потом по 12. Владимир Петрович о тяжелых условиях труда в военные годы вспоминает неохотно:

— Терпели, а что было делать? Так нужно. Бывало, закончим в пять утра смену, а столовая открывается только

в 8. Прямо в душевой на полу поспим маленько, погуляем на улице, поедим — и опять за работу. Хорошо, если давали небольшой отпуск: тогда ехал отдыхать в Кустанай. Там родственники держали коров, кур, можно было наесться досыта.

В 1943 году брат прислал письмо из Кустаная: «Володька, приезжай, ты там голодаешь, а мы здесь имеем по корове». Владимир поехал к семье, снова стал трудиться на МТС. В ту пору ему шел семнадцатый год, и юноша рвался на фронт — в сельской местности в армию призывали в 17 лет. В 1944 году пришла повестка. Владимира призывали в морфлот.

— Я обрадовался, даже тельняшку себе раздобыл, но меня бронировали. Сказали, что я нужен здесь, на производстве. Потому что солдаты без хлеба воевать не могут.

В горячую пору весенней посевной у станка стояли по 16 часов, ремонтировали сельхозоборудование. Позднее брат предложил пойти в УВСПР 17 — Управление военно-строительных работ. Там Владимир работал начальником стройплощадки, руководил строительством домов для военных летчиков, которые проходили в Кустанае обучение.

О долгожданной победе узнали по радио — у брата был приемник, сделанный соб-

ственными руками. С его помощью и получали все новости. Весть о победе разнеслась быстро. По поселку ходили женщины с банными тазами и колодушками и целый день гремели в честь победы. Все радовались, но больше всех радовались именно женщины — сколько им пришлось вытерпеть! У многих мужа погибли или вернулись инвалидами. Работа была непосильная, не каждый мужик выдержит. Но все вытерпели они!

Послевоенные годы были не легче военных: нужно восстанавливать страну, налаживать мирную жизнь. Только в 1948 году Владимиру Петровичу удалось заняться продолжением своего образования, он поступил в техникум. В 1951 году техникум расформировали по нескольким городам, и доучиваться пришлось уже в Минске. Он с теплотой вспоминает этот период своей жизни:

— За время учебы довелось встретиться с очень интересными людьми. Белорусы вообще народ отличный — доброжелательный, музыкальный. Директор нашего техникума, Семенов, в войну был командиром партизанского отряда, много рассказывал о войне.

Техникум Владимир Петрович окончил в 1952 году, получив квалификацию «техник-строитель, мастер производства». Вернув-



За работой у станка «Рекорд»



Конференция ВЛКСМ. 1946 год

шись в Магнитогорск, получил приглашение работать преподавателем в ФЗУ (Фабрично-заводское училище) № 3. Так началась его преподавательская деятельность. Более 40 лет Владимир Осадчий обучал студентов городских училищ строительному, столярному, плотницкому делу, передавал свой богатый опыт, полученный на производстве. В 1995 году вышел на пенсию в возрасте 65 лет.

У него двое детей, трое внуков. Жена ушла из жизни рано. Много лет она проработала на горно-обогатительной фабрике, тяжелая работа по-

дорвала здоровье. Каждый год Владимир Петрович бывает в поселке Садчиковка Кустанайской области, где похоронены его родственники. Долгая жизнь, полная потерь и трудностей, не легла на его плечи тяжким грузом — бодрости и оптимизму Владимира Петровича можно по-хорошему позавидовать. Нет..., не позавидовать, а с уважением склонить голову — и перед этим человеком, и перед всем военным поколением, прожившим нелегкую трудовую жизнь с уверенностью в том, что трудятся они за правое дело.



**Дарья
КОРИНЕНКО**

Баллада об уральском танке

*Снаряды грызли землю Сталинграда.
Вскипала Волга. Мертвый плыл паром.
Горбатый, грязный, как исчадь ада,
Немецкий танк поднялся над бугром.
Он пол-Европы траками пометил,
Броней сметал он все перед собой.
И вот стоит у Волги на рассвете,
От выбоин и вмятин весь рябой.
Еще мгновенье — и на этом танке
Опустят люк. Рванется танк, дрожа.
Начнут полосовать его болванки
Тяжелое железо блиндажа.
Еще мгновенье...
Но в раскатах грома,
Стоявшая в укрытье до сих пор,
Рванулась из-за рухнувшего дома
Уральская машина на бугор.*

*Они сцепились, будто в рукопашной,
Сшибая бронированные лбы.
И замерли заклиненные башни.
И оба танка встали на дыбы.
...Мы шли вперед знакомыми местами,
Оставив на высоком берегу
Машину с опаленными крестами,
С оборванными траками в снегу.
А рядом с нами медленно и грозно,
Весь в ранах и рубцах, без тягача,
Шел танк уральский по земле морозной,
Магнитогорской сталью грохоча.
В пути спросил один солдат другого:
— Ты, кажется, с Урала, побратим?
И руку он потряс ему без слова.
И все без слов понятно было им.*

Марк ГРОССМАН



Александра Винс



А.В. ВИНС

**Я разозлилась и
в сердцах порвала
газету, а там был
портрет Сталина...**

Наверное, трудно найти человека, у которого не было бы мечты. Героиня этой истории – не исключение. Бойкий характер Александры Винс помог ей не только преодолеть жизненные трудности, но и сделать реальностью детскую мечту.

– А ЛЕКСАНДРА Васильевна, Вы коренная жительница Магнитогорска?

– Нет, я родилась в 1922 году. Тогда города еще не существовало. Мы с семьей жили в Северном Казахстане, в деревне Старобеловка. В Магнитку переехали, когда мне исполнилось девять лет.

– А почему Вы покинули Старобеловку?

– Отца, Василия Григорьевича Ткачева, как грамотного, активного коммуниста, в 1930 году от райкома отправили на строительство Магнитогорска. Он считается одним из первостроителей города. Мама с нами, пятью ребятами, переехала сюда на год позже.

Перед отъездом отца заверили, что семью без присмотра не оставят, помогут. Но вскоре началось раскулачивание: большевики посчитали, раз в семье имеются кадушки с солениями, значит, здесь живут кулаки. У нас отняли все. И мы остались зимой практически без еды, дети чуть не умерли с голоду.

Накануне 8 марта 1931 года станционный женсовет выдал нам железнодорожные билеты. Когда мы добрались до Магнитогорска, отец сначала маму не узнал! Так она постарела за это время от голода и переживаний.

Условия на новом месте были не сахар. Поначалу мы жили в палатке, но все равно

были рады, что оказались здесь, рядом с папой.

– **Кем Вы работали во время войны?**

– В 1941-м я окончила педагогическое училище. Когда директор во время распределения спросил, где я хочу работать, ответила: «Там, где горы и тайга». Мне сказали, что нужны учителя в поселки Бурятии.

Я вдохновилась: «А там горы есть?!». Мне сказали, что и горы есть, и тайга, и вода ключевая... «Да. Это мое!» – ответила я.

– **И Вы поехали?**

– Конечно!

После окончания педучилища всех выпускников отправили строить узкоколейную железную дорогу в Магнитогорске, на ММК. Месяц мы поработали, а потом директор приходит и говорит: «Ну что, Шур, не передумала? Поедешь?». Я твердо сказала, что поеду. В скором времени меня и еще пять молодых, восемнадцатилетних, учителей направили работать в Бурятию. Всех распределили по разным поселковым школам. Я оказалась в Гуджирке, где располагались вольфрамовые прииски. Когда я только приехала в поселок, испытала такое восхищение! Это была воплощенная мечта! Все в точности, как

я хотела. Перед глазами – тайга, настоящая тайга! Ключевая вода течет из большого родника, который пробурили прямо в горе. А кедровые деревья видны из окон школы...

Нарушители

– **Вам было тяжело работать?**

– Почти всех мужчин забрали на фронт. Поэтому работали мы в две смены: в первой половине дня занимались с начальными классами, а во второй – преподавали старшим ма-

Перед глазами была тайга. Настоящая тайга! Ключевая вода текла из большого родника, который пробурили прямо в горе. А кедровые деревья виднелись из окон школы...

тематику, химию, русский язык и историю. Ни отдохнуть, ни скучать было некогда. С понедельника по субботу мы в школе, в воскресенье – едем с учениками на лесозаготовки. Мы пилили деревья, обрубали ветви и складывали бревна в штабеля. Также трудились на вольфрамовом прииске.

Там работало много осужденных за уголовные и политические преступления. Последним давали минимум десять лет заключения. Помню, отбывали наказание артисты столич-

ного театра. Они играли спектакль в Москве, и что-то там Берия усмотрел контрреволюционное. Всех восьмерых осудили на десять лет и отправили сюда. Так, вместо театральных подмоштов они день за днем добывали вольфрам.

Он необходим для производства стали, так как повышает ее прочность. Рабочие добывали черную породу, а мы в лотках промывали руду. Вода выплескивалась, а тяжелый вольфрам оставался на дне.

— Получается, выходной протекал у Вас тяжелее всего... Александра Васильевна, а тайга, о которой Вы так мечтали...?

— После занятий, по осени, ходили с учащимися в лес за кедровыми орехами. Многие ребята были одного со мной возраста, потому что в поселке три года старших классов вообще не существовало. Вот и представьте, молодые учительницы, я да моя подруга Женя, а вместе с нами такие же парни и девочки — ученики. Нам доверяют ребят, а, по сути, они сами нас водят, места показывают. Девятиклассник Коля Аканин особенно любил эти походы. Бывало, подшучивал: «Давайте завтра заниматься не будем, лучше сразу в лес за орехами!» А орехи добывали так: мальчишки брали большие деревянные колотушки, стучали ими по стволам, кедровые шишки падали

на землю, и мы с девочками их в мешки собирали. Аканин настучит колотушкой орехов и подзадоривает: «Ну, Александра Васильевна, собирайте!».

Однажды, после очередного похода в лес, пришел к нам с Женей знакомый офицер-пограничник, крайне обеспокоенный. Подруга моя спросила, в чем дело, а он ответил, что целый отряд нарушителей перешел сегодня границу. Мы с Женей переглянулись и поняли, что это же мы за орехами ходили. Офицер строго-настрого запретил нам ходить по этой тропе.

Я удивилась: ведь там не было столба с черными полосами, какие, как я думала, стоят на границе. Он усмехнулся и сказал,

что это же граница с Монголией! Здесь нет никакой пограничной полосы, просто тропа. После этого наши следы замели, и мы больше в ту сторону не ходили.

Конфликт

— Мне кажется, Вы всегда стремились к какой-то активной деятельности. А учиться любили?

— Ещё бы! Как-то одна моя коллега невзначай сказала, что ей уже завтра на сессию ехать! Я выяснила, что она учится заочно в Педагогическом институте. Узнав такую новость, я напрямик к директору: «Реше-



**Коллектив школы №27. Фото сделано 8 июня 1945 года.
Александра Винс в верхнем ряду в центре**

но! Еду поступать в институт, в Улан-Удэ!» И поехала. Нас, человек 20 абитуриентов, разместили в общежитии, в комнате размером со школьный класс. Днями и ночами готовились, а по утрам сдавали экзамены. В нашей школе в Гуджирке не хватало биолога, и я решила выучиться на него. Надо было сдать ботанику и зоологию. Пожалуй, самым неприятным оказалось вскрытие лягушки. Но мне повезло. Моя напарница сказала: «Шур, давай я разрежу, а ты все посмотришь и запишешь». Так, сообща, мы одолели зоологию. С ботаникой все было гораздо проще, и, в конце концов, я поступила. Но рабо-

чее место пришлось поменять. Меня направили в другой поселок Бурятии – Городок.

– Там легко освоились?

– Завуч школы в Городке отличался очень тяжелым характером. Постоянно придирался. Он тоже преподавал историю, но сам знал предмет из рук вон плохо. Однажды, понаблюдав за тем, как я веду урок, он со злостью спросил меня: откуда это я взяла князя такого, Ивана Третьего? Я за словом в карман не полезла и ответила, что из книг и посоветовала внимательнее читать. Его это очень разозлило.

После этого я пошла в библиотеку, взяла книгу и по-

казала ему параграф, в котором рассказывалось об Иване Третьем. Тут уж он пообещал мне все это припомнить!

С тех пор завуч меня не взлюбил. И другим учителям говорил, что посадит меня в тюрьму. Я только отшучивалась: «Не удастся!» Но однажды, когда мы выпускали стенгазету на военную тему, он раскритиковал содержание. Я разозлилась и в сердцах порвала газету, а на ней был портрет Сталина! Завучу того и надо было. Подруга Надя попробовала за меня вступить, он накричал на нее: «Сейчас же замолчи! И ты вместе с Магниткой, — так он меня называл, — сядешь!» Собрал обрывки и напрямиком в прокуратуру.

Через некоторое время меня и Надю вызвали в суд. Мы, не ожидая ничего хорошего, стали собираться: взяли с собой бурки, а предусмотрительная Надя еще и фуфайку прихватила. Нас посадили в маленькую комнатку под арест и двух солдат приставили. К счастью, главный судья из Улан-Удэ, наш знакомый, был в Городке с комиссией. Увидел

меня и спрашивает удивленно: «А чего вы, Александра Васильевна, здесь делаете?!» Я объяснила. «Я же говорил: не связывайтесь с завучем! А вы опять за свое!»

В конце концов, ему удалось устроить дело в нашу пользу. Мы вернулись в Городок, но вскоре Надя уехала к себе на родину, в освобожденную от немцев Украину, а я в Магнитогорск.

— Чем Вы стали заниматься в Магнитогорске?

— Могла пойти работать учителем, но не захотела. Отец помог устроиться бухгалтером в трест «Магнитострой». Правда, через восемь месяцев меня вызвали в Гороно и сделали выговор, что не работаю по специальности. С того момента возобновилась моя учительская карьера и продолжилась до самой пенсии — в четырех школах Магнитогорска. До ребят я всегда пыталась донести мысль, что нужно страстно любить жизнь, даже несмотря на то, что она простой не бывает. И не бояться воплощать мечты, ведь за нас с вами этого никто не сделает.



**Екатерина
РЕПЬЁВА**

Война

*В классе очень холодно,
На перо дышу,
Опускаю голову
И пишу, пишу.*

*Первое склонение —
Женский род на «а»,
Сразу, без сомнения,
Вывожу — «война».*

*Что всего существенней
Нынче для страны?
В надежде родительном:
Нет — чего?— «войны».*

*А за словом воющим —
Мама умерла...
И далекий бой еще,
Чтобы я жила.*

*Шлю «войне» проклятия,
Помню лишь «войну»...
Может, для примера мне
Выбрать «тишину»?*

*Но «войною» меряем
Нынче жизнь и смерть,
Получу «отлично» я —
Это тоже месть...*

*О «войне» тот горестный,
Гордый тот урок,
И его запомнила
Я на вечный срок.*

Людмила МИЛАНИЧ



Илья Костенко



И.Я. КОСТЕНКО

**Меня всегда тянуло
на работу**

«Я тебя сам расстреляю! Сиди смирно». После этих слов начальника надежда попасть на фронт у Ильи Костенко пропала. Оставшись в тылу, он продолжил работать на коксохимическом производстве слесарем.



И ЛЬЯ Яковлевич, как Вы узнали о начале войны?

— Каждые выходные в город приезжали машины и вывозили нас с коллегами на природу. 22 июня мы отдыхали на горе Мохнатая, гоняли мяч. В самый разгар игры к нам приехал один из сотрудников комбината и сообщил, что началась война. Узнав об этом, мы все незамедлительно отправились в военкомат. Удивления не было, о начале войны все догадывались, но никто не мог предположить, когда именно это случится.

— **У всех было желание попасть на фронт?**

— Да! Тогда ведь мы верили, что врага будем бить на чужой территории и в момент сокрушим. Но никого из нас

на фронт не взяли: мы имели бронь как работники комбината основных профессий. Спустя месяц я сделал еще одну попытку: удалось доехать до Троицка, но меня высадили с поезда и отправили обратно в Магнитогорск. Я не имел права покидать комбинат, то есть свою работу. Там меня в очередной раз встретил мой начальник. С недовольством и злостью в глазах он сказал: «Я тебя сам расстреляю! Сиди смирно».

— **Трудно давалась работа в тылу?**

— Да, непросто. Я занимался ремонтом оборудования коксовыталькивателя и загрузочных вагонов. От коксовой батареи шла невыносимая жара, там было очень грязно, но, в целом, моя работа ме-

ня устраивала. Не было такого, чтобы не хотелось идти на производство. Меня всегда туда тянуло. Уставал, конечно, но со временем привык и физически, и морально. Трудились мы с восьми часов утра до восьми вечера, а иногда и больше. У меня как такового плана не было: где что сломается, чиню, причем в любое время дня и ночи. А ломалось на комбинате все достаточно часто. Смена кончится — мне независимо от этого приходит-

друга. Сблизила нас, как сейчас говорят, дискотека. Во время войны в свои редкие выходные молодежь иногда ходила в клуб на танцы. А мы с ней оба это дело любили! Скажу честно, я сам себе шил тапочки, в которых потом отплясывал.

Вот так потанцевали вместе один, другой раз и начали встречаться. Дружили три года, а потом сыграли свадьбу. Это было в 1944-м. Уже больше семидесяти лет вместе и не жалуемся.

Никого из нас на фронт не взяли: мы имели бронь как работники комбината основных профессий. Спустя месяц я сделал еще одну попытку: удалось доехать до Троицка, но меня высадили с поезда и отправили обратно в Магнитогорск.

— Ничего себе!

Она тоже работала на комбинате?

— Да, в энергобюро контролером. А мать моя мать днями и ночами вкалывала на стройке. Застать ее дома было практически невоз-

можно. Женщины дома не сидели.

можно. Женщины дома не сидели.

Со временем меня повысили, я стал бригадиром слесарей. Помню, на работу добирался на машине «рублевка» — называли мы ее так, потому что проезд стоил всего один рубль. На ней можно было доехать с правого берега на левый берег.

— Два Ваших брата воевали на фронте. О чем они писали семье?

— Во время войны на первом месте у всех была работа. А личная жизнь?

— На моей памяти осталось лишь письмо старшего брата Василия, в котором он выразил всё свое настроение песней Бернеса «Темная ночь». Спустя некоторое время на него пришла похоронка. Василий был таким жизнерадостным человеком! И настоящим патриотом. Он работал до войны на комбинате, тоже имел бронь,

— Я дружил с девушкой. Познакомились мы с ней еще в школе, но сначала общались очень мало, не замечали друг

но умудрился сбежать и попасть на фронт. Как он это сделал, не знаю. Однако недолго пришлось воевать: погиб под Воронежем в 1942-м.

– **Все разговоры о том, что мы будем бить врага на чужой территории, свелись к жестокой бойне в наших родных городах и селах. Как Вы тогда относились к Сталину? Винили или оправдывали?**

– Он всегда был для нас иконой и примером для подражания. Мы все на него молились. Пусть он был не во всем прав и, порой, поступал жестоко, но не стоит забывать, что за победу в Великой Отечествен-

ной войне в огромной степени мы обязаны ему.

– **Вы верили в победу, когда наши отступали?**

– Никаких сомнений не было. Нашу страну нельзя победить! Эта мысль «кипела» в нашей крови. Все мои коллеги думали точно так же, тут и обсуждать было нечего.

Девятого мая 1945 года по радио передали, что наступил долгожданный День Победы, и весь город вышел на улицу! Ни одного человека не было дома. Это был великий праздник: все радовались, обнимались, целовались... А значит, мои любимые братья погибли не зря...



**Олеся
МАТЮК**



**Александра
БОГДАНОВА**

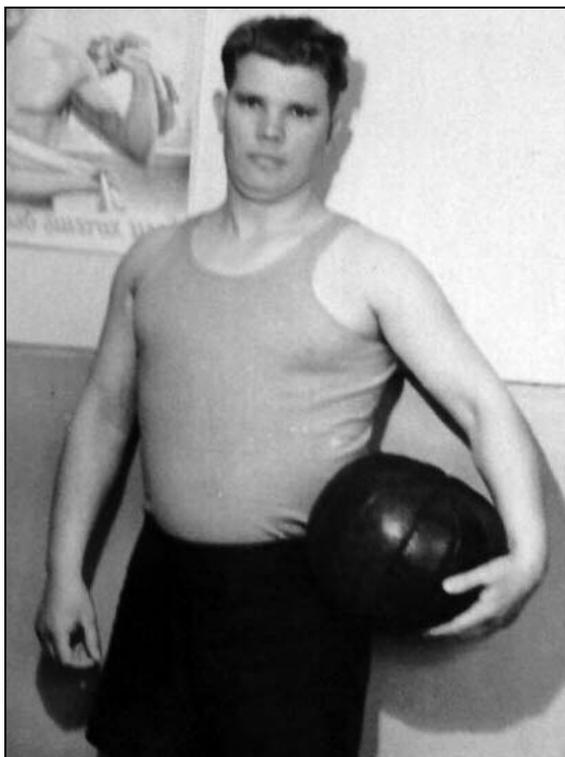


Ветерану

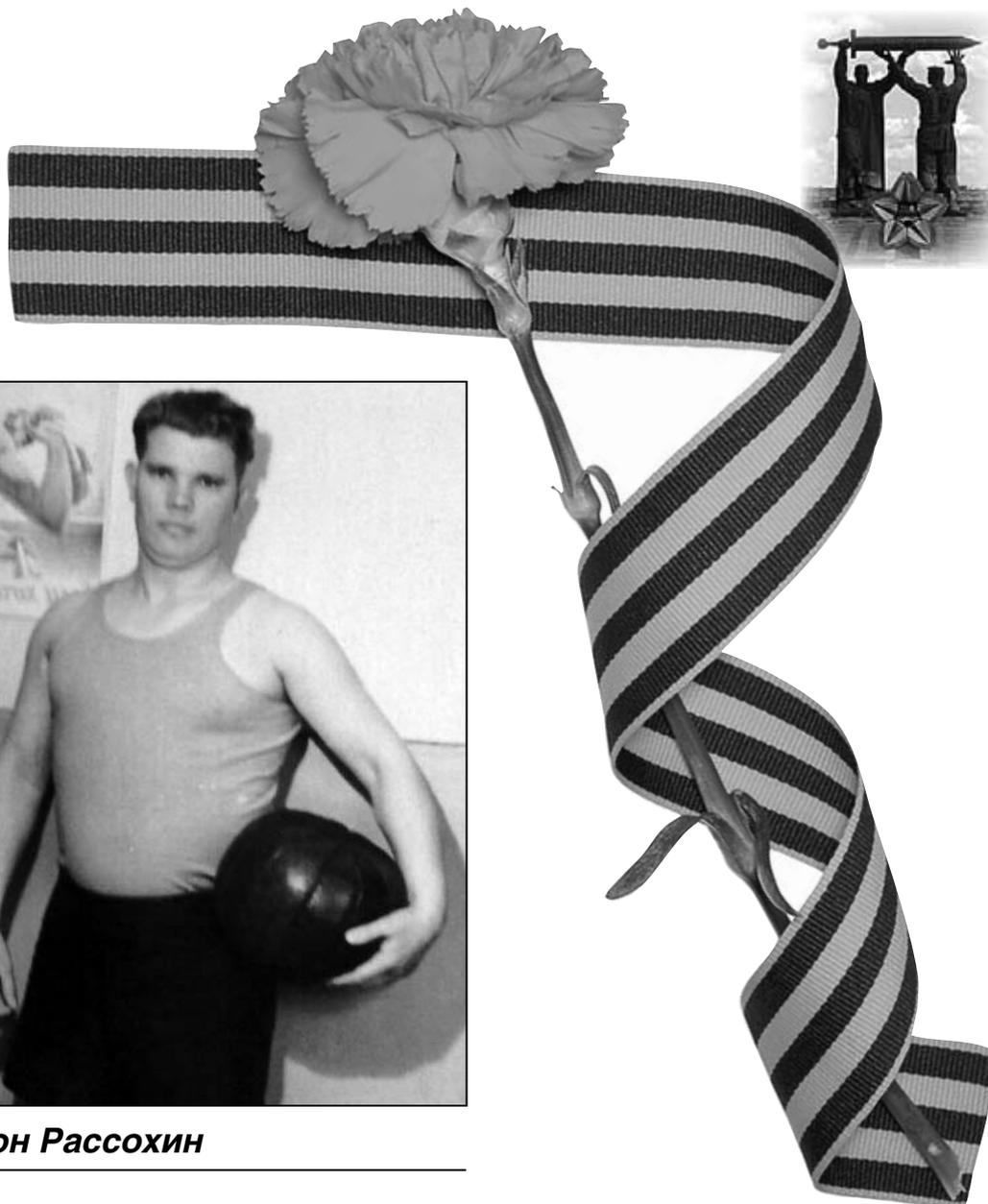
*Лицо я вижу – слеза скупая
В морщинках спряталась...
И горько мне вдвойне —
Что мало их уже осталось
И мало знаем о той войне...*

Вера БЕЛАЯ





Антон Рассохин



А.Т. РАССОХИН

**В тридцатиградусный
мороз мы месили и
таскали бетон**

Живет в Магнитогорске ветеран труда Антон Терентьевич Рассохин. В силу обстоятельств мы не смогли узнать о жизни этого удивительного человека из первых уст. Его дочь Елена Антоновна рассказала о том, какой след война оставила в судьбе отца.

АНТОН Терентьевич родом из деревни Шуравино Курганской области. Мать Евдокия, отец Терентий и трое детей: Антон, Степанида и Николай, были очень крепкой и дружной семьей, прошедшей через многие потрясения: голод 30-х, репрессии, войну...

Именно войне посвящены самые горькие страницы судьбы Антона. Только представьте: 15-летних мальчишек буквально ловили за руки, отрывали от родных и отправляли в незнакомые места на работы. Так шуравинские ребята оказались в Магнитогорске, в знаменитом тресте «Магнитострой». Поначалу безумно хотелось до-

мой к семьям. Босые, в ноябре, они даже пытались сбежать.

Засыпая поздним вечером в неотапливаемых бараках, мальчишки прижимались друг к другу, чтобы хоть как-то со-

Бетон заливали в специальные емкости на колесах. Чтобы везти их по сходням было легче, ребята к этим емкостям привязали проволоку с петлями и накинули прямо на шею.

греться. А на утро, открыв глаза, видели такую картину: справа мертвый, слева мертвый...

Кому удавалось выжить, работали по 12 часов без выходных. В тридцати градусный мороз ребята месили и таскали бетон. Как-то ночью они разгружали 12 машин. Бетон, от

200 до 500 кг, заливали в специальные емкости на колесах под названием «стерлинги». Чтобы было легче везти их по сходням (под углом в 45 градусов), ребята к этим емкостям привязали проволоку с петлями и накинули прямо на шеи. Проволока буквально впилась Антону в кожу, как раз в то место, где был чирей. Под давлением фурункула лопнул, но все оставшееся время, несмотря на дикую боль, подросток продолжал работать.

После этого мальчишек отвели в столовую, где каждому дали суточную норму хлеба и тарелку щей. Конечно, щами это трудно было назвать: в воде с опарышами плавала одна капуста. Делать нечего: кто-то процедил воду и отправил содержимое в рот, а кто-то побрезговал и остался голодным...

Что такое счастье

Если вас спросят о счастливом событии, которое когда-либо происходило с вами, вы закроете глаза и начнете представлять то, от чего захочется улыбаться. Один вспомнит незабываемое путешествие, другой — первый поцелуй, третий — рождение ребенка. А если говорить о самом светлом моменте во время войны? Можете себе представить, каким он был бы для вас? Наверное, нашим ро-



С дочерью

весникам это покажется непонятным и странным, но Антон Терентьевич чувствовал себя счастливым, когда в 1943 году они за полгода построили шестую домну на Магнитогорском металлургическом Комбинате, флагмане металлургии страны (хотя планировали построить за год)!

После войны Антон познакомился с будущей женой. Его друг Иламан Караманов ухаживал за красавицей Прасковьей. На свидание она взяла с собой подругу Клавдию, и Иламан пришел не один. Так Клава и Антон впервые увиделись. Она сразу ему понравилась: умная, красивая, непохожая на других... Зимой сыграли свадьбу.

Гуляли скромно: молодая семья Рассохиных и несколько друзей просто собрались после работы за «праздничным» столом, на котором были лишь капуста с картошкой.

Особая гордость

Антон Терентьевич всегда трудился честно, не украл ни одного гвоздя. Наград у него очень много, но больше всего он гордится медалью ВДНХ. Ведь получил ее за строительство 600-тонных и 900-тонных мартеновских печей на ММК!

Рассохин нашел себя не только в работе: с 1945 года активный парень пел в хоре у известного музыканта Василия Филипповича Лекарчука.

Пришел Антон к Лекарчуку не то чтобы осознанно, а как у нас частенько бывает — за компанию. Так случайно и раскрылся его вокальный талант. Сильный голос поражал многих. В репертуаре были в основном военные песни. Но как они звучали из уст тех, кто эту войну пережил!

Какой бы необычной и значимой ни была жизнь фронтовиков и тружеников тыла, они не всегда могут поделиться воспоминаниями. Но рассказать о них могут другие. И интерес, который мы проявляем к этим незаурядным судьбам, справедливо укрепляет героев в вере: «Значит, я действительно жил правильно, значит, я могу собой гордиться!»



**Анастасия
СЕРОВА**



**Анна
АНТОНОВА**

Угланы

*Мальчишеских игр атаманы,
Герои девчоночьих снов...
Вы были и, правда, угланы,
Подростки военных годов.
Худы,
Угловаты,
Глазасты,
В пятнадцать непризнанных лет
Досыта вы ели нечасто,
Утрами вставали чуть свет.
В гремучих цехах на Урале,
У жарких печей,
За станком,
Отцам вы своим помогали
В смертельной их битве
С врагом.
Усталые руки худые,
В ожогах,
В железной пыли.
И чубчики ваши
Седые
От вьюг этой гордой земли.
Хватило вам трудного дела
С лихвою! —
Тогда и потом.
Война ваши судьбы задела
И врезалась
Острым углом.*

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Из исследовательской работы Владислава Скокова «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд»:

Шел суровый 1943 год – время перелома на фронтах войны. Главным военным объектом в Магнитогорске стала строящаяся шестая домна. Она была намного совершенней своей предшественницы. Весь строительный цикл гиганта занял лишь 5-6 месяцев. За это время ребята из Трудовых резервов переработали для пуска шестой домны 200 тысяч кубометров земли, смонтировали 6 тысяч тонн металлоконструкций, заложили 1600 кубометров бетона и 6 тысяч тонн огнеупорных изделий, поставили 100 тысяч заклепок, произвели 25 тысяч метров электросварочных работ. Начинало работы 20 бригад в июне, к концу года их стало 150, и все они завоевали право называться фронтовыми.

Комсорг Домностроя Роза Инкина вспоминала: «Устраивали субботники, воскресники. До сих пор стоит в ушах топот по настилам десятков ребячьих ног, обутых в парусиновые ботинки на деревянной подошве. Это резервные ударные комсомольские отряды из РУ и школ ФЗО пришли к нам на помощь».

Газета «Комсомольская правда» 25 декабря 1943 года писала: «Сегодня вступила в строй действующих 6-я комсомольская домна – крупное сооружение военного времени... 1700 тонн чугуна будет она ежедневно давать Родине. А это 340 танков, или тысячи орудий, или миллионы снарядов. Можно сказать, что пуск 6-й домны без преувеличения равносителен серьезной победе на фронте».

Руководитель страны И.В. Сталин по случаю пуска домны №6 прислал приветственную телеграмму:

«Горячо приветствую и поздравляю строителей и металлургов-магнитогорцев с большой производственной победой.

В трудных военных условиях магнитогорцы в небывало короткий срок построили и ввели в действие крупнейшую доменную печь.

Родина и наша славная Красная Армия никогда не забудут самоотверженной работы магнитогорцев в деле непрерывного наращивания производственных мощностей и снабжения военной промышленности металлом.

Выражаю твердую уверенность, что вы и впредь своим героическим трудом, напряжением всех своих сил обеспечите дальнейший подъем производства металла для окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Желаю вам, товарищи магнитогорцы, дальнейших успехов в вашей работе».



Алексей Мельников



А.Ф. МЕЛЬНИКОВ

**Броню на бронзу
не меняю**

Мельниковым – на русский манер – Алексей Федорович стал уже в Магнитке: писарь нечаянно прибавил буквы, когда колхозных пацанов оформляли в ремесленное.

В СЕМЬЕ-ТО у них все Мельники. После смерти матери, пришлось в суде доказывать, что они родня. Благо, соседи Мельниковых хорошо знают семью: Алексей Федорович с Екатериной Николаевной – люди открытые, инициативные – на виду. Это в последнее время Екатерина Николаевна немного сдала: несколько месяцев не выходит из дому. А муж, несмотря на приближение восьмидесяти трех, участвует во всех коллективных домовых делах: потребовать ли от управляющей компании освободить дворовую территорию от несанкционированной стоянки, рассадить в палисаднике цветник – он в первых рядах. Правда, и на нем возраст сказывается: по утрам

сначала надо поймать равновесие. Кажется, еще недавно с рюкзаком за картошкой в гараж за телецентром и обратно пешком ходил. «Полчаса каких-нибудь – и на месте. А теперь за час не доплетусь». Полсотни лет занимались садом – но уже третий год, как пришлось его продать, а на балконе до сих пор запасы не съеденного варенья.

Но они с женой бодрости не теряют. «Говорить-то еще можем, – смеется Екатерина Николаевна. – Язык в рабочем состоянии». Это шутка: дома-то порядок поддерживают – свежо, ни пылинки. И Галина – младшая сестра Алексея Федоровича – помогает. И дочка ее с семьей, у Мельниковых своих детей нет, так что Лариса у них одна дочь на две семьи

росла, в детстве даже собиралась «забрать свой паспорт и переехать к дяде с тетей». Теперь вот и внук на обе семьи общий, и правнучка. Все это наперебой сообщают не только сами супруги Мельниковы, но и Галина Федоровна, и активисты комитета территориального общественного самоуправления, и помощники депутата округа, пожаловавшие к ним в гости по случаю Дня Героев Отечества. Почему именно к Мельниковым? Да потому, что Алексей Федорович – Герой Социалистического Труда.

Многих своих наград он давно не видел: хранятся в музее. Ордена оставил, но к приходу гостей прикрепил на лацкан только Звезду Героя. У нее долгая история. До войны родительская семья Алексея Федоровича переехала от голода с Полтавщины в Кизильский район.

– Кто знал, что скоро война? Только закрепились, пожить по-человечески не успели, – сетует наш собеседник.

Отец ушел на фронт, а двенадцатилетнего Алексея с ровесником-односельчанином по повестке отправили в челябинское ремесленное. А много ли у мальчишек в жизни радо-

сти было – только семья. И от нее оторвали. Когда стали выдавать фуфайки, рассудили, что если бежать, то лучше не дожидаясь выдачи, иначе получится воровство. Вернулись в колхоз. Председатель – один мужик на все село, инвалид, без пальцев, увидев их, вздохнул: «Отправляйтесь на заимку, подальше от глаз. Может, забудут про вас». Некоторое время ребята пасли скот, заготовливали сено, а потом председатель прислал за

Раскислители сами носили на носилках. Да еще – по молодости азарт играл – надо их наполнять на сто кило, а они давай на двести. «Хватало сил», – сам удивляется Алексей Федорович.

ними: «Беда, из прокуратуры на вас запрос» – и отправил в Магнитку в тринадцатое ремесленное. Спас от тюрьмы. К тому же, Магнитка – не Челябинск, всего в семидесяти километрах от родного села. Летом можно пешком дойти. Он и ходил, как и остальные пацаны, по меркам того времени – близко.

– Обидно, что в середине девяностых таких, как я, учившихся в ремесленном в годы войны, лишили звания тружеников тыла, – сокрушается Алексей Федорович. – Дескать, учеба – не работа. А что мы с

утра четыре часа учились, после обеда на мартене работали, на завтра — наоборот, летом с училищем в село на посевную, сенокосы, уборочную — это учитывают?

Они тогда не сетовали, что много работали: потрудишься — хоть покормят. Что такое голодная смерть, они уже знали: двое младших детей в семье Мельников угасли от недоедания, холода и плохих условий жизни. Четырнадцатилетний подручный сталевара Алексей Мельников, как и его товарищи, с мартена после смены порой даже не уходил: пока доберешься в ба­рак на трамвайной подножке — через несколько часов уже обратно. А если прикорнешь прямо в теплой душевой — дольше поспишь. Еще, бывает, и кусок хлеба дополнительно перепадет. Алексей Федорович помнит своих старших коллег — прославленных Мухамеда Зинурова, Владимира Захарова, Ивана Семенова. У него мастером был Егор Степанов, на соседней печи мастером — Дмитрий Жуков. Помнит он и руководителя комбината Григория Носова, и тогда еще начальника цеха Феодосия Воронова — помнит даже его деревянную кобуру с оружием. Мельников застал время, когда варили броню: начинают на основной печи, потом доводят на других. Всех инструментов — кувалда, лом

да лопата. Раскислители сами носили на носилках. Да еще — по молодости азарт играл — надо их наполнять на сто кило, а они давай на двести. «Хватало сил», — сам удивляется Алексей Федорович.

Со временем Алексей Мельников стал мастером: в подчинении смена трех печей — двенадцать человек. И помимо рабочих забот, на мастере — ответственность за настроение в команде: убедить руководителей в необходимости награждения или премии, дать рекомендацию хорошему работнику, чтобы быстрее продвигался в очереди на жилье.

В партии Алексей Федорович с пятидесятых. В семидесятые несколько лет работал на металлургическом предприятии в Индии. Вот это был опыт! Екатерина Николаевна до того даже на поезде далеко не уезжала, а тут шесть часов на самолете — и совсем другие обы­чайи, образ жизни, способ хозяйствования. Алексей Федорович до сих пор помнит, как сложно было работать в сложных климатических условиях чужой страны. Объездил он немало родственных предприятий по всему Союзу, где металлургическое производство включалось в соцсоревнование. Негласное соревнование за сокращение простоев и производственные результаты было у него даже с

лучшим другом – тоже Героем Социалистического Труда Иваном Дмитриевым.

– А помимо работы как дружили, – тужит Алексей Федорович по покойным товарищам Ивану Дмитриеву и Кузьме Герасимову.

Уже на пенсии они с Дмитриевым восемь лет работали

мастерами в тринадцатом училище, которое сами когда-то окончили. Использовали свой авторитет на пользу училищу – например, чтобы добиться окончания строительства бассейна. Он так привык: легких путей не искать, а где зацепился – там и сгодился. Свою броню на бронзу не меняет.



**Алла
КАНЬШИНА,**
корреспондент
газеты
«Магнитогор-
ский металл»

*Урал... Урал... Заводы... Шахты... Горы...
Страной железа видишься ты мне.
Твои сыны, литейщики, шахтеры,
Себя как дома чувствуют в огне.
С рождения металлом окруженный,
Уралец – прирожденный металлист,
А значит, он и воин прирожденный,
И слесарь прирожденный, и танкист.
В пороховой окутываясь запах,
Идет на запад наших танков вал.
И сам Урал придвинулся на запад,
Придвинул пушки к западу Урал.*

Михаил ЛЬВОВ

Из исследовательской работы Владислава Скокова «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд»:

Подростки, как и взрослые, работали героически, не жалея себя, но их силы были на исходе: изнурительный труд, плохое питание подрывали здоровье. Несмотря на контроль медицинской службы и требования проводить санобработку учащихся через каждые пять дней, приказом №70 от 03.04.1943 года в школе ФЗО №28 был объявлен карантин в связи с эпидемической обстановкой.

Учащиеся осознавали важность своего труда для фронта. В самом разгаре было соревнование между группами. Они брали обязательства и боялись их не выполнить. Как же нужно было желать приближения Победы, чувствовать важность своего труда, чтобы обратиться с просьбой к администрации прервать карантин и отправить на работу! Это обращение можно назвать подвигом в тылу. Такова история появления приказа №81 по школе ФЗО №28 от 13.04.1943 г.:

«Учитывая свои задачи в области производственного обучения и горячее желание учащихся выйти на производство, школа обратилась с письмом к старшему госсанинспектору Магнитогорска с просьбой вывести учащихся на работу и обучение...»

Работая на пределе возможного, учащиеся выполнили поставленные перед ними производственные задачи. Разрешив прервать карантин, администрация ввела строгую систему контроля состояния их здоровья и максимального сокращения их общения с окружающими. Трудно понять, откуда ребята брали силы для работы.

Лишь с 1944 года, согласно постановлению правительства страны от 5 марта 1944 г. №229 «О предоставлении в военное время подросткам моложе 16 лет еженедельного дня отдыха и отпусков», учебные заведения трудовых резервов ввели еженедельный выходной. Учащимся моложе 16 лет на втором году обучения стал предоставляться отпуск в 12 рабочих дней.



Нина Рыжова



Н.И. РЫЖОВА

**Мы прижались друг
к другу, пошевелиться
боимся от страха,
а бомба летит прямо
на нас**

История жизни Нины Ивановны Рыжовой на первый взгляд ничем не выделяется среди множества историй других людей, переживших войну. О тяжелых условиях труда в военные годы она говорит как о чем-то само собой разумеющемся: «Да, было тяжело, а как же иначе?» Но в ее рассказе как будто эхом звучат голоса множества людей, отражаются тысячи судеб детей войны.

НИНА Ивановна родилась в селе Верховье Калужской области. В семье было трое детей, мать — инвалид, едва сводили концы с концами. Отец, осужденный по политической статье, сидел в лагерях. С каждым годом маме становилось все труднее содержать детей, и, когда Нине исполнилось пятнадцать, она устроила девочку в интернат в городе Обнинске, который находился в нескольких километрах от Верховья.

Началась война. Осенью линия фронта приблизилась к калужской земле. Многих детей забрали из интерната родственники, а за Ниной мать приехать не успела. Оставшихся в интер-

нате детей вместе с воспитателями спешно посадили в товарный поезд и повезли в Москву.

На пути в столицу состав несколько раз попадал под бомбежку. Немецкие самолеты появлялись неожиданно и кружили, как коршуны. Очевидно, летчики раздумывали, стоит ли тратить боеприпасы на такую скудную добычу — товарный состав из трех вагонов. Заслышав приближение самолета, машинист останавливал поезд, и дети вместе с учителями бежали в лес и там пережидали бомбежку. «Не знаю, как мы тогда остались целы, и поезд наш не пострадал, — говорит Нина Ивановна. — Один раз смерть совсем близко подошла. Пока-



Нина Рыжова (слева) с подругами

зался немецкий самолет, машинист стал тормозить, а вокруг — степь, лес далеко, бежать некуда. Мы все прижались друг к другу, пошевелиться боимся от страха, а вокруг взрывы. И вот видим — летит бомба прямо на нас. Упала возле вагона и... не взорвалась. Это было чудо. Так и добрались мы до Москвы невредимы».

Из столицы беженцев отправили в Курганскую область, в село Макарово Шадринского района. Там возле разрушенной церкви в домике для служителей размещался детский дом. Под руководством воспитателя ребята ухаживали за огородом, делали уборку и другие дела по хозяйству. В детдоме Нина Ивановна прожила два года, закончила шестой и седьмой классы, была принята в комсомол.

В 1943 году в райцентр Шадринск пришел запрос из Магнитогорска — требовалось восемь человек в эвакуированный из Солнечногорска ткацкий цех. На Урал отправили группу детдомовских ребят, среди которых была и Нина Ивановна. Их определили в ФЗУ (фабрично-заводское училище) на специальность «металлоткач».

«Когда мы оказались в Магнитке, радовались, что здесь спокойно и нас не бомбят — ведь, сколько бомбежек

мы пережили! А потом уже думали, как выжить в тяжелых военных условиях, как не умереть с голоду» — говорит Нина Ивановна. Шел 1943 год. Люди в тылу рабочие специальности осваивали быстро. В ФЗУ Нина Ивановна отучилась всего месяц, после чего поступила на завод имени Лепсе в металлоткацкий цех. Станки разместили в бывшем гараже, и там было очень холодно из-за постоянных сквозняков. В цеху изготавливали из металлической проволоки

На комбинате вели какие-то работы, и с той стороны приносило дым, насыщенный серой. Выйдешь из цеха отдохнуть, а дышать нечем, дым застревает в горле.

сетку по военным заказам.

«Нам всем было по 15-16 лет, — вспоминает Нина Ивановна, — поэтому к нам было снисхождение, работали по 6-8 часов в сутки. Нам выдавали спецовки: ватные брюки, фуфайки. Придем, бывало, после смены в свой барак, достанем хлеб, который от обеда остался, водичкой разбавим и похлебаем еще. И даже не снимали с себя спецовки, так и ложились спать. Одно время приходилось особенно тяжело: на комбинате вели какие-то работы, и с той стороны приносило дым, насыщенный серой. Выйдешь из це-

ха отдохнуть, а дышать нечем, дым застревает в горле».

Ближе к концу войны рабочих расселили в барак с отдельными комнатами. По словам Нины Ивановны, как бы тяжело ни приходилось в военные годы, жили все очень дружно, держались друг за друга, делились тем немногим, что было. Ходили в гости, в кино, на стадион и в парк танцевать. Все делали сообща — и работали, и отдыхали. Вместе встретили и долгожданную Победу.

Учителя из интерната, в котором воспитывалась Нина, вернулись в родное село сразу после того, как его освободили от немцев. Из писем Нина узнала, что ее мама вместе с другими беженцами оказалась в Москве, а потом также вернулась в Верховье. Отец, попав после лагерей на фронт, наконец, приехал домой. В 1946-м, получив долгожданный отпуск, она съездила навестить родных.

Через два года, в 1948-м, Нина вышла замуж. Муж Валентин был машинистом тепловоза на комбинате. С рождением сына работу молодой матери пришлось временно оставить — тогда давали всего 42 дня отпуска по уходу за ребенком, а доверить маленького сына было некому.

В будущем Нине Ивановне приходилось работать и по специальности — металлоткачем на метизно-металлургическом за-

воде, и грузчиком-шлаковальщиком подвижного состава, а позднее — уборщицей в горно-металлургическом институте. Муж ушел из жизни рано, двоих сыновей пришлось поднимать на ноги самой. На пенсию Нина Ивановна вышла в 1981 году по состоянию здоровья.

«Бог дал мне долгую жизнь — не знаю, как мне удалось дожить до 86 лет, — улыбается Нина Ивановна, — но раз мне так суждено, пусть жизнь продолжится».

Я держу в руках медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», заслуженную Ниной Ивановной. Небольшая, почти невесомая вещь помещается на ладони. Но какой самоотверженный труд стоит за этой наградой! Труд шестнадцатилетней девчонки, вырванной войной из родных мест, пережившей бомбежки, голод и холод, чтобы внести свой вклад в общую Победу. Чтобы прожить долгую трудовую жизнь, вырастить детей. Чтобы дожить до наших дней и рассказать нам свою историю — возможно, чем-то похожую на тысячи других, но все же особенную.



**Дарья
КОРИНЕНКО**

В году военном

*Вдали от синих гор Урала,
В руках, сжимая автомат,
Спокойно смотрит с пьедестала
От солнца бронзовый солдат.
Он дышит вольным ветром жизни,
Над ним не кружит воронье.
Не клялся он в любви к Отчизне —
Он просто умер за нее.*

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА



Александра Жердева



А.А. ЖЕРДЕВА

**Я отучилась пять
классов, но вела все
подсчеты за бригадира**

Шура Ключина родилась в 1928 году в поселке Старая Магнитка. Уже через год начнется строительство металлургического комбината, и у горы Магнитной будет развиваться город Магнитогорск. А когда наступит война, он превратится в настоящую опору для фронта.

Сейчас Александра Александровна Жердева – ветеран труда, награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В декабре этого года труженице тыла исполнится 85 лет. А тогда, в начале войны, ей было пятнадцать, она работала на износ в гончарном цехе, где бригада всего из шести человек обеспечивала посудой столовые города и комбината.

— А ЛЕКСАНДРА Александровна, когда началась война, Вы были еще школьницей?

— Да, училась в пятом классе, правда школу так и не окончила.

Мама с папой в колхозе трудились. Еще у меня были две старшие сестры, одна из них уже работала. В 1942 году у нас умер отец.

Мы жили в небольшом поселке Старая Магнитка, а папина сестра на левом берегу. Мосты через Урал еще не построили: летом переправлялись на лодках, а зимой по льду ходили. И вот папа к сестре отправился, лед оказался крепким...

Но он провалился. Выбраться удалось самостоятельно, только пока папа добрался до сестры, замерз. Спасти его не смогли. Две недели с воспалением легких пролежал в больнице, и 7 февраля его не стало. Остались мы без отца: мама да три девчонки.

Мы помогали маме в колхозе: занимались прополкой ржи и пшеницы в полях.

— У Вас столько наград за работу на комбинате, а ведь она была очень тяжелой. Почему Вы не пошли, как мама, работать в колхоз?

— Ну, что в колхозе? Знаете, там же денег не было, расплачивались пшеницей.



Рис. Алии ВАЛЕЕВОЙ

Пшеница только и была, ничего другого не сажали. Огурцы потом выращивали, я помню немного, что мы их ели.

Старшая сестра поначалу в детском саду при колхозе работала няней, ей тоже не платили, все трудоднями.

У нас дом был прямо рядом с Уралом, а там гора неподалеку. Утром встанешь, соберешь заячьей капусты, нарежешь с луком, зальешь молоком и ешь. Корова была, куда без нее? Ну, конечно, участок около дома был небольшой. Мы картошку сажали. А еще потом помидоры появились, когда наша средняя

сестра на курсы агрономов пошла при больнице. Она там занималась посадкой овощей. Тогда только мы и увидели красные помидоры, а то раньше и не видали никогда их спелыми, одни зеленые...

– Свой огород – это хорошо. А в магазинах по карточкам что выдавали?

– Ой, у нас в поселке во время войны такая история была. Тогда все, не только мы, рыбу магазинную, которую по карточкам выдавали, выбрасывали. Хорошо, что река рядом – Урал, свежую рыбу сами ловили. А в магазины привозили кам-

балу соленую. Так мы ее есть боялись: желтая, сухая и пахла бензином каким-то. Несмотря на то, что все-таки не особо хорошо жили, эту камбалу никто не ел, все выбрасывали. Зато остальные продукты были на вес золота. Хлеб по карточкам выдавали: 200 граммов иждивенцам, полкило рабочим.

— Значит, хоть и хозяйство свое было, пропитания все же не хватало, и Вы пошли работать?

— Да, и мне пришлось тоже пойти работать, чтобы прокормиться. У нас в Старой Магнитке был гончарный цех от артели «Энергия», и в мае 1943 года, я пятнадцатилетней девочкой туда устроилась. Делали там раньше кринки для молока, горшки, лотки для теста, а когда война началась, перешли на посуду: глиняные чашки и стаканы. Много эвакуированных людей тогда приехало. Из-за этого в столовых посуды не стало хватать, хоть поселок был небольшой. Бригадир наша была не особо грамотная, ну а я все-таки пять классов отучилась! Она попросила меня вместо нее работать, и все подсчеты стала вести я.

— А сколько человек с Вами в цехе работало?

— Шестеро. В нашей бригаде было пять женщин и один старичок — мастер. Работали по 7-8 часов с девяти утра. Уходили все вместе, гончарку закрыва-

ли, и — домой. Мы там не только посуду делали, но и наборы для чернильниц. В общем, много было дел.

Сначала, когда устроилась, я глину месила, а потом еще и на гончарном круге немного работала. Чтобы изготовить, например, несколько чашек, надо было столько всего сделать! Все вручную. Глину привезут, мы ее замочим в большом ящике на ночь, а утром в комки скатываем и прямо на полу ногами растаптываем. Потом уже на гончарный круг немного глины кладешь и лепишь. Там внизу большой круг, а сверху маленький. Большой круг тоже катаешь ногами. Слепишь чашку и ставишь на деревянные полки, там они высыхают, а мы время от времени переворачиваем. После того, как просохнут, их обмазывали дегтем, обсыпали суриком и ставили в печь. Печь большая была, круглая. Мастер залезал внутрь, и там посуду расставлял, а потом с трудом выбирался обратно. Оставшееся отверстие сверху закладывали кирпичом и замазывали глиной. Снизу печь топили дровами. Дрова тоже сами кололи.

Как только я стала бригадиром, мне пришлось насчет дров для печи договариваться, и, конечно, следить за всем. Приезжали со столовой на лошадях (машин-то еще не бы-

ло!) и грузили посуду в телеги. Так вот мы и работали во время войны.

А потом, после войны, наша посуда стала не в ходу — ее заменила фарфоровая. Гончарку закрыли и перевели нас на

левый берег в игрушечный цех. Да, кем я потом только не была: и наждачницей в обжимном цехе комбината, и оператором поста управления. Жизнь понемногу налаживалась, ведь главное — война закончилась.



**Ильмира
ГУБАЙДУЛЛИНА**

*Был воздух расплавлен, и пахло полынью,
Дремали поля за рекой.
Глубокое небо загадочной синью
Баюкало знойный покой.*

*Грядущего не различала природа —
В овраге блестел ручеек.
Июньский денек сорок первого года —
Обычный июньский денек.*

*Косили траву загорелые руки,
Наездники стадо пасли,
Когда вдруг возникли неясные звуки,
Неясные тени вдали.*

*Все ближе и ближе — и подняты лица.
Никто и не думал бежать.
— Сынок, это что же? Святая царица!
— Должно быть, учения, мать...*

*Промчались над лесом отлаженным строем —
Пошла по вершушкам волна,
И встала тревога над знойным покоем.
В тот день начиналась война.*

Сергей БРЫКОВ



Клавдия Шакирова



К.Г. ШАКИРОВА

**В тринадцать я поняла,
что началась моя
взрослая жизнь**

Для Клавы Шакировой самостоятельная жизнь началась очень рано. Родителей репрессировали, а ее отправили в детский дом. Когда тринадцатилетняя Клава уезжала из Семипалатинска в далекий Магнитогорск – работать на заводе – девочка поняла, что является полноценной трудовой единицей. На нее рассчитывают, значит, она не должна подвести.

– К

ЛАВДИЯ Григорьевна, война для Вас наступила внезапно?

– Да, ощущения того, что надвигается война, у меня не было. Летом 1941 года нас, детдомовцев, отправили в лагерь под Семипалатинском на отдых. И, можете себе представить, война шла уже полтора месяца, а нам об этом никто не говорил! Только в середине августа сообщили.

В наш детский дом начало поступать очень много ребят-ишек. Их эвакуировали из западных регионов страны. Многие прибывали травмированными: без рук, без ног... Попали под бомбежку – и вся жизнь наперекосяк! Мы очень жалели этих ребят и сами были порядком напуганы. Не понимали, за что

же их так, что вообще за война такая?!

Насмотревшись на бедных детей, которые стали сиротами, инвалидами, я твердо решила скорее пойти учиться, чтобы встать на ноги и все силы отдать на помощь своей стране. Только бы закончился этот кошмар!

Вскоре как раз объявили о наборе в ФЗО, и я записалась. Полгода отучилась на слесарь-инструментальщика и по распределению попала в Магнитогорск.

– Не боялись уезжать в незнакомый город, который так далеко от Ваших родных мест?

– Конечно, страх был. Здесь все знакомо, рядом подруги, воспитатели, заменившие родителей, а там – неизвестность. Но я была к этому готова.

В поезде нас обокрали. Я лишилась всех документов и узелка с вещами — не осталось ничего, что могло бы хоть как-то напоминать мне о моей родине. Пришлось отправлять запрос в детский дом, чтобы доказать, кто мы и откуда. Нам прислали только справки из школы ФЗО.

В Магнитогорске я поняла, что началась моя взрослая жизнь. Мне было тринадцать. Рядом никаких воспитателей и младших товарищей, только работники, такие же, как я, и старше. Определили меня на крановый завод. Первое время, месяца три-четыре, разгружала вагоны с кирпичами и оборудованием и переносила грузы на стройку. Как появился механический цех, начала работать там. Всегда приходила на рабочее место на полчаса раньше, чтобы все подготовить. Я выдавала и принимала инструменты. А после смены пересчитывала их, сортировала и оформляла заявки на поставку необходимых. Так что и уходила позже всех. Работа была непростой для девчонки. Из-за отсутствия прессов для правки металла мне приходилось подавать кувалды весом 18-20 кг, а для сварочных работ — кабели по 20-30 метров.

Поселили нас, 60 человек, первоначально в бараке в двух комнатах! Раньше там находился продовольственный склад. В комнате ты у всех на виду. Из мебели только кровати да тумбочки. Ни воды, ни отопления, никаких элементарных удобств. Благо, прожила я там всего три месяца: потом построили утепленный барак, с кухней, с душем, с помещением для стирки! Он назывался «механическим», так как предназначался для сотрудников нашего цеха. И меня как слесаря-инструментальщика переселили туда. В комнатах

В комнатах «механического» барака стояли двухъярусные кровати, и каждый ярус был огражден занавеской. Так что у меня появилось свое личное пространство!

стояли двухъярусные кровати, и каждый ярус был огражден занавеской. Так что у меня появилось свое личное пространство!

В середине 1944-го мастер предложил мне освоить профессию станочника. Работать было тяжело и физически, и морально. Я периодически наблюдала, как на станках травмировались люди, среди них очень много подростков. Бывали даже случаи со смертельным исходом. В связи с этим приняли решение брать только тех, кто имеет

опыт, и уже достиг восемнадцатилетнего возраста. Но я к тому времени опыт уже приобрела, и меня оставили. Я освоила фрезерный и строгальный станки, а уже после войны пошла учиться в школу мастеров.

— **Дети хотя бы работали меньше, чем взрослые?**

— По 12 часов каждый день! Был только один выходной. Взрослые соседи по бараку часто нас спрашивали, почему мы трудимся в таком же режиме. Но мы ведь не хуже их! Начальник как-то сказал: если вас не устраивает, ищите другую работу, а другой работы мы не хотели.

Зарплату нам не платили — давали только хлебные карточки и талоны в столовую. Лишь через два года после того, как начали работать, нам впервые выдали какие-то деньги. Это сейчас все мысли у людей только о них. Ради денег некоторые готовы предать, пойти на преступление. Для нас же деньги не были стимулом жизни, поэтому мы дружили и любили по настоящему.

— **Расскажите о людях, которые трудились рядом с Вами.**

— Несмотря на то, что коллектив был многонациональный (евреи, украинцы, белорусы, молдаване и др.), все друг другу помогали. Нам, детдомовцам, и на работе подскажут, и в бараке, если что, за нас заступ-

ятся. Накормят, даже правила хорошего тона объяснят. Знали, что сироты мы, и, кроме этих людей, соседей да сослуживцев, никого у нас нет.

Парни из общежития и барачников приглашали нас на танцевальные вечера в кинотеатр «Магнит». Так в выходной день хоть немного отвлекались от постоянной работы.

Жили мы как одна большая семья. Конфликтов не было ни на бытовой, ни на национальной почве. Всех роднило одно — стремление к Победе.

— **Были ли в ней сомнения? Например, в период отступлений советских войск, крупных поражений и неудачных боев...**

— Сомнений не было никогда. На всех рабочих собраниях говорили, что победа наша, и от таких слов усталость куда-то пропадала, и работалось легче. Мы и вкалывали без нареканий, потому что понимали: наши краны будут стоять на танковых и металлургических заводах, и сталь с чугуном будут плавить при помощи наших кранов — так мы ускорим победу! А когда уже шли сводки с фронта о том, что немцы отступают, мы понимали, что победа вот-вот наступит и все разговоры были только об этом!

— **Что еще в военное время Вас радовало?**

— Было очень приятно, когда, наконец, на нашем крано-

вом заводе построили свою столовую. До 1945-го мы обедали в столовой трамвайного депо за 2 км от работы: очень тяжело было простоять полсмены за станком, а потом идти туда и обратно.

Уже после войны, в 1946-47 годах, до нашего города дошла гуманитарная помощь из Америки, полученная по ленд-лизу. Прислали очень много одежды, и мы, наконец, стали похожи на молодежь. До этого носили одну единственную спецовку, а обувались в ботинки на деревянной подошве, так называемые «ходули». Под конец зимы 1943-44, помню, нам стали выдавать валенки, но детских размеров не было. Мы брали теплые суконные рукавицы и забивали ими мысок. Иногда соседи из барака отдавали поношенные валенки своих подросших детей или мужей, ушедших на фронт. Тоже было приятно.

Но это все мелочи! Главное счастливое событие нашей жизни наступило 9 мая 1945 года.

– Как Вы встретили День Победы?

– На рабочем собрании нам сообщили, что конец войне. Плакали все: дети, женщины, мужчины, старики... Все военные годы мы старались сдерживать свои эмоции, но тут как плотину прорвало! Организовали заводской вечер: собрались, накрыли столы и праздновали. Это был просто прекрасный день! 9 Мая...

Нашу беседу Клавдия Григорьевна завершила словами, которые приобрели какой-то особый смысл из ее уст: «Никому не желаю пережить то, что пережила я. Война – это страшно. Не надо воевать, надо жить, рожать и любить. Любовь спасет мир! Любите друг друга несмотря ни на что».



**Борис
ВАЛУЙСКИЙ**



**Юлия
НЕЯСОВА**

*Степной простор, полыни горький вкус,
И в поднебесье птиц весёлых трели.
Горит в багрянце у канала куст,
В позолочённой солнечной купели.*

*Здесь утром оживает каждый двор,
Домашней птицы слышно гоготанье.
А солнце заливает весь простор
Своим теплом и золотым сиянием.*

*Вам, старожилы, помнятся всегда
Полуголодные и злые лихолетья,
Когда на плечи их легла беда,
Багрянцем, обозначившим столетие.*

*Разрывы бомб, сирот голодных рты,
Промёрзлая картошка, как награда.
Солдаты раненые, вата и бинты
И непосильный труд, и слово «НАДО!»*

*Вся молодость отравлена войной
Потери все ничем неизмеримы.
И совершая подвиг трудовой,
Вы доказали, что непобедимы.*

*Взяв похоронку прямо на поля,
Слезами, поливали землю нашу,
И ноги — в кровь, и руки — в волдырях,
И жижа на дороге жуткой кашей.*

*Воспоминаний мрачная гряда,
Победною историей осталась.
Надолго вам запомнилась беда,
Кровавою строкой в века вписалась.*

*Но отряхнув осколки, прах войны,
Слезами, потом землю поливая,
Трудились, поднимая дух страны,
Давая ей большие урожаи.*

*И только вечерами, у окна,
Уставшие глаза зальёт слезою.
Вы вспомните, что сделала война
Что вам виски покрыла сединою.*

*Что не вернутся с боя сыновья,
Что хлеб от слёз солонее и горше,
Что бомбами усеяна земля,
Но хлеба нужно дать как можно больше.*

*Ложась полуголодными в постель,
Вы письма перечтёте, засыпая.
А в окна загулявшая метель
Рыдает, память снами воскрешая.*

*Степной простор, полыни горький вкус,
Вы, в сельском клубе о России пели.
В ней ваша жизнь и радость в ней, и грусть,
И не в огне войны, а в солнечной купели.*

Нияра САМКОВА



Александра Власенко



А.Г. ВЛАСЕНКО

**В Магнитогорске я
устроилась кочегаром**

С каждым годом мы все больше отдаляемся от военных лет, которые навсегда врезались в память тех, кто творил историю того времени. Для нас война – это их воспоминания о ней. И пусть ветераны считают, что просто выполняли свой долг, для нас каждая такая жизнь неповторима и удивительна. Перед вами воспоминания Александры Григорьевны Власенко.

В НАЧАЛЕ войны я жила в Самарканде, училась в седьмом классе. Папа работал на железных дорогах, и его перевели в Курган. Когда он обустроился, мама решила перебраться к нему. В день отъезда мы получили письмо: оказалось, папу забрали на фронт. И вот стоим мы вчетвером с чемоданами – мама, я и два моих брата, девятилетний Веня и полуторогодовалый Николай. Что делать, непонятно. Решили ехать, и 26 сентября 1941 года добрались до Курганской области.

Сейчас рассказываю – как будто вчера все происходило. Устроились мы в деревне, где

папе жилье дали. Голодно там было, тяжело. Помню, подойдешь к лошади, сил у нее нет уже никаких, не встает, изголодалась, бедняга, а глазами на тебя смотрит такими человеческими. Один паренек, Петька, подошел и говорит ей: «Давай вставай, Игренька! Чего балуешься, не встаешь? Ты же можешь!». А она уже на грани смерти...

Как только переехали в деревню, я моментально устроилась на работу – на спиртовой завод. Ходила пешком за 8 километров.

Спирт делали из картошки. За сутки столько мешков натайкаешь, что руки ломит. Работ-

ники из нас те еще — всем по двенадцать-тринадцать лет. На завод привозили картошку мороженую, так мальчишки ее себе прикарманывали, есть то хотелось жутко! Из дома дров набирали и эту грязную картошку жарили. Чумазые потом все сидели, зато довольные — день удался!

Сестра моей мамы в это время жила в Магнитогорске. Она воспитывала троих детей, муж с войны вернулся израненный, комиссовали его в 1942-м. И они позвали меня к себе, писали: «Давай, Сашка, приезжай, помогать будешь». Я переехала в Магнитогорск, устроилась кочегаром: четыре дома отапливала. А сама малюсенькая! От топки шел страшный жар. Хорошо, когда было чем топить — знай дрова подбрасывай. Но иногда приходилось не

только лопатой, но и топором работать. Сначала, конечно, с трудом справлялась, потом привыкла. Семье тети помогала в свободное от работы время.

Потом получила я комнатушку. Делили мы ее с одной башкирочкой: ее кровать, моя кровать, стол посередине, с ее стороны стояла печь, с моей — ведро помойное. Как-никак, а свой угол. Мойка была небольшая. Стирать белье нечем, терли глиной помаленьку.

А работать я тогда стала на сортировке зерна. Тоже трудно было. Когда совсем сил не оставалось, приляжешь, бывало, на вороха пшеницы, отдохнешь немного, надышишься пыли от зерна, а потом встаешь и чихаешь. Иногда мы зерно на совковые лопаты набирали, соломку на огне поджаривали, и ели да водичку из бочки через соломинку пили.

От этой работы воспоминания самые неприятные остались. Стоял у нас агрегат с ручкой, в нем лопасти для сортировки зерна. Шестеренки часто пылью забивались, и очень тяжело крутить становилось. Как-

Подойдешь к лошади, сил у нее нет уже никаких, не встает, изголодалась, бедняга, а глазами на тебя смотрит такими человеческими...

то я решила смазать шестеренку солидолом. Мимо одна женщина проходила — я с другой стороны агрегата стояла, она меня не видела и за ручку играючи дернула. Стою, ни жива, ни мертва, руку к шестеренке приковало. Она скорей обратно крутанула, да поздно было — палец уже в крови. Сортировкой раздавило. Повезли сразу с поля в деревню, оттуда в район. Там в госпитале меня принять не смогли: раненых на очереди

много было, отправили в город. А ехать надо 50 км! Пока ждали машину, мне кусочек хлебушка дали с соленым огурчиком, как пострадавшей. С горем пополам добрались до больницы. Сижу, жду, никто меня не принимает — врачи все заняты. Рана с грязью, кровь идет, рука вся черная. Тут по коридору идет старичок, седенький такой, весь в белом. Ангел это мой был, я так думаю. Подошел ко мне и спрашивает: «Что у тебя?» Показала ему, он меня сразу на операционный стол. До сих пор помню, как лежала там маленькая, грязная на всем стерильном, чистом... Я видела: когда палец вырезали, кровь фонтанчиком шла. Рука вся в крови, а никто не забинтовывает. Потом только женщина подошла, марганцовкой побрызгала, салфетку приложила, перевязала. Из больницы меня выписали мгновенно. Держать нельзя: не имели права на питание ставить, там ведь и с пулевыми ранениями лежали, а у меня всего лишь пальца нет!

На перевязку каждый день по 8 км ходила от деревни до больницы. Лечить нечем бы-

ло. Рана гноилась сильно. Как-то мне приснилось, что у меня в ней завелись черви. За мной бабушка-сиделка ухаживала, я расплакалась, рассказала ей. И она стала меня лечить. Брала масло топленое, воск да сосновую живицу — разогрела это все и мазала мою рану. За неделю все зажило. И я вернулась к работе.

Иначе нельзя! Я являлась стержнем семьи, помогала матери и тетке, трудилась не жалея сил, несмотря на то, что в начале войны мне было всего шестнадцать лет.

Я долго думала, как можно закончить эту историю, историю из жизни одного героя... И решила, что нет более верных слов, чем высказывание маршала великой Победы — Георгия Константиновича Жукова: «Человек, переживший однажды большие испытания и победивший, будет всю жизнь потом черпать силы в этой победе. Это справедливо и для всего народа. Оглядываясь назад, мы всегда будем помнить тех, кто не щадил себя для победы над врагом нашей Родины».



**Александра
ХАКИМОВА**

*Когда весной проснутся вербы
И талый снег сойдет с полей,
Я вспоминаю сорок первый,
Как черный год в душе моей.*

*Война! Тот негативный снимок
Мне часто снится по ночам —
Как страшный гриб над Хиросимой,
Земли обугленной печаль.*

*Война застыла в обелисках
И в тяжелых списках серых плит.
Война прошла от сердца близко
И в горле, словно ком, стоит.*

*Я помню, как горели хаты,
Как гибли дети, старики.
Как города от бомб проклятых
Взрывались — жизни вопреки.*

*И вспоминая годы эти,
Порою все хочу забыть,
Чтоб никогда никто на свете
Не испытал такой судьбы...*

Иван ПОЛОВИНКО



Вера Лермонтова



В.Г. ЛЕРМОНТОВА

**Трудились наравне
со взрослыми,
по двенадцать часов
в день**

Тонкая шерстяная нитка перетекает со спицы на спицу, превращаясь в мягкое вязаное кружево. Спицы тихонько постукивают в маленьких руках пожилой женщины, сухих и наморщенных, но таких величественных в своем неторопливом труде, что невольно любуешься ими. Эти руки не привыкли к праздности. Они не опускались даже в самые тяжелые моменты жизни. Они всегда чем-то заняты. И такое умиротворение излучают эти руки, так спокойно и безмятежно лицо пожилой женщины, сидящей рядом со мной, что я говорю с ней о каких-то мелочах, не решаясь завести разговор о войне. Оглядываюсь вокруг. В маленькой и уютной комнатке повсюду развешаны вязаные салфетки, и все разные, нет двух похожих.

— В ЕРА Гавриловна, а кто Вас научил так замечательно вязать?

— Да специально никто меня не учил. Когда с девочками в общежитии жили, друг у друга подхватывали, перенимали. В общежитие нас из барака переселили, это уже к концу войны было...

Вера Лермонтова родилась в селе Горбово Ржевского района Калининской (Тверской) области. Жили вдвоем с матерью в небольшом домике. Жилось

неплохо: мать работала в колхозе, был свой небольшой сад, огород. Вера росла хорошей помощницей маме: и грядки полола, и стирала, и дров могла наколоть. Весной 1941 года, окончив семилетку, хотела поступать в техникум, но для этого нужно было уезжать в город, и мама решила так: «Поработай в колхозе, накопим денег, и тогда поедешь учиться».

С этими мыслями пятнадцатилетняя девочка пошла работать в колхоз. И вдруг в

один из июньских дней село всколыхнула страшная весть о начале войны. Вера Гавриловна начала свой рассказ:

— Это случилось так неожиданно! Даже не верилось, что может быть война. И только когда мужчины стали уезжать на фронт: кто по призыву, кто добровольцем, мы осознали, какая беда пришла на нашу землю.

До конца лета в село то и дело прилетали тревожные новости. Радиоприемники забрали в первые дни войны, но кому-то удалось спрятать. Слушали по ночам, а потом потихоньку рассказывали односельчанам.

Все кругом говорили: «Немец идет, совсем близко подошел, скоро в кольцо окажемся».

Немцы захватили село в сентябре. На оккупированной территории они вели

себя как хозяева, всюду устанавливали свои порядки.

— Нашей деревне, может, жилось еще терпимо по сравнению с тем, что творилось в округе. Чуть ли не на каждом шагу были виселицы: немцы вешали коммунистов, комсомольцев. В моей семье, слава Богу, все остались живы, но сколько горя мы нахлебались! — с болью произносит Вера Гавриловна.

В деревне было 30 домов, а немцы всех сельчан согнали в

один, в остальных разместились сами. Старики, женщины, дети спали на полу, едва прикрыты одежкой.

— Когда я училась в школе, — продолжает она, — по немецкому у меня всегда было «отлично». И писала, и говорила без проблем. А когда услышала речь немцев, ничего не могла разобрать, очень быстро они говорили. Как-то поймал меня на улице немец и спрашивает: как приготовить пудинг? А я знать не знала, что это такое. Какие в деревне пудинги?! Из еды — каша да картошка. Я говорю, что не знаю, а сама

Иногда ночью немцы нас, всех, кто был в деревне, гоняли чистить снег. Тут и там свистели снаряды, немецкие и наши. А мы кидали снег лопатами и думали: вернемся ли домой сегодня?

трясусь вся. Немец достает русско-немецкий словарь. А там и по-немецки — «пудинг», и по-русски — «пудинг». Он еще долго от меня не отставал, пока не понял, что я действительно не знаю, что это такое.

Деревня наша находилась на линии фронта, по обе стороны шли бои. Иногда ночью немцы нас, всех, кто был в деревне, выгоняли чистить снег. Тут и там свистели немецкие и наши снаряды. А мы кидали



Публикации о Вере Лермонтовой

снег лопатами и думали: вернемся ли домой сегодня? Слава Богу, возвратались.

Несколько раз советским войскам удавалось отбросить немцев, но враги подтягивали свежие силы и снова наступали. Три раза деревня переходила из рук в руки. Только спустя 11 месяцев с момента оккупации советским войскам удалось освободить жителей.

— **Что в это время чувствовали Вы и Ваши односельчане?**

— Тогда мы и не надеялись, что нас освободят. Над нами летали немецкие самолеты, по земле шли немецкие танки, а наших танков — ни одного! Думали: как же мы победим?!

Ведь нет у нас столько техники! И вот деревню освободили, собрали жителей, кто уцелел, и велели уходить как можно дальше. И мы пошли. Зашли в лес, а там наших танков — как грачей на поле! А мы-то думали, что у нас нет ничего! И вот тогда поверили: мы победим, и с этой верой жили до конца войны.

Уставшие, голодные и холодные, люди всю ночь шли через лес, пока не добрались до города, откуда через несколько дней их вывезли на поезде в Магнитогорск.

Вместе с другими девчонками, вчерашними школьницами, многие из которых, как и она, были вывезены с окку-

пированных территорий, Вера Лермонтова стала осваивать профессию каменщика в 47-ом фабрично-заводском училище (ФЗУ). Готовили рабочих всего четыре месяца. После окончания ФЗУ Веру направили работать во 2-е строительное управление. Там требовались штукатуры, и девчонок стали наскоро обучать этому ремеслу.

— После смены нас не узнавали, до такой степени мы были обляпаны раствором: кельма в руках не слушалась, а раствор почему-то льнул к нам, а не к потолку. Большинству из нас едва исполнилось 15-16 лет, но все трудились наравне со взрослыми рабочими, по 12 часов в день. Жили в бараках с двухъярусными кроватями, по 100 человек в каждой половине барака. В баню водили раз в неделю. Приходили с работы, едва передвигая ноги, наскоро умывались и спать. А утром снова на работу. Кормили очень скудно. Наш мастер, Николай Кузьмич, шутил: «Девчонки! Сегодня суп — на всех пять макаронин, одна вода». Хорошо хоть хлеба нам полагалось по 700 граммов на сутки, как взрослым рабочим.

Многие девушки просились на фронт, но их не отпускали, убеждали, что здесь они принесут больше пользы фронту, ведь так не хватает рабочих рук. На Урал эвакуировали заводы из захваченных регионов,

нужно было срочно строить заводские помещения, налаживать производство. И люди работали, стараясь как можно больше сделать для фронта, для победы. Девчата по ночам вязали варежки, носки, отправляли бойцам на фронт.

— О поражении в войне мы боялись даже думать. У нас было радио, приходили газеты, мы знали, где идут сражения, какие города освободили наши войска. Переживали за Ленинград. С замиранием сердца ждали вестей о судьбе Москвы, верили, что наши не сдадут столицу фашистам.

В таких условиях трудовая дисциплина на производстве поддерживалась сама собой. Никто, даже самые молоденькие девочки, не отлынивал от работы. Все понимали: победить в войне можно только, собрав воедино силы огромной страны, в тылу и на фронте.

И вот однажды ночью пришла долгожданная весть о победе. Дежурный, не помню фамилии — мы его называли — дядя Андрей, прибежал к нам в общежитие, стучал в каждую дверь, крича: «Девочки, победа! Девочки, победа!». Мы выскакивали в коридор в одних сорочках, обнимали друг друга, плакали. Нам тогда подумалось — теперь будем хорошо жить, хлеба вдоволь наедемся. Но не скоро еще это сбылось:



С бригадой. Вера Лермонтова вторая слева

карточки отменили только в 47-ом, так и работали, полуголодные...

Молодежь все прибывала, и вскоре в строительном управлении были созданы две бригады штукатуров-маляров. Руководить одной из них предложили Вере Лермонтовой. Она сначала отказалась наотрез:

— Было страшно брать на себя такую ответственность. Забот много, опыта бригадирского никакого. Но меня поддержали старшие товарищи, с их помощью преодолела все трудности

и согласилась руководить бригадой.

По воспоминаниям рабочих, трудившихся бок о бок с Верой Гавриловной, была она веселой и доброжелательной со всеми, но могла быть и строгой, и требовательной. Если кто-то небрежно, наспех выполнял работу, заставляла переделывать. Не терпела неорганизованности и безответственности, отстающим девочкам помогала, и вскоре все подтягивались. День ото дня росла слава «лермонтовской» бригады. Вера

вкладывала в работу всю душу, учила других тому же, и не могла нарадоваться, когда вся ее бригада работала с огоньком, на совесть. Если где-то требовалось срочно закончить объект, обращались к бригаде Лермонтовой — не подведут! Облицовка стен отделочной плиткой, настил цементных полов, отделка машинных залов, трансформаторных ячеек, душевых — все делалось в срок и как положено. В горячем трудовом соревновании с другими бригадами треста «Магнитострой» «лермонтовцы» всегда выходили победителями. Их портреты не сходили с досок почета и в управлении, и во Дворце культуры строителей, и в Парке металлургов на Аллее трудовой славы. За самоотверженный труд награждали благодарственными письмами, почетными грамотами и денежными премиями. А бригадир Вера Лермонтова была удостоена медали «Отличный штукатур», медали «За доблестный труд». В 1957 году на собрании трудового коллектива была избрана депутатом Челябинского областного Совета депутатов трудящихся.

В один из обычных рабочих дней, когда бригада Лермонтовой без усталости трудилась на отделке бытовок на слябинге, пришла радостная весть: за высокие производственные показатели передовой бригады награждена орденом Лени-

на. Высшую награду СССР Вера Гавриловна получила в 1958 году на областном слете молодых строителей. Она была первой женщиной в тресте «Магнитострой», награжденной орденом Ленина.

— Могла ли я мечтать об этом? А ведь всё это благодаря моим девчатам из бригады, моим красавицам», — улыбается Вера Гавриловна.

В 1959 году Веру Гавриловну постигло несчастье: в результате травмы на производстве она потеряла глаз. Инвалидность ничего, кроме профиля работы, в этой сильной духом женщине не изменила. Одна из многочисленных статей, написанных в то время о Вере Лермонтовой и ее бригаде, так и называется — «Сильная духом». Автор П. Рязанцев пишет: «Она как-то сразу располагает к себе людей. А работает так, что только завидуешь ее мастерству и умению». Здесь же читаем отзыв старшего инженера планового отдела Тамары Мазуркевич: «Надо же такие золотые руки иметь! И такое сердце...».

Получив инвалидность, Вера Гавриловна рук не опустила, стала работать инструментальщиком-табельщиком. Не забывала любимую бригаду, часто встречалась с девчатами. Вскоре выяснилось, что для выполнения ответственной работы — отделки объектов ТЭЦ, которые



Рис. Анны ГЛАДЫШЕВОЙ

вот-вот должны были сдать, не хватает штукатуров. Не вытерпела Лермонтова, и, несмотря на запрет врачей браться за тяжелую работу, надела комбинезон, взяла в руки мастерок и снова пришла в свою бригаду.

На пенсию Вера Гавриловна вышла в 1999-м, в 73 года. Ее трудовой стаж — 57 лет. Ветеран труда, ветеран Магнитки, ветеран Магнитостроя, кавалер ордена Ленина, Вера Гавриловна Лермонтова гордится своей строительной профессией.

— В наше время говорили:
Каждый труд почетен,
Где какой ни есть,
Человеку по работе
Воздается честь!

Когда любишь свою работу, вкладываешь в нее всю душу, и самый тяжелый труд в радость! — так говорит наша героиня.

Пожилая женщина вздыхает и опускает спицы с вязанием на колени. Смущенно улыбается, как будто извиняясь за свою усталость. Я улыбаюсь

ей в ответ, уверенная, что беседую с по-настоящему счастливым человеком. Ведь разве не счастлив тот, кому труд приносит больше радости, чем отдых?

«Всю жизнь я старалась достойно трудиться, чтобы день ото дня крепла мощь нашей любимой Родины...» Эти слова Веры Гавриловны — девиз всей ее жизни.



**Дарья
КОРИНЕНКО**

Нам выпало так мало тишины

*Где наших дней безоблачных начало?
Нам выпало так мало тишины...
На загражденья минные бросало,
Но мы не глохли в грохоте войны.*

*И если вновь ударит непогода —
Мы выстоим, как надо, жизнь любя...
В конце концов, за прожитые годы
Нам просто не в чем упрекнуть себя.*

Виталий ЮФЕРЕВ



Дмитрий Галкин



Д.П. ГАЛКИН

**На комбинате
была целая плеяда
замечательных
специалистов**

Легко ли подростку найти цель в жизни и достичь ее не смотря ни на что? У юного Димы Галкина не было четкого жизненного плана. Обстоятельства заставили его, как и многих сверстников, рано пойти работать и столкнуться с тяготами совсем недетских будней. Но даже война не поколебала веру Дмитрия в свои собственные силы. На первом месте была работа. Пройдя трудный и длинный путь от простого электрика до директора комбината (в 1973-1978 гг.) и замминистра черной металлургии, став Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР, он никогда не забывал о том, что пришлось пережить.



МИТРИЙ Прохорович, как получилось, что Магнитогорск стал Вашим родным городом?

– Я родился в Украине, затем попал в Свердловскую область, в город Туринск. К сожалению, детство оставило в моей памяти слишком много пробелов и вопросов. Мне кажется, когда я был совсем маленьким, я потерялся: не знал, кто мои родители, где живу. Я оказался в детском доме. Там была учительница, которая взяла

меня на воспитание. Когда я уже ходил в школу, меня отыскала моя настоящая мать. Она забрала меня в Ленинград, где они с моим папой жили. Я пробыл там два года. Отец окончил институт, и мы планировали всей семьей переезжать в Магнитогорск, но у них с мамой произошел разрыв. Вскоре он снова женился, и больше я его ни разу не видел. А в Магнитку мы перебрались вдвоем с мамой в 1939 году.

– Город Вам понравился?

– Да, я шустрый был, быстро освоился. Ходил в школу № 31 и сразу нашел там новых друзей. У нас была комната в третьем доме от трамвайной линии по Карадырскому проспекту (первый квартал Кировского района, который ныне признан историческим памятником Магнитостроя).

Помню, в седьмом классе, в июне уговорил ребят из местной комсомольской организации собраться и всем вместе

пойти в поход. Мы ушли в Анненский на три дня. Когда переходили мост через Урал, от постового узнали, что началась война. Мы с мальчишками все-таки дошли до Анненского, но задерживаться там не стали и также пешком вернулись обратно. Что было делать, не понятно! В конце концов, мы приняли решение пойти в ремесленное училище.

– У Вас были какие-то определенные цели или просто обстоятельства не оставили Вам выбора?

– Рабочих рук не хватало. Выбирать профессию по душе мы не имели возможности. Когда пришли в ремесленное училище, даже не знали, кем будем в итоге. Я стал электриком. Профессия нужная, востребо-

ванная. После выпуска в 1943 году сначала работал в местных цехах, в термическом, на броневом и первом листопрокатном, а затем, когда появился «средний лист» (среднелистовый стан «2350»), устроился туда. Так и началась моя карьера на комбинате.

– Дмитрий Прохорович, из чего складывались Ваши трудовые будни в годы войны?

– Работали мы, конечно, не по 8 часов, как обычно, а по 12 и

В целях экономии электричества в военное время в бараках отключали свет. Приедут городские службы, выключат на целую неделю и уедут. А я же электрик, вечером возвращаюсь с работы и тихонечко опять врубаю...

более. После смены часто приходилось задерживаться, выполнять другие задания или помогать. В моем цехе трудились, в основном, эвакуированные рабочие из Украины. Я их считаю своими учителями. Тяжело было, но мы знали, ради чего работаем, к чему стремимся.

Моя мать уступила украинцам нашу комнату. Нам самим пришлось переехать в Среднеуральск (поселок на рабочей окраине Магнитогорска). Недалеко от проходных толстолистового и среднелистового станов находился наш барак: обычный,

коридорного типа, по 15 комнат с каждой стороны. Одна комната на семью.

Помню, в целях экономии электричества в военное время, в бараках отключали свет. Приедут, значит, городские службы, выключат свет на целую неделю и уедут. А я же электрик, вечером прихожу с работы и тихо-нечко опять включаю. Проходит неделя, я вырубаю электричество, как будто, так и было, а они наоборот — включают. Так и жили.

— А отдыхать удавалось в таком плотном рабочем графике?

— Конечно, был один выходной в неделю. Ходили в парк культуры на танцы, иногда там и кино крутили. Но, прежде всего — работа.

— В условиях военного времени у Вас, как и у других специалистов, работавших на оборонных предприятиях, была бронь. А самому не хотелось уйти на фронт?

— Я раз пять ходил в военкомат, просился! Меня спрашивают: «Где работаешь?» «На комбинате, в среднелистовом стане», — отвечаю. А они мне: «Уходи, — говорят, — отсюда, все равно не возьмем». А так, может быть, и попал бы на фронт.. Желание было быть там, вместе со всеми. Но мы по-другому помогали бойцам: отправляли им продовольствие, собирали посылки, женщины вязали вареж-

ки и носки. Мы изо всех сил работали в тылу — в общем, старались, как могли.

— А остались какие-то яркие воспоминания от работы с людьми на таком знаменитом предприятии?

— У нас была целая плеяда замечательных специалистов. Мы, тогда еще мальчишки и девчонки, перенимали их опыт, учились, чтобы впоследствии сформировать новую плеяду настоящих мастеров своего дела. Я лично знал Носова — директора комбината в годы войны. Мы виделись с ним раза два-три в первом листопрокатном стане. Я тогда уже был начальником смены, а он приходил в цех для планового осмотра. Я встречал его и вводил в суть производственных вопросов. Носова, безусловно, уважали и очень ценили.

И сегодня я очень хочу, чтобы нынешняя молодежь была похожа на этих людей. Мое поколение, поколение патриотов в истинном понимании этого слова, исключительное по своему содержанию, постепенно уходит, возлагая последние надежды на молодых.



**Анастасия
БАЖЕНОВА**

Возвращение к жизни

*Здесь не разила смерть прямой наводкой,
Не проносилась вихрем огневым
И не бродила тяжкою походкой,
Заглядывая к мертвым и живым.*

*Но рядом с гордым жизни воплощеньем,
Где день и ночь рождается броня,
Чужой металл, поверженный в сраженьях,
Теперь лежит без силы и огня.*

*Лафеты, гусеницы, элероны...
Унылый лом! Но жизнь к нему добра.
Последний раз скрежещет, покоренный,
Он в челюсти железного копра.*

*Искромсанный, раздробленный на части,
Пройдя сквозь аммонал и огнерез,
Раздавленный стальной огромной пастью,
Рассчитанный шихтовщиком на вес,*

*Ложится в мульды выверенной грудой...
Огни волнятся, словно ковыли,
И парень ясноглазый, чернокудрый*

Дает команду мирную: — Вали!

*Не он ли шел от самого востока,
Пыль запада стряхнул с усталых ног?
Не он ли эту пару синих стекол
Сменил тогда на полевой бинокль?*

*Не по его ли яростной команде
Вот эти танки обращались в лом,
А он кричал: — А ну, сильнее гряньте!
Еще огня! Покрепче, поделом!..*

*...Металл завален. Спущены заслонки.
Пять солнц сверкает в огненной печи,
Шестое — сверху волоконцем тонким
Роняет животворные лучи!*

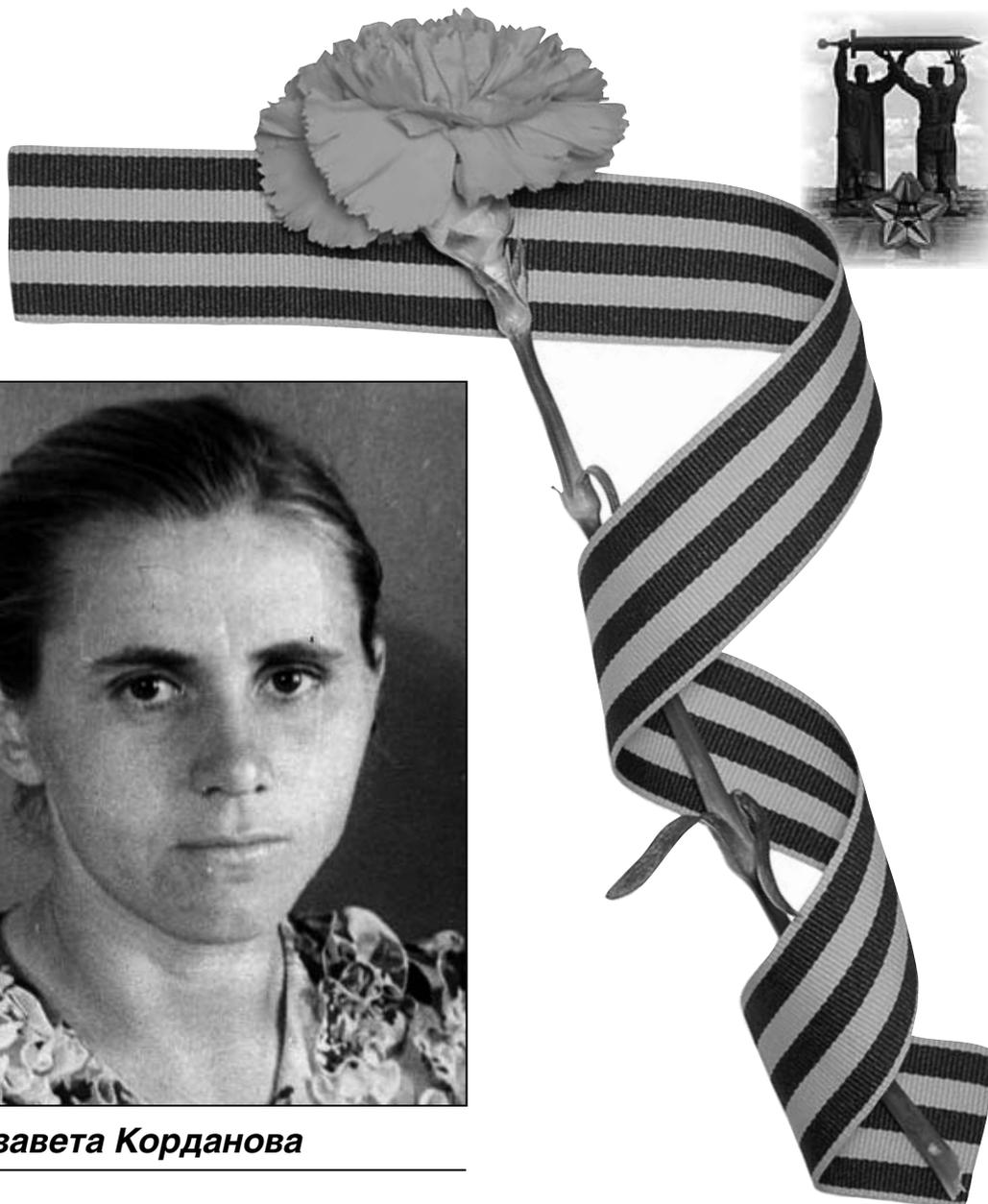
*Вплывает серебристые косички
В струящийся зеленоватый пар.
— Еще огня! — По фронтовой привычке
Командует подручным сталевар.*

*Кипит металл, носивший смерть и темень,
Он вновь рожден, в нем сила бьет ключом,
Чтоб одолеть пути, пространство, время,
А если надо — снова стать мечом.*

Нина КОНДРАТКОВСКАЯ



Елизавета Корданова



Е.П. КОРДАНОВА

**У нас всех была только
одна мечта – наесться
досыта хлеба**

Буря войны занесла девочку Лизу далеко от родных мест, в город Магнитогорск. Сирота Лиза Корданова работала на строительстве склада энергоуглей, доменных печей № 5-10, прокатных станов, мартеновских печей на Магнитогорском металлургическом комбинате (ММК). Награждена орденами Трудового Красного Знамени, Трудовой Славы III степени, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть». Ветеран «Магнитостроя» Елизавета Петровна говорит: «Магнитогорск – это моя судьба...»



ЛИЗАВЕТА Петровна, как Вы узнали о том, что началась война?

– Я жила под Ленинградом. Было воскресенье, мы с семьёй отдыхали на озере. Неподалёку на столбе висело радио, по которому объявили о начале войны. Отцу пришла повестка на фронт. Прослужил он недолго. Через два месяца после призыва, когда папу везли в Ленинград, на их эшелоны налетели двести немецких бомбардировщиков. Нам сказали, что шансов выжить не было.

– Расскажите, что происходило тогда в Ленинграде? Когда Вас эвакуировали?

– Последний раз я была в Ленинграде 18 июля 1941-го.

Я отучилась семь классов и хотела поступать в техникум. У нас в Ленинграде жила тётя, сестра отца. Я думала остановиться у неё и учиться в городе, но сложилось всё по-другому. Начались непрерывные бомбёжки. Немцы старались нас деморализовать. Выбрасывали разные листовки с лозунгами, например: «Не давайте взрывать мосты вашего слав-

ного города Ленинграда!». Поначалу они старались бомбить вокруг, чтоб сохранить подходы к городу. Меня, сестрѐнку Машу и нашу мачеху (моя родная мама умерла ещё в 1933-м) с годовалой дочкой успели эвакуировать. Отец плакал, когда его забирали на фронт, так как знал, что мы-то уже большие и сможем перенести эвакуацию, а малютка – нет.

Везли нас в Кировскую область, однако туда так и не добрались. Мы с мачехой до Рыбинска доехали, а дальше поезд не шѐл, потому что мост через Волгу разрушили.

Составы тогда бомбили, поэтому окна были разбиты, и маленькая простудилась ещё в дороге. Когда приехали в Рыбинск, мачеху с

девочкой почти сразу положили в больницу с воспалением легких. Девочка пролежала семь дней и умерла. Жаль, я уже и не помню, как её звали...

Нас поселили в клубе имени Кустова, – продолжает Елизавета Петровна, – каждому выделили койку. Жили там какое-то время. Потом мачеху с Машей отправили в деревню и подселили к какой-то семье. Там они и остались жить, а меня забрали в школу фабрично-заводского обучения при авиационном заводе, я шесть месяцев

там отучилась на электромонтѐра. Потом, когда пароходы стали ходить, мачеха начала работать на другом берегу Волги. Помню, как-то Маша поехала к ней. И вот, сестрѐнка стоит у причала, надо купить билет на пароход, а она не знает где. Тут к ней подходит женщина, и спрашивает: «Тебе нужно взять билет на пароход?» Маша отвечает: «Да». Тогда та предлагает: «Давай я тебе записку напишу, пойдѐшь, возьмѐшь билет, а я посмотрю за вещами». Женщина объяснила, куда идти, и Машка сразу побежала за би-

Напротив нас была «заразная» коксовая батарея: когда магнитный тушильный вагон подъезжал и начинал тушить кокс, все осадки падали на нас. Домой мы шли мокрые.

летом. Когда вернулась, не было ни женщины, ни чемодана... А у нас был только один чемодан, где были все наши вещи. Когда нас эвакуировали, мы же все бросили. Ну что мы могли ещё взять с собой? Маша моя тоже во время войны не выжила, слегла со скарлатиной и умерла.

– Как Вы оказались в Магнитогорске?

– В Магнитогорск я приехала в августе 1942 года, в пятнадцать лет. А куда мне ещё было ехать? Мачехе я не нуж-



С бригадой. Лиза Корданова в первом ряду слева

на, отца нет, матери нет... Так я здесь и осталась.

Помню, из Рыбинска везли нас восемнадцать дней, и в дороге всех вши одолели: поезд останавливался в степи, помыться-то было негде. Не кормили толком, один раз дадут какую-нибудь похлёбку за весь день и всё.

Когда приехали, нас сразу повезли в санпропускник, где обработали вещи. Мы там, наконец, помылись. Ну, и за работу! В электроцехе треста «Магнитострой» я работала, можно сказать, всю свою жизнь. Бригада наша была из шести человек. Все долго удивлялись, что мы женщины — электрики.

Трест дома строил, а мы проводили освещение, прокладывали телефонные провода. Первый дом, в котором я работала, был тридцать третий по Уральской улице. Так работали летом, а зимой начинался сезон электропрогрева бетона. Первым объектом была домна № 5, где я работала старшей температурщицей, вела журнал, следила за температурным режимом, отключала ток, который проводили через бетон. Когда заливали колонны, балки, за ними необходимо было следить, чтобы не замёрзли и стали крепкими, ведь они сразу под нагрузку шли. Работали с восьми вечера до восьми утра, без переры-

ва. Напротив нас была «заразная» коксовая батарея: когда магнитный тушильный вагон подъезжал и начинал тушить кокс, все осадки падали на нас. Домой мы шли мокрые. Всю жизнь я проработала в тресте в одном и том же цехе.

– **Какими были военные годы в Магнитогорске?**

– Всю войну я прожила в доме номер двенадцать на улице Чайковского. В нашей комнате жили шестнадцать девчонок. Ну, общежитие есть общежитие, столовая и душ в подвале, паровое отопление было. Придёшь домой – заняться-то нечем: ни телевизора, ни радио, отоспишься и снова на работу. Работали по двенадцать часов, выходных во время войны не было.

Однажды к нам пришёл управляющий трестом. Звонок в дверь. Мы с девочками лежим по койкам, кто вшей ищет, кто что. Управляющий заходит, расспрашивает, где работаем, кто у нас начальник, почему дома сидим, куда не ходим, кроме работы. А мы отвечаем: «Нам не в чем... На работу ходим в ком-

бинезоне да фуфайке, в этом же домой возвращаемся». Он узнал, как обстоят дела со снабжением, можно ли выделить хотя бы платья. И, знаете, выдали нам сатиновые коричневые платья, расклешённые, ещё туфли брезентовые на венском каблучке, всем одинаковое. И не только нашей комнате.

По тем меркам мы жили в хороших условиях. Выдавали карточки на завтрак, обед и ужин. Семьсот граммов хлеба старались брать в обед. Всякое было – иногда пайку получишь и на двоих делишь. Или продашь, чтобы на рынке мыло купить.

Помню, тогда у нас всех была только одна мечта – наесться досыта хлеба. Мечтали, что кончится война, и мы наедемся.... И сейчас, если останется какая-нибудь корка хлеба, я её никогда не выброшу, птичкам отдам.

В сорок пятом, когда война кончилась, мы, конечно, так ликовали, вы не представляете! Такой хороший был день! Ведь все мы ждали её, Победу, и, наконец, она наступила.



**Ильмира
ГУБАЙДУЛЛИНА**

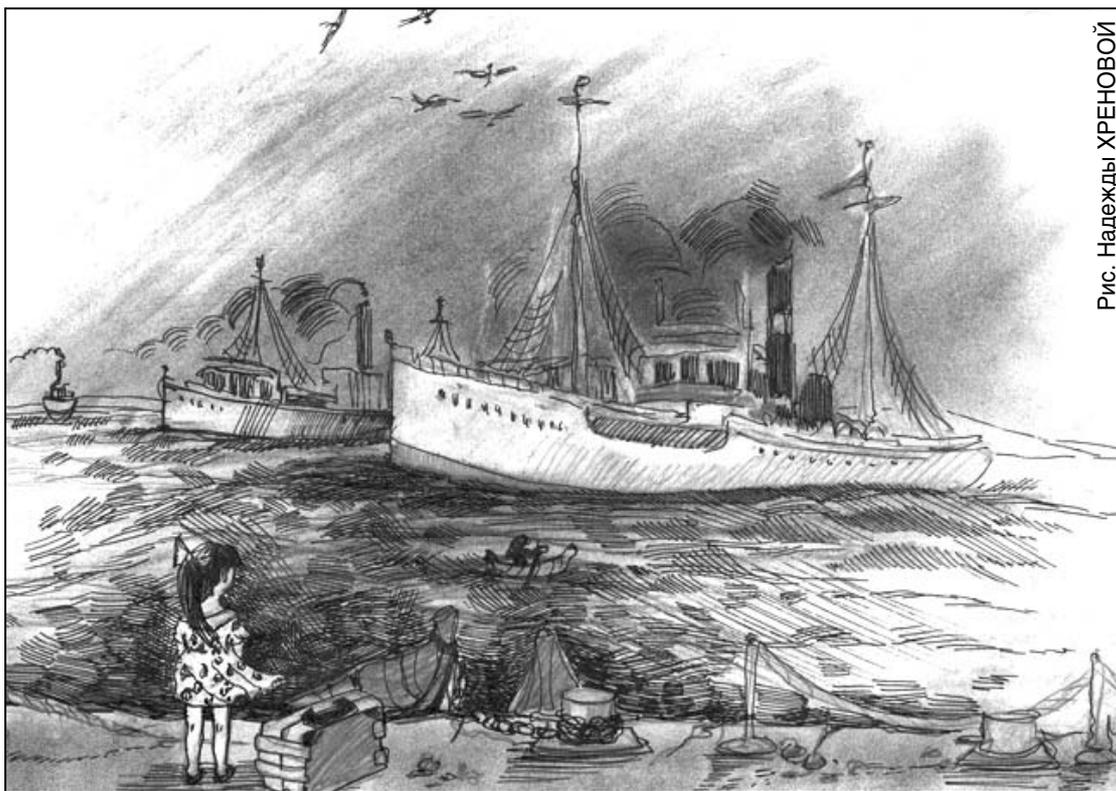


Рис. Надежды ХРЕНОВОЙ

*Жила в тылу —
Не воевала.
Но, темнолица и тонка,
Четыре года простояла
В очередях
И у станка.
Склоняя голову седую.
Она не в силах позабыть,
Как сумку тяжело
Пустую
Голодным детям
Приносить.*

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Из исследовательской работы Владислава Скокова «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд»:

Одно из свидетельств непростых условий жизни в военное время — приказ №110 от 29.04.1943 г. о поощрении учащихся за победу на соревнованиях по школе ФЗО №28: за первое место — коробка зубного порошка, за второе место — пара носков и два подворотничка. Еще один приказ — №168 от 22.10.1943 г. о поощрении ученицы Е.К. Волобуевой за образцовое дежурство благодарностью и вещевой премией: 1 пара чулок, 2 носовых платка, 200 грамм мыла. Лишь единожды в приказах по школе ФЗО №28 зафиксирован случай поощрения учащихся хлебом за разгрузку ночью угля для общежития на зиму.

ПИОНЕРЫ СОБИРАЮТ ЛОМ

... В ОТВЕТ НА РАЗБОЙНИЧЬЕ НАПАДЕНИЕ ФАШИСТСКИХ БАНДИТОВ НА СОВЕТСКУЮ СТРАНУ, МЫ, УЧАЩИЕСЯ ШКОЛЫ № 47, ПРИСТУПИЛИ К СБОРУ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЛОМА. МЫ СЧИТАЕМ, ЧТО ЭТИМ МЕРОПРИЯТИЕМ ОКАЖЕМ ПРАКТИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ КРАСНОЙ АРМИИ В УСПЕШНОМ РАЗГРОМЕ ФАШИСТСКИХ ПАЛАЧЕЙ. 28 ИЮНЯ ЭС УЧАЩИЕСЯ НАШЕЙ ШКОЛЫ ЗА ДВА ЧАСА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАВОДА СОБРАЛИ 10 ТОНН МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЛОМА. СБОР ЛОМА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

З. ЕПИФАНОВА
СТ. ПИОНЕРВОЖАТАЯ ШКОЛЫ № 47

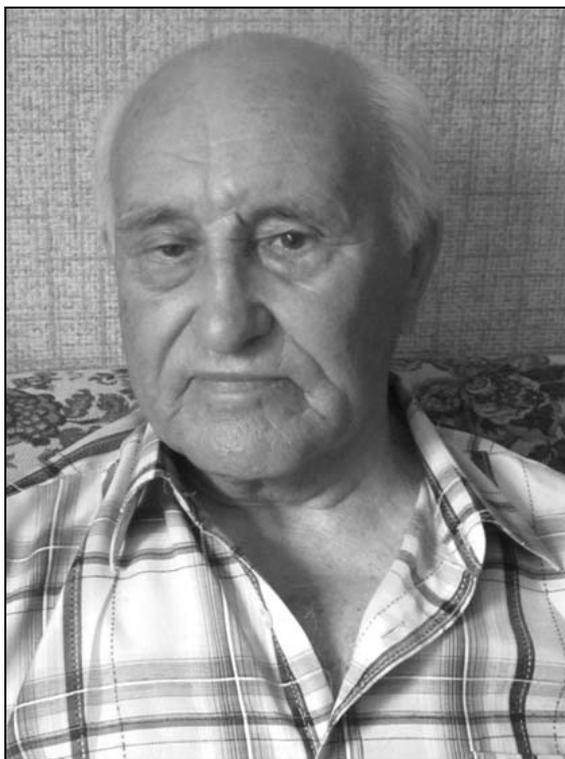
"МАГНИТОГОРСКИЙ РАБОЧИЙ" № 155
3 ИЮЛЯ 1941 г.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ШКОЛЕ

... ШКОЛА № 47 СМОГЛА ОРГАНИЗОВАТЬ КРУЖКИ ПУЛЕМЁТЧИКОВ И СВЯЗИСТОВ. 30 УЧАЩИХСЯ С УВЛЕЧЕНИЕМ ЗАНИМАЛИСЬ В ЭТИХ КРУЖКАХ И СЕЙЧАС ИМЕЮТ НА РУКАХ ДОКУМЕНТЫ ОБ ОКОНЧАНИИ КУРСА ...

... УЧАЩИЕСЯ ШКОЛЫ № 47С УВЛЕЧЕНИЕМ РАБОТАЮТ В СВОЕЙ МАСТЕРСКОЙ. НА ДНЯХ ШКОЛА ДАЛА ПЕРВУЮ ПРОДУКЦИЮ — ВЕДРА И ТАЗЫ, ИЗГОТОВЛЕННЫЕ РУКАМИ ШКОЛЬНИКОВ.

"МАГНИТОГОРСКИЙ РАБОЧИЙ" № 39
17 ФЕВРАЛЯ 1943 г.



Дмитрий Баженов



Д.А. БАЖЕНОВ

**После работы мы
засыпали на полу
в душевых**

По сравнению с началом недели воскресенье выдалось довольно теплым. Весеннее солнце, которое, по-видимому, забыло, что оно весеннее, начало выглядывать из-за облаков, оставляя на коже прохожих теплые лучи. Наши собиратели историй поспешно переходили дорогу, оглядываясь по сторонам, в попытках найти дом 204/3.

На этот раз они отправились к ветерану трудового фронта города Магнитогорска – Дмитрию Александровичу Бажену.

В ГЛУБОКОМ кресле сидел солидный, приятный мужчина. Он улыбнулся и жестом пригласил сесть. Следом зашел его сын.

– Хм... С чего же мне начать? – Дмитрий Александрович внимательно посмотрел на гостей.

– Расскажите о своем детстве, – попросили девушки.

– Я родился в селе Толкаевка Оренбургской области 4 февраля 1925 года. Мою маму звали Евдокией Акимовной, а отца Александром Ивановичем. У меня были братья, Илья и Борис, и сестра Валентина. К труду нас приучили с детства: на быках возили пшеницу на элеватор в Сорочинск (это от нас в 18 километрах), помогали в огороде, хозяйство вели. Да

много чего еще было, только не помню уже.

– Весть о войне была неожиданной, – предугадав вопрос, продолжил Дмитрий Александрович. – В 1941 году мой брат Илья приехал из Москвы навестить родителей. Вся семья собралась за одним столом. И в это время Молотов по радио сообщил, что без объявления войны германские войска напали на Советский Союз. Родители с горечью посмотрели на Илюшу. Брат, младший лейтенант, тут же встал и, ничего никому не говоря, побежал на вокзал. Мы с двоюродным братом отправились за ним и только успели помахать ему. Он помахал в ответ, стоя в «телячьем вагоне». Я и не думал, что видел его в последний раз. Из Моск-

вы он прислал письмо, говорил, скоро, мол, придется «понюхать настоящего пороху».

Дмитрий Александрович, достал фотокарточку брата и долго смотрел на нее. В его глазах читалась скорбь, на протяжении стольких лет любовь к этому человеку не угасала ни на миг. Немного помедлив, он передал фото гостям.

— Илья был комсомольцем. Когда он жил в сельской местности (в Толкаевке), по заданию партийной ячейки ему и его товарищам приходилось ходить по дворам искать хлеб, который хозяева прятали от государства, зарывая в землю. Они находили спрятанное добро, и людей арестовывали. Илье с другом было больно этим заниматься, и в 1931-м они решили уехать в Москву. Оттуда брат отправился в армию, получил звание младшего лейтенанта. В 1942 году погиб под Смоленском... После смерти Ильи, только нам принесли похоронку, из военкомата пришел военный и спросил: «Где ваш сын? Его разыскивает Сталин». Но Ильи уже не было в живых. Тяжело было пережить, когда с фронта приходили эти треугольники!

В комнате открыли окно и прохладный воздух начал потихоньку заполнять помещение. Дмитрий Александрович продолжал рассказ:

— В 1941 году я переехал в Магнитогорск к родителям. Им дали квартиру в городе, а я жил у родственницы в Толкаевке, заканчивал седьмой класс.

Когда началась война, мне было шестнадцать лет. Уже 4 июля устроился на железную дорогу. Было трудно, учитывая то, что поначалу я даже не знал, как выглядит вагон! Работал сначала слесарем, потом котельщиком, клёпальщиком. В это время как раз вышел приказ работать по 12 часов.

— В начале войны комбинат получил первый военный заказ на производство броневое металла. Нужно было наладить производство заготовок для снарядов, а также изучить вопрос изготовления танковой брони. Директор ММК Григорий Иванович Носов организовал своих инженеров. Всё рассчитали, провели доработку и впервые прокатали броневую сталь для танка. Провели испытания: из установленной пушки стреляли по броне, определяя пробойную силу стали. Результаты оказались неплохими, оставалось изменить химический состав руды, — вспоминал Дмитрий Александрович.

— Вам, наверное, неинтересно слушать о производстве? — отвлекся он.

— Нам интересна любая деталь! — возразили девушки и,

поймав одобрительный кивок, продолжили записывать.

— Руду эту привозили, откуда — я сейчас не вспомню, зимой в полувагонах. Очень сильные морозы стояли. Ее грузили мокрую, и она замерзала, а эти вагоны нужно было быстро освободить. И нас после 12-часового рабочего дня везли к полувагонам: мы их разгружали при помощи клина, кувалды и кайла. Пока не закончим, никто никуда не уходит. После разгрузки опять возвращались в цех. Шли в душевые, а в них тепло! Мы надевали спецовки и ложились спать на пол. Утром опять принимались за работу. Домой просто не успевали, а за опоздание судили. Иногда не уходили неделями. Когда я работал котельщиком, в цеху было очень холодно, и мы в жутком холоде занимались ремонтом вагонов. А после опять шли на разгрузку. За это нам никто не платил никаких денег. Но всё делали на совесть.

О работе Дмитрий Александрович рассказывал оживленно. Было заметно, что эта тема является неотъемлемой частью его жизни, он «горит» ею.

— А вот есть было почти ничего, — продолжил рассказчик. В столовой давали какую-то «затируху» (муку размешивали в

воде). Налиют, мы похлебаем и опять за работу. А вообще нормы были такие: на день я получал 800 грамм хлеба, так как на комбинате работал. А родители в инвалидной группе были — им полагалось по 500 грамм. Боря с Валею имели и того меньше — по 450 грамм. Я отдавал родителям свою карточку, чтобы они больше получали хлеба.

— К сожалению, без несчастных случаев на производстве не обходилось, — продолжил он. — Зоя Жбанова рабо-

И нас после 12-часового рабочего дня везли к полувагонам: мы их разгружали при помощи клина, кувалды и кайла. Пока не закончим, никто никуда не уходит.

тала на сортировке осмотрщиком, полезла соединять тормозные рукава, а в это время подошел локомотив и толкнул ее между автосцепками, прижало ее насмерть. У Зои был друг, работал у нас слесарем. Такое горе...

— А вы встречали военнопленных?

— Да, помню, как они на улице Маяковского укладывали дорогу. Иногда на военнопленных нападали. Некоторые считали: раз ты воевал, значит, убивал советских людей и заслуживаешь отместки. Но, в основном, немцы военноплен-



Брат Дмитрия Илья погиб под Смоленском в 1942 году

ные были добрые. Те, кто из наших ребят с ними работал, не понимали, как к ним относиться: как к пленным или как к специалистам.

— Пап, расскажи лучше, как вы новость о Победе встретили, — попросил Дмитрия Александровича сын.

— Мне до сих пор помнится момент, когда сказали, что война закончилась и люди вышли на улицы. В душе творилось что-то неопишное! То состояние просто невозможно передать словами! Мне казалось, что если бы кто-то сказал: «Давайте поднимем памятник Сталину!»,

люди бы с легкостью подняли его и понесли. Вот такая чувствовалась сила! Мы отправились на митинг. Весь проспект был занят людьми. Они и плакали, и смеялись, и плясали от счастья... А те, кто ждал своих родных и близких с фронта, искренне надеялись на скорую встречу. Больно говорить, что надежды многих так и не оправдались.

— Уже после войны я познакомился с девушкой, — продолжался рассказ. — Звали ее Александра. Родом она из Рыбинска, ее семья была раскулачена в 30-е годы. Ходили с ней в кино, на свидания, а потом и расписались. Прожили вместе 45 лет! Она все время работала на стройке, очень многое перенесла. Болезнь ее сгубила... — Дмитрий Александрович замолчал.

Последовала неловкая минута. Никто не решался прервать ее, пока он не произнес:

— Вы знаете, в «Магнитогорском Металле» было написано: «Война закончилась давно, а

Магнитогорск всё работает как во время войны». Это говорит о многом: о том, сколько сил затрачивают люди, о том, как стараются во благо Родины.

В это время сын Дмитрия Александровича достал фотографии и медали отца и разложил их перед гостями. Девушки около получаса рассматривали частички чужой жизни, которая удивительным образом пересеклась с их жизнями. После этого наши корреспонденты стали прощаться с людьми, решившимися пустить их в свою жизнь.

— Девочки, живите и радуйтесь тому, что вам дано! — сказал на прощание Дмитрий Александрович.

И благодарность, которую они испытали по отношению к этому удивительному, светлому человеку, наполнила их «спасибо!» каким-то особым смыслом.



**Анна
АНТОНОВА**



**Анастасия
СЕРОВА**

Ветераны

*Наша юность с Магниткой мужала,
И примером нам были отцы.
Наш характер Магнитка ковала,
Мы в двенадцать — уже не юнцы.*

*Мы трудом приближали Победу,
У мартенов варили металл.
Мы прошли через голод и беды,
Чтобы в мае салют прозвучал.*

*Хоть покрыты виски сединою,
Но судьбою своей мы горды.
Это мы возводили с тобою
Город наш у Магнитной горы.*

*Ветераны и ныне в строю,
Мы не ищем дорогу иную.
Я клянусь, за Магнитку свою
Мы с тобою еще повоюем!*

Галина МАКАРОВА



Мария Соколова



М.И. СОКОЛОВА

Металл в варезжках хватали!

Девятого мая телевизор в квартире Марии Ивановны Соколовой работает весь день. Она любит смотреть парад Победы и слушать песни военных лет. Но старается переключить канал, когда показывают фильмы о войне: тогда в памяти оживают собственные тяжелые воспоминания...

М АШЕ было пятнадцать, когда в судьбу врезалось непонятное, холодное слово — «война». На тот момент она жила в Калининской области (сейчас — Тверская область), рядом с городом Ржевом.

— Война для нас началась с бомбежек. Рядом с нашей деревней Власово проходила железная дорога, ее фашисты и выбрали целью для атак. Как только мы слышали взрывы, сразу бежали в окопы. Они обваливались, нас засыпало землей, было страшно до дрожи. Но нас ждали вещи и пострашнее — пришли немцы. Власово и близлежащие деревни взяли без боя. Хозяйство было разграблено, всю скотину немцы забрали, нам не осталось ничего. Лишили даже дома, жителей

со всех окрестностей согнали в одну деревню. Среди людей началась эпидемия тифа. Практически каждый день кто-нибудь умирал, заболела и моя мама. Людей хоронили без гробов, закапывали в силосную яму. У нас все отбирали, еды не хватало. Кто успел что-то спрятать, тем и питался. Холодной зимой нас заставляли чистить дороги, убирать снег. Так в оккупации мы провели больше года.

Когда пришли советские войска, нас эвакуировали. Мы успели отойти от деревни километров на двенадцать, как раздался крик: «Ложись! Бомбят!» Прямо над нами летели самолеты, в воздухе был страшный гул! На наших глазах разбомбили деревню, которую мы едва успели покинуть. Люди ле-

жали в окопах, не понимая, кто атакует — свои или немцы. Когда все затихло, всех погрузили в закрытые вагоны, где раньше перевозили коров. Собрали молодежь с двух районов — Ржевского и Зубцовского. Куда нас отправляли, никому не говорили. Ехали в тяжелых условиях, еды не было. Мы ничего не видели, один раз услышали, как что-то взрывается, все перепугались. Оказалось, бомбили поезд, который был впереди нас. Так мы двадцать дней добирались до Магнитогорска...

В городе всю прибывшую молодежь, в том числе и Машу, направили в школу ФЗО (школу фабрично-заводского обучения). Три месяца они проходили учебную подготовку, кто на каменщика, кто на штукатуру, а потом всех направили работать на калибровочный завод, который сформировался в начале войны из эвакуированных предприятий юга России и Московской области. Группа, где была Маша, училась на маляров, но распределили их туда, где люди были нужнее. В шестнадцать лет Маша встала к станку. Сорок два года это было ее рабочее место. Она всегда перевыполняла план. Рабочие даже ругались, боясь, что норму из-за нее повысят.

— Работа была невероятно сложной, тем более для нас, почти детей. Я начала работать в сорок третьем году на волочении (это протягивание металла через отверстие). Мне было по душе сознавать, что и мой металл идет на благо победы. Когда была помладше, подносила металлические плашки, потом попросила перевести меня к станку. Мы брали горячие штанги, заправляли их в карет-

Иногда я отрезала от хлебного пайка кусочек и меняла на базаре на кружку ряженки. Еще мы покупали у местных муку, смешивали с водой, выпивали это и шли работать.

ки, и шел процесс калибровки металла. Сейчас, конечно, уже многие процессы автоматизированы, а мы практически всю работу делали вручную. Металл в варежках хватало! Это называлось грубым волочением, раньше только мужчины выполняли такую работу. После этого дома горячий чайник могла в руки брать, семью удивляла. Военное время диктовало свои условия: мы трудились по двенадцать часов, несмотря на возраст. Тогда не смотрели, кто маленький, а кто большой, главное — выполнить норму. Чтобы никто не опаздывал на работу, охранник в общежитии по утрам стучал в каждую комнату. Прогулять



тогда было очень рискованно — могли посадить в тюрьму, и все это понимали. Даже спустя много лет после войны я не могла и помыслить о том, чтобы пропустить смену. Однажды я проспала работу, когда накануне бодрствовала сутки. В полдень меня разбудил муж, спросил, почему я еще дома. Прогул

настолько меня напугал, что тут же подскочила температура под сорок. Но это был единственный случай почти за полвека работы.

В военные годы мастер иногда подходил ко мне и говорил: «Вот тебе боевое задание: три дня перевыполнять норму». Конечно, приходилось испол-



нять, слабинку я никогда не давала. А после этого выплачивали сто тридцать рублей и давали «боевой обед» — в награду за усердный труд. Нам накрывали в отдельной комнате, мастер выдавал дополнительную обеденную карточку. Это было радостью, не забывайте, в военные годы всюду царил голод.

Хотя обед по современным меркам был скудным — дадут щи, да и те черные. Всю свою суточную порцию хлеба — 800 граммов — съедали ночью, а утром снова на работу. Иногда я отрезала от пайка кусочек и меняла на базаре на кружечку ряженки. Еще мы покупали у местных жителей муку, смешивали с водой, выпивали это. Лучше даже не вспоминать!

Мужа Мария встретила там же, в калибровочном цехе. Алексей Соколов работал мастером по ремонту оборудования и жил в соседнем общежитии. Ребята приходили в гости к девушкам, звали их на танцы, которые иногда проходили во Дворце строителей. Так будущие супруги и познакомились.

Но замуж за Алексея она вышла только спустя десять лет.

— Когда я здесь освоилась, перевезла братьев и сестру. После освобождения они вернулись с отцом в родную деревню. Но папа умер, пока я была в Магнитогорске, и я осталась в семье за старшую. Мне надо было поднимать ребят на ноги, о замужестве и думать нечего. Только когда я была уверена, что родные устроены, наконец, сказала Алексею, что согласна. Завод выдал нам комнату. Уже после смерти мужа я получила квартиру. На том же предприятии, кстати, стали работать и дети, и внуки. Настоящая семейная династия.

За дверью слышится детский голос, и в комнату вбегает маленькая девочка — правнучка Марии Ивановны. Звонким голосом спрашивает: «Где моя медаль?». Лицо Марии Ивановны светлеет, улыбаясь, она говорит: «Раньше Настенька, моя лапка, игралась с моими медалями. А теперь у нее своя есть — за спорт, и еще будут».



**Оксана
ФОМЕНКО**



Запас прочности

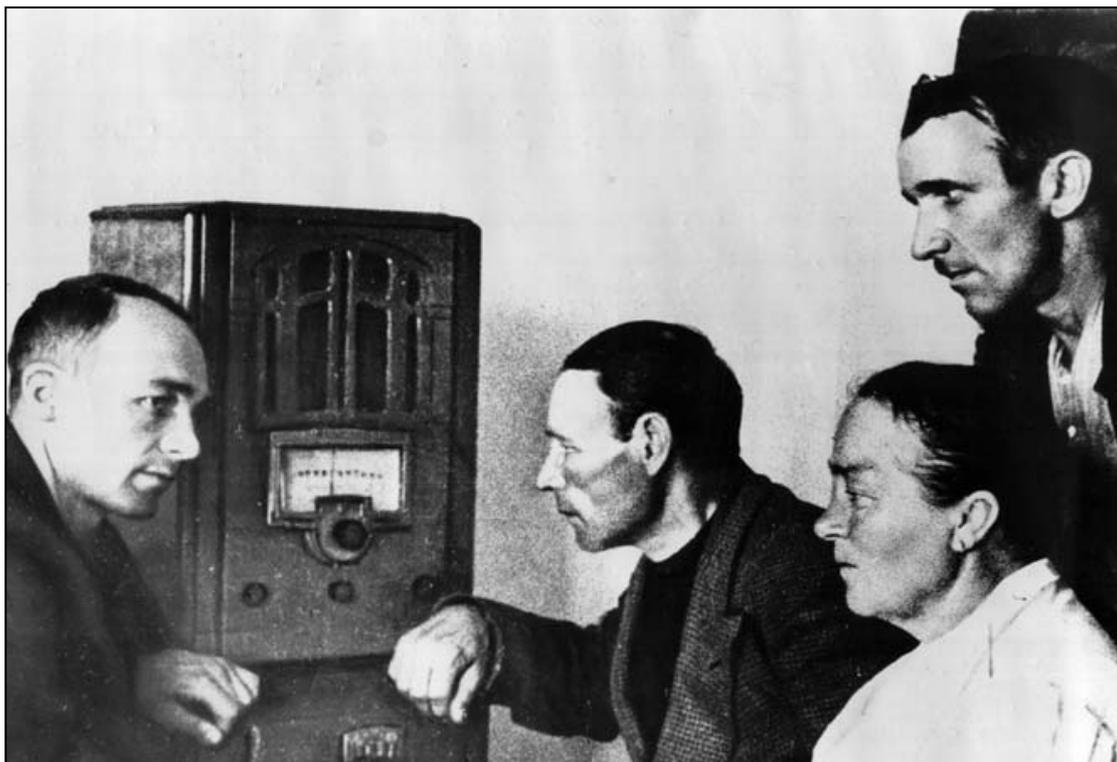
*До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.*

*И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?
Что гадать! Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.*

Юлия ДРУНИНА



ФОТОГАЛЕРЕЯ



Магнитогорцы слушают речь Молотова о нападении фашистской Германии на СССР. 22 июня 1941 г.



Первые дни войны. Рабочие читают обращение Молотова



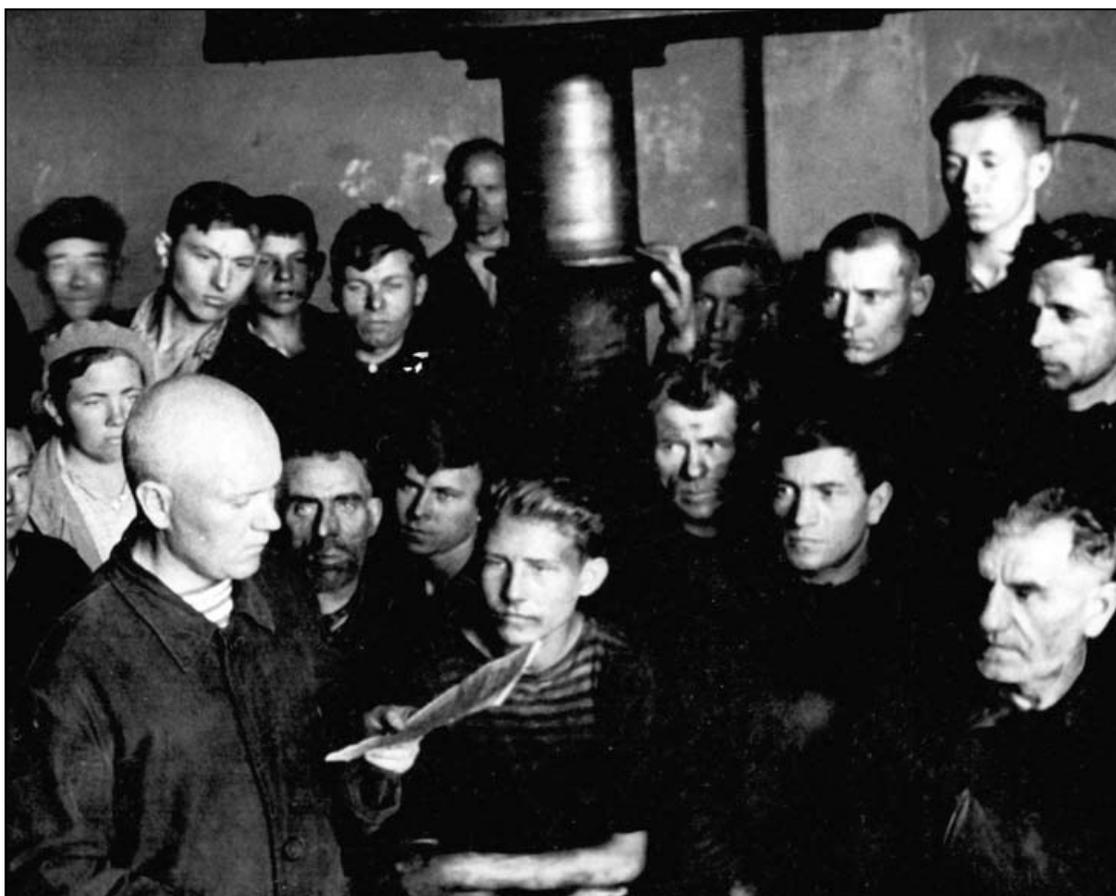
Уральские добровольцы едут на фронт



Колонна добровольцев. Июль 1941 г.



Митинг строителей в Правобережном районе. 23 июня 1941 г.



Митинг железнодорожников. 31 июля 1941 г.



Юная станочница деревообрабатывающего комбината

Заявление
 Директору Дока
 тов Шипела
 Заявление
 Как кбж я новоприбывший и работаю
 второй день в лесозаводе возле станки
 свальшиком, прошу вас мне дать
 чтонибудь на обед ибо нечего не
 имеем что кушать и не очень трудно
 кончить смену работать прошу не отка
 12/11/44 Турин

Заявление директору ДОКа

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ НАД ВРАГОМ!

ТРЕСТ «МАГНИТСТРОЙ» Цех

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Бригадир тов. _____

Учитывая особую важность в своевременном выполнении ответственной работы, Вам дается задание в _____ смену (ы) произвести _____

Выполнением и перевыполнением боевого задания Вы обеспечиваете фронт вооружением и ускоряете разгром разбойничьих орд германского фашизма.

Начальник цеха _____ (подпись)

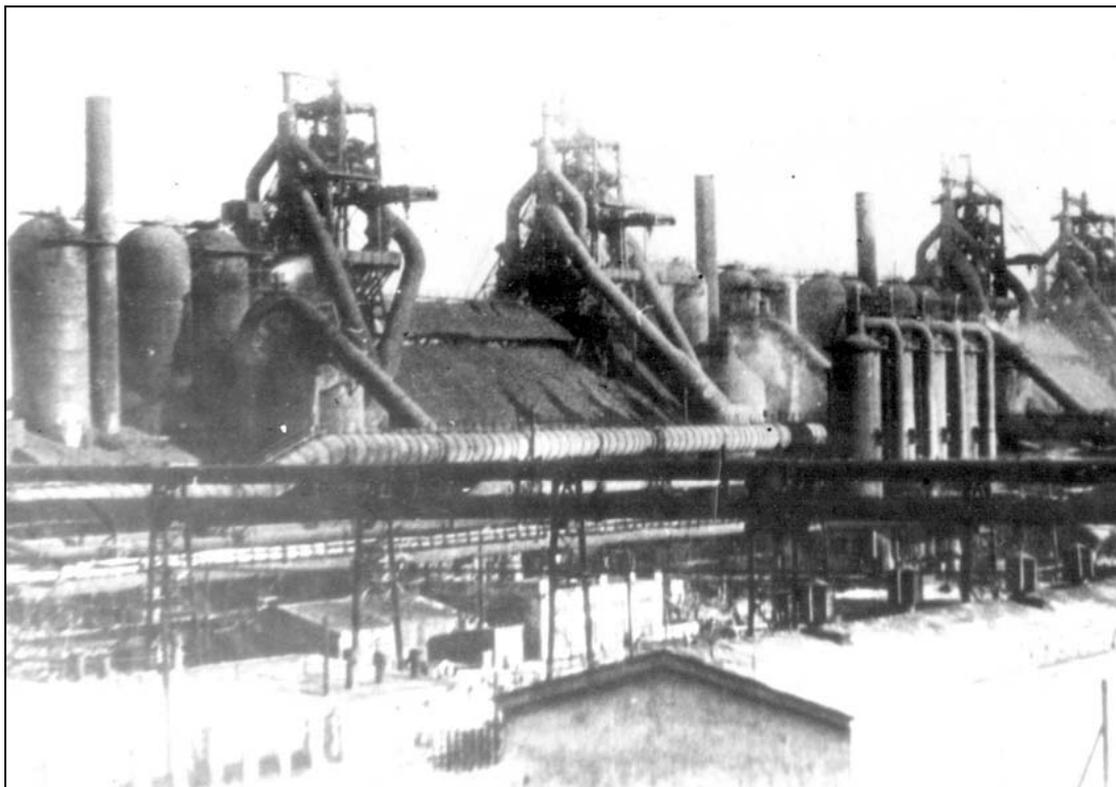
_____ 194 г.

Каждый час, каждую минуту — с ответственностью труду для фронта.

Каждый из нас должен стараться сделать больше для фронта.

Так же, как отважно сражаются наши бойцы и командиры на фронте, каждый из нас должен трудиться в тылу.

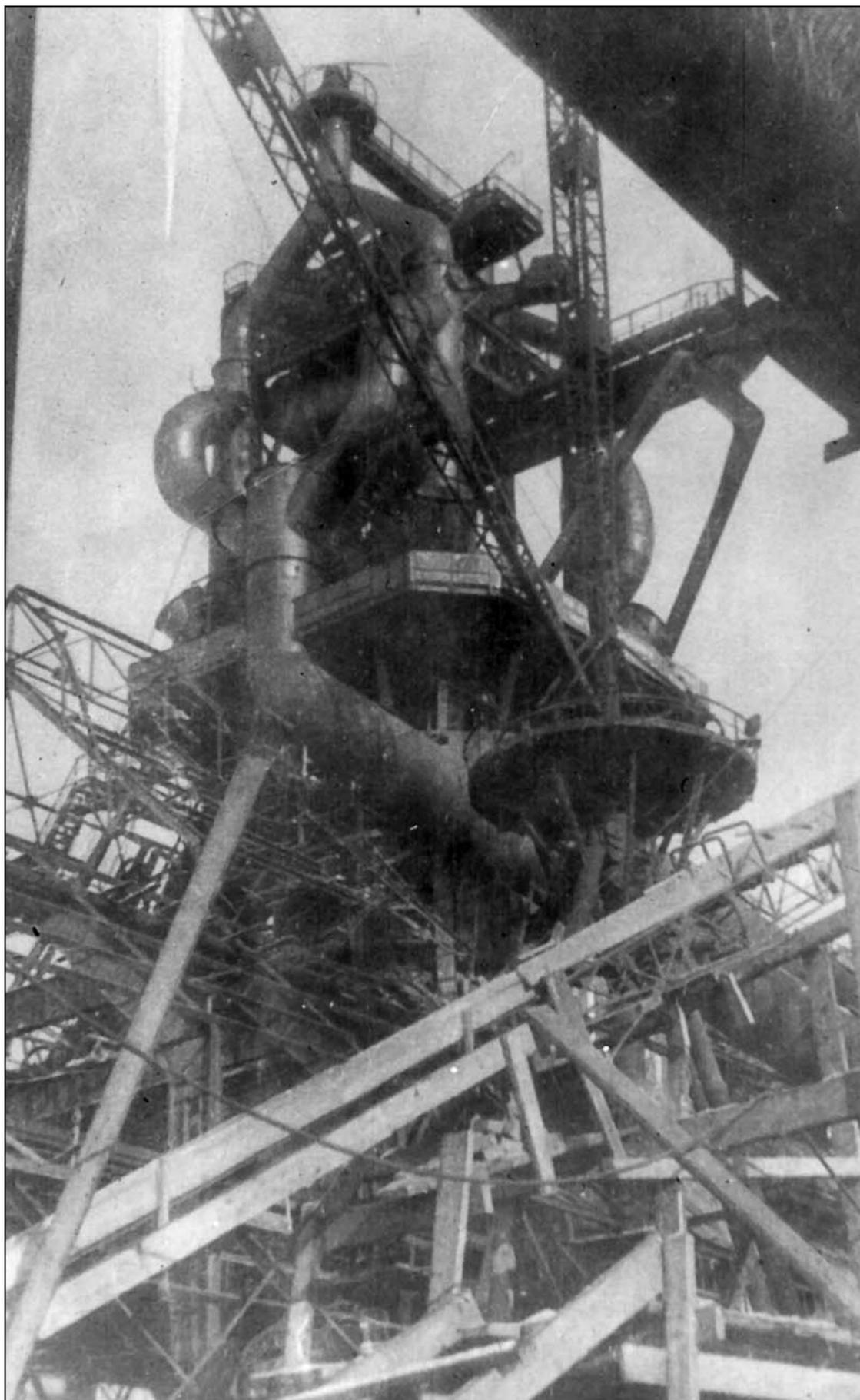
Бланк «Боевое задание»



Магнитогорский металлургический комбинат



Новогодние подарки фронтовикам от трудящихся Магнитки



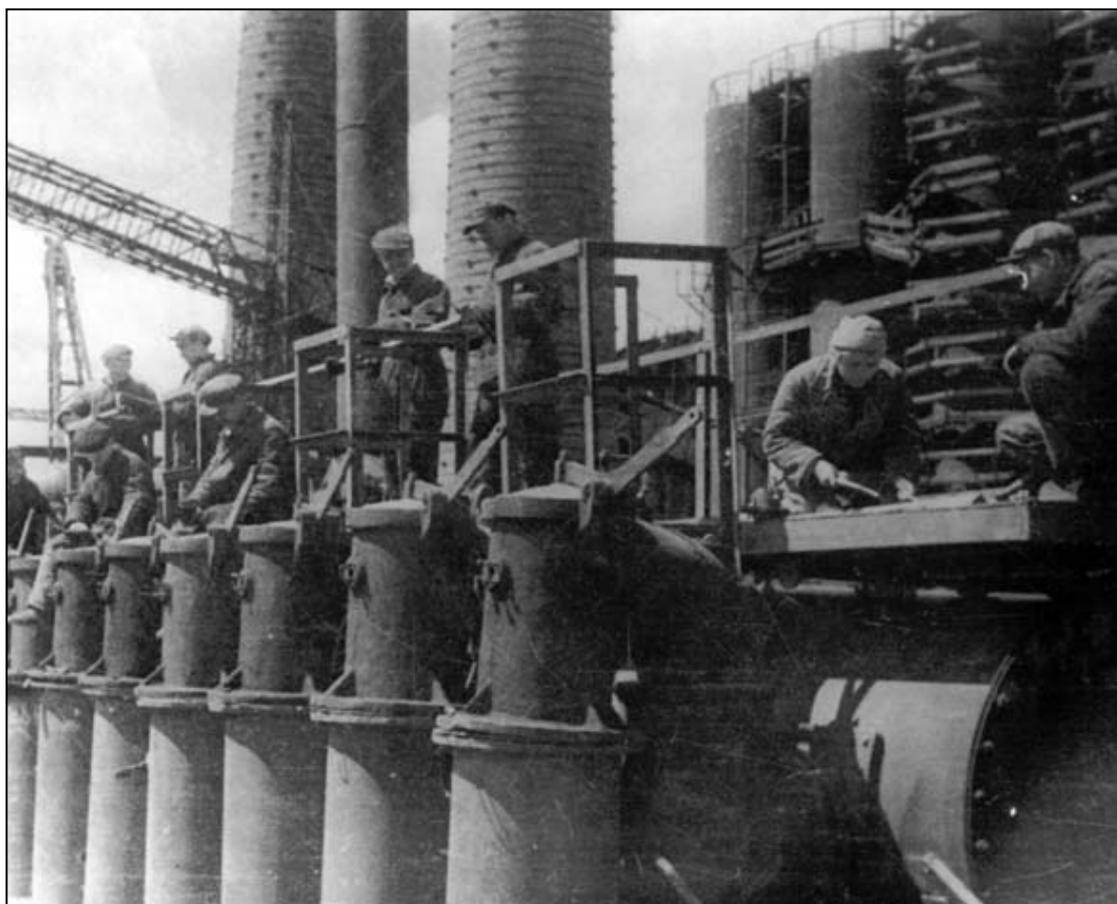
Строительство домны №5



Строительство домны №6. Монтаж кауперов заканчивается. Установка купола выполнена в один подъем за 4 часа



На строительстве домны №6



Строительство коксовой батареи №7. 1944 г.



Доменный цех



Изготовление снарядов



Вручение знамени ГКО. 1942 г.



Вручение знамени ГКО строителям. 17 ноября 1942 г.



Магнитогорки пакуют ящики с подарками бойцам Северо-Западного фронта. 1942 г.



Делегация магнитогорцев вручает подарки бойцам Северо-Западного фронта



Духовой оркестр, организованный в начале войны тов. Рябовым



Мастер Г. Губанищев, фрезеровщик А. Смирнов и токарь В. Муш, выполняющие задание на 250-270%



Минных дел мастера. 1942 г.



Подростки в мартеновском цехе



Группа вальцовщиков из ремесленного училища №13



Минных дел мастера из ремесленного училища №1



В мартеновском цехе



9 мая 1945 г. в Магнитогорске



Парад Победы в Магнитогорске. Май 1945 г.



ЛИЦА ПОБЕДЫ



Баженов Д.А.



Батракова Ф.Ш.



Вариков М.П.



Винс А.В.



Власенко А.Г.



Галкин Д.П.



Голикова А.А.



Дымшиц В.Э.



Жердева А.А.



Землянский Н.И.



Колокольцев К.С.



Костенко И.Я.



Крукович А.Г.



Лысенков К.Ф.



Медведев Г.А.



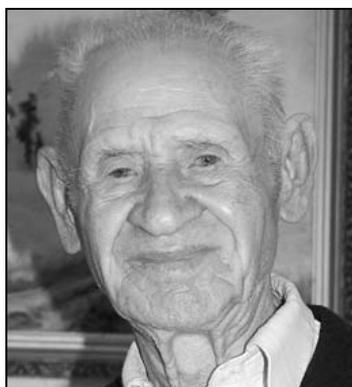
Мельников А.Ф.



Никитина В.И.



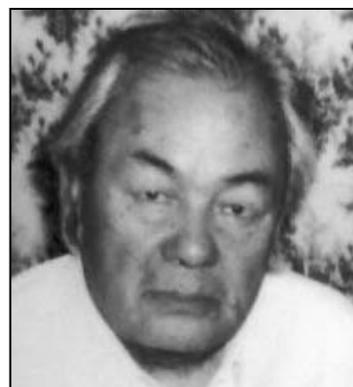
Носов Г.И.



Осадчий В.П.



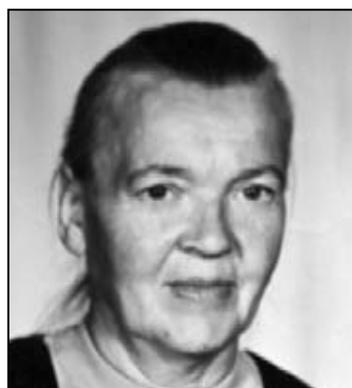
Остапенко М.А.



Рассохин А.Т.



Резанова Н.Д.



Рыжова Н.И.



Силивончик И.Ф.



Смертин Г.И.



Соколова М.И.



Тулупов И.М.



Филатов Ф.В.



Фомин В.П.



Фролова В.И.



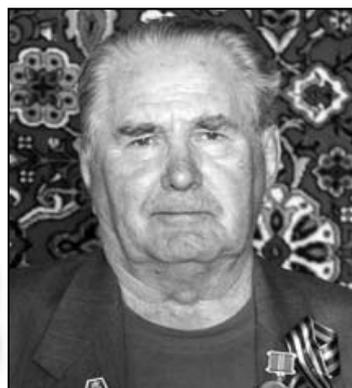
Чернобаев А.Ф.



Чернобаева З.И.



Шакирова К.Г.



Яковлев Е.С.

**Редакция федеральной социально-аналитической газеты
«Аргументы недели» благодарит за поддержку проекта
«Диалог поколений» и помощь в создании сборника:**

Евгения ТЕФТЕЛЕВА, главу г. Магнитогорска
Виктора РАШНИКОВА, председателя совета директоров
ОАО «ММК»

Александра ЛОГИНОВА, начальника управления культуры
администрации г. Магнитогорска

Юрия ТРУТНЕВА, общественного координатора проекта
по реконструкции мемориального комплекса «Тыл – фронту»

Анатолия ЗАХАРОВА, члена президиума Совета
ветеранов г. Магнитогорска

Юлию ВЛАСОВУ, главного специалиста управления культуры
администрации г. Магнитогорска

Александра ИВАНОВА, директора Магнитогорского
историко-краеведческого музея

Любовь ПОДЛУЖНОВУ, директора Музея истории
«Магнитостроя»

Олесю ХОДОТ, руководителя Музея ОАО «ММК»

Элеонору ПОТАПОВУ, директора Объединения городских
библиотек г. Магнитогорска

Галину БУБНОВУ, директора Детской централизованной
библиотечной системы г. Магнитогорска

Наталью ТРОИЦКУЮ, заведующую литературным отделом
Магнитогорского историко-краеведческого музея,
музея-квартиры Б.А. Ручьёва

Леонида ЭСЛИНГЕРА, директора Детской художественной
школы г. Магнитогорска

Олега ФРОЛОВА, главного редактора газеты
«Магнитогорский металл»

Аллу КАНЬШИНУ, корреспондента газеты
«Магнитогорский металл»

Дарью БУЖИНСКУЮ, зав.кафедрой журналистики
Магнитогорского государственного университета

Наталью ФРОЛОВУ, зав.кафедрой истории России
Магнитогорского государственного университета

Евгения ЛЕЩИНСКОГО, преподавателя общественных
дисциплин ГБОУ СПО (ССУЗ) «Магнитогорский
технологический колледж»

Лидию ГРАНИШЕВСКУЮ, обозревателя газеты
«Магнитогорский рабочий»

Беллу ВАЛИТОВУ, руководителя музея
МОУ СОШ № 47 г. Магнитогорска

Сергея ТОПОРКОВА, помощника председателя городского
Собрания депутатов

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	3
МАГНИТКА – КУЗНИЦА ПОБЕДЫ.....	6
Г.И. НОСОВ.....	11
На стеллаже лежал первый в мире броневой лист, прокатанный на блюминге	
В.Э. ДЫМШИЦ.....	21
Масштабы и темпы строительства удивляли даже бывалых людей	
Г.И. СМЕРТИН.....	31
Во время войны выполняли три сменных нормы, а часто перекрывали задания в 5-6 раз	
К.С. КОЛОКОЛЬЦЕВ.....	36
Только прислонился к подушке, мама будит: «Вставай, Костька, 6 утра – на работу пора»	
М.А. ОСТАПЕНКО.....	43
Я вытаскиваю свой снаряд и кричу: «Это мой последний снаряд – снаряд Победы!»	
А.Ф. И З.И. ЧЕРНОБАЕВЫ.....	51
У войны не существовало понятия передышки, броня была необходима постоянно	
А.С. КУПРИЯНОВА.....	59
Я одна в семье получала карточки на хлеб, и делила его на всю семью	
В.П. ФОМИН.....	65
Домны, мартены, прокатные станы не прекращали свою работу	
Ф.В. ФИЛАТОВ.....	73
В тринадцать лет я доставлял похоронки	
Е.С. ЯКОВЛЕВ.....	81
Из-за отсутствия денег мы продали дом и переехали в землянку	
В.И. ФРОЛОВА.....	87
Металл не всегда давали вовремя, и мы находились в цехе по трое суток	

Ф.Ш. БАТРАКОВА.....	94
Искалеченные вагоны везли жуткие вести с фронта	
М.П. ВАРИКОВ.....	103
Я одновременно получил выговор и премию от начальства	
Н.Д. РЕЗАНОВА.....	109
Мы поженились в июне 1945-го	
И.Ф. СИЛИВОНЧИК.....	116
Бомбы падали все чаще и чаще, и ночью одна из них попала к нам во двор	
К.Ф. ЛЫСЕНКОВ.....	122
Меня несколько раз пытались направить на курсы младшего командного состава, но комбинат не отпускал	
А.А. ГОЛИКОВА.....	130
Домой мы приходили грязные, как черти	
В.И. НИКИТИНА.....	137
От тяжелой работы грубели руки, но не грубели сердца	
Г.А. МЕДВЕДЕВ.....	144
Повестку в армию написал своей рукой	
Н.И. ЗЕМЛЯНСКИЙ.....	151
За опоздание на работу сестра получила пять лет тюрьмы	
И.М. ТУЛУПОВ.....	157
Если случалась авария, даже ночью, мы тут же бежали ее устранять	
А.Г. КРУКОВИЧ.....	164
Мы взваливали на плечи шпалы, чтобы перетащить их в нужное место	
В.П. ОСАДЧИЙ.....	169
По поселку ходили женщины с банными тазами и колотушками, и целый день гремели в честь победы	
А.В. ВИНС.....	177
Я разозлилась и в сердцах порвала газету, а там был портрет Сталина...	
И.Я. КОСТЕНКО.....	184
Меня всегда тянуло на работу	
А.Т. РАССОХИН.....	189
В тридцатиградусный мороз мы месили и таскали бетон	
А.Ф. МЕЛЬНИКОВ.....	195
Броню на бронзу не меняю	
Н.И. РЫЖОВА.....	201
Мы прижались друг к другу, пошевелиться боимся от страха, а бомба летит прямо на нас	

А.А. ЖЕРДЕВА.....	207
Я отучилась пять классов, но вела все подсчеты за бригадира	
К.Г. ШАКИРОВА.....	213
В тринадцать я поняла, что началась моя взрослая жизнь	
А.Г. ВЛАСЕНКО.....	220
В Магнитогорске я устроилась кочегаром	
В.Г. ЛЕРМОНТОВА.....	225
Трудились наравне со взрослыми, по двенадцать часов в день	
Д.П. ГАЛКИН.....	234
На комбинате была целая плеяда замечательных специалистов	
Е.П. КОРДАНОВА.....	240
У нас всех была только одна мечта – наесться досыта хлеба	
Д.А. БАЖЕНОВ.....	247
После работы мы засыпали на полу в душевых	
М.И. СОКОЛОВА.....	254
Металл в варежках хватали!	
ФОТОГАЛЕРЕЯ.....	261
ЛИЦА ПОБЕДЫ.....	279
ГИМН ГОРОДА МАГНИТОГОРСКА.....	287

**ОБЩЕФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК
С ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВАМИ
В КАЖДОМ РЕГИОНЕ РОССИИ,
В СТРАНАХ СНГ, ЕВРОПЫ И США**

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ

Выходит по четвергам • www.argumenti.ru

**ИНФОРМИРУЕМ
ПОМОГАЕМ
ЗАЩИЩАЕМ**



Гимн города Магнитогорска

Магнитка

Музыка А. Пахмутовой

Слова Н. Добронравова

*Словно в песне, у Магнитной горы
Снова вспыхнули былые костры...
И пришли на свет костра
Молодые мастера
Из далекой довоенной поры.*

ПРИПЕВ:

*В сердце я навек сохраню
Искреннюю преданность вам —
Братья по судьбе,
Братья по огню,
Братья по горячим делам.*

*Годы жизни — годы бед и побед...
Над Магниткой нашей юности
свет.
Свет далеких тех костров,
Свет негаснущих стихов, —
Дорогая память прожитых лет.*

ПРИПЕВ.

*Говорят, что надо жить
с огоньком.
Мы дружили
с настоящим огнем!
Вот и трогает до слез
Шепот сосен и берез,
Цвет травы, омытой первым
дождем...*

ПРИПЕВ.

*Все пройдет —
усталость, гарь и печаль.
Все пройдет —
навек останется сталь.
Сталь сердец и городов,
Сталь негромких наших слов
И ракет, летящих
в звездную даль...*

ПРИПЕВ.

ГОВОРЯТ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ. МАГНИТКА – ПОДВИГ ТЫЛА

Редактор проекта
Елена Козина

Авторский коллектив
**Юрий Трутнев, Любовь Подлужнова, Алла Каньшина,
Анастасия Баженова, Дарья Швед, Дарья Кориненко, Екатерина Репьёва,
Анастасия Серова, Анна Антонова, Олеся Матюк, Александра Богданова,
Ильмира Губайдуллина, Борис Валуйский, Виктория Дяденко,
Виктория Авдонина, Лидия Гранишевская, Александра Хакимова,
Ольга Панова, Оксана Фоменко, Екатерина Чухутина,
Любовь Молочко, Анастасия Бандурина, Евдокия Титаренко,
Дарья Каблова, Юлия Неясова, Евгения Гуря,
Максим Грицук**

Корректор **Татьяна Юдина**
Дизайн обложки **Александр Щукин**
Компьютерная верстка **Юлия Токарева**

В книге использованы фотографии и документы из фондов
Магнитогорского историко-краеведческого музея, Музея
ОАО «ММК», Музея истории треста «Магнитострой».

Во вступительной статье и главах о Г.И. Носове
и В.Э. Дымшице использованы материалы книг:
Машковцев В.И. История Магнитки. Магнитогорск:
Магнитогорский дом печати, 1999.
Магнитка и Победа. Магнитогорск: Магнитогорский
государственный университет, 2010.
Летопись ММК: Сб. Посвящается 70-летию комбината 1932–2002/Составители
Н.Г. Пукаляк, Т.В. Фатина. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2002.
Дымшиц В.Э. Магнитка в солдатской шинели, М.: Архитектура, 1995.
Носов Г.И. Яркая судьба. М.: Элита Р, 2005.

Подписано в печать 25.10.2013
Формат 84 x 108 1/32
Тираж 4000 экз.

Отпечатано в ОАО «Ордена Октябрьской Революции,
Ордена Трудового Красного Знамени «Первая Образцовая
типография» филиал «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14